

Академия наук Республики Таджикистан

Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша

На правах рукописи

Раджабова Дилафруз Кудратшоевна

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ НАРОДНОГО КОСТЮМА
ТАДЖИКОВ (ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЕРХНЕЙ ОДЕЖДЫ)**

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Научный руководитель: доктор исторических наук,
доцент Иброхимов М.Ф.

Научный консультант: доктор исторических наук,
профессор Раджабов А.

Душанбе – 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Таджикско-персидские памятники письменности как источник для реконструкции исторической одежды таджиков	25
Глава 2. Легкая верхняя одежда таджиков: виды, эволюция и историческая трансформация	57
2.1. Опоясываемая одежда	-
2.2. Нарядная одежда	84
2.3. Религиозная одежда	104
Глава 3. Эволюция предметов стеганой верхней одежды таджиков и их трансформация в народном костюме	121
3.1. Повседневная одежда	-
3.2. Военская одежда	132
Заключение	142
Список использованной литературы	151
Приложение. Иллюстрации	170

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Богатое наследие классиков таджикско-персидской литературы, а также сохранившиеся памятники письменности на других восточных языках, содержат упоминания многочисленных названий одежных предметов минувших столетий. Естественно, большая часть этих терминов вышла из употребления, одновременно происходили изменения в составе одежного комплекса. Однако как подсказывает логика, и это подтверждают результаты специальных исследований, исчезновению названия не всегда сопутствовало исчезновение обозначаемого им конкретного вида одежды. Зачастую бытование данного вида одежного предмета, порой сопровождаемое некоторыми стилевыми и декоративными изменениями, имело продолжение, но уже под другим названием. Поэтому отслеживание трансформации предметов исторической одежды исчезнувших названий в традиционной одежде народа позволяет глубже изучить эволюцию формы, покроя и характера оформления одежды. Важность проведения такого исследования заключается в том, что трансформационный процесс протекает во взаимосвязи с политическими, социальными, культурными и религиозными изменениями в жизни общества. На результат процесса трансформации одежды оказывают влияние, как наработанные предыдущими поколениями традиции в области материальной культуры, так и имеющие место естественное и насаждаемое искусственно взаимовлияние культур разных народов. Поэтому выполнение данного исследования позволяет обогатить наши знания по отечественной истории в целом и по истории материальной культуры таджикского народа в частности.

Выбирая тему для разработки, мы исходили из того положения, что исторический костюм, в том числе историческая одежда, народов Центральной Азии изучена преимущественно (за исключением эпохи позднего средневековья) на основе археологических находок и художественных источников (настенные росписи в памятниках зодчества,

книжные миниатюры). Материалы памятников письменности использовались фрагментарно, в основном, с целью выявления названий предметов одежды, обнаруженных археологически или изображенных в художественных памятниках (скульптуре, живописи, керамике, ювелирных произведениях, архитектурном декоре и т.п.). На недостаточное внимание, уделяемое исследователями материальной культуры данному виду источников обратила внимание еще несколько десятилетий тому назад известный знаток исторического и традиционного центральноазиатского костюма О.А. Сухарева: «До сих пор для изучения вопроса (об историческом костюме – Д.Р.) почти не привлекались данные восточных письменных источников. Здесь таятся большие возможности, хотя, как правило, прямых описаний одежды в источниках не бывает. Но даже мимоходом брошенное замечание средневекового автора представляет большую ценность. Специальный подбор таких замечаний может дать отправную точку для важных сопоставлений».¹

Разработка настоящей темы предполагает изучение таджикского одежного комплекса нескольких столетий, начиная с IX-X веков – эпохи становления таджикско-персидской классической литературы, и отслеживание его дальнейшего развития вплоть до наших дней. С XIV века важным источником, помимо памятников письменности, начинает выступать книжная миниатюра. Однако, несмотря на то, что в аспекте использования миниатюрной живописи для изучения исторического костюма исследователями проделана огромная и плодотворная работа, наблюдается и наглядный изъян. Зачастую занявшись точным и детальным описанием сюжета книжной миниатюры, специалисты в области материальной культуры, в том числе исследователи исторического костюма акцентируют внимание на цвете, форме, стиле предметов одежды, не решаясь при этом

¹ Сухарева О.А. Вопросы изучения костюма народов Средней Азии // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. - С. 8.

указать на их название². Без этого проследить за трансформацией одежных предметов невозможно.

Точной идентификации предметов одежды, исходя из их названия в составе костюмов изображенных персонажей, способствуют обобщения, выполненные на основе анализа сведений письменных источников. О необходимости проведения исследований в этом направлении обоснованно говорила Г.А. Пугаченкова: «Известные затруднения возникают в вопросе о некоторых наименованиях. Восточная терминология частей одежды для рассматриваемых нами столетий (XV - первой половины XVI веков – Р.Д.) пока окончательно не уточнена. Авторы работ об иранском (и среднеазиатском) костюме предпочитают ограничиваться очень приблизительной передачей названий на соответствующих европейских языках. Безусловно, более правильно использование восточных названий... Окончательное уточнение терминологии костюмов Средней Азии и Ирана XV - XVI вв. может быть дано лишь знатоком языков народов Среднего Востока».³ Это заключение Г.А. Пугаченковой о терминологии восточного костюма справедливо и к другим векам, как до, так и после указанных двух столетий.

Тематические материалы, содержащиеся в многочисленных источниках восточной письменности, позволяют дополнить наши знания про особенности различных предметов исторической одежды. Поверхностное отношение к этому виду первоисточников, формирование мнения на основе материалов ограниченного числа письменных источников, порой одного-двух, приводит к появлению неточных заключений про назначение, области применения и другие признаки одежных предметов. На наш взгляд, для

² См., например, описание плечевых одежд в публикации: Горелик М.В. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV-XIX вв. // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. - С. 49-69.

³ Пугаченкова Г.А. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV - первой половины XVI вв. // Труды Среднеазиатского государственного университета. - Вып. 81. Исторические науки. – Кн. 12. Археология Средней Азии. – М., 1956. – С. 87.

изучения исторической одежды следует привлечь сведения, почерпнутые из значительного количества источников письменности, на основе анализа которых станет возможным составление предварительной характеристики (содержащей область применения, конструктивные особенности, цвет, манера ношения и т.д.) предметов одежды различных названий. Далее, используя данные сведения, необходимо выявить на памятниках живописи изображения этих одежд, проанализировать их и на этой основе дополнить и уточнить уже составленные определения.

Таким образом, задача изучения трансформации исторической одежды путем целенаправленного сбора и анализа материалов из разных источников представляется актуальной и своевременной.

Степень изученности проблемы. Историческая одежда таджикского народа становилась предметом исследования на основе использования разнохарактерных источников. Среди работ, в которых разными археологами обобщены результаты изучения древней одежды (а также древнего костюма в целом), наиболее комплексной представляются труды С.А. Яценко, содержащие системный анализ исторического костюма, как древних ираноязычных народов Центральной Азии и Юга России⁴, так и ранних тюрков.⁵

Костюмы античного периода и средневековой эпохи собственно таджиков с учетом их региональных особенностей глубоко изучены Г.

⁴ Яценко С.А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции. – Дисс. ... д-ра. ист. наук. – М., 2002; Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006; Яценко С.А. На родине и на чужбине: облик костюма раннесредневековых согдийцев по изображениям // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Ч. 1. - Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Респ. Татарстан, 2010; Яценко С.А. Цветовые предпочтения в костюме древних ираноязычных народов // Матер. XIII междуна. Научной конфер. «Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии» (28 июня – 1 июля 2010 г.). – СПб., 2010; Яценко С.А. Согдийцы на родине и за границей: различия в костюме VI–VIII вв. по изображениям в Согде и Китае // Археология Казахстана. – Астана, 2012. - № 1 и др.

⁵ Яценко С.А. Древние тюрки: костюм на разноцветных изображениях. – Харьков, 2007; Яценко С.А. Древние тюрки: мужской костюм в китайском искусстве 2-ой пол. VI - 1-ой пол. VIII вв. (образы «Иных») // Transoxiana (Internet-journal). № 14 (Agosto 2009), Buenos-Aires, 2009 и др.

Майтдиновой⁶. Особо отметим ее заслуги в деле авторской реконструкции разных стилей раннесредневекового костюма. Плодом многолетних трудов Г. Майтдиновой стало издание двухтомной публикации, материалы которой позволяют проследить эволюцию одежды и других атрибутов мужского, женского и детского костюмов таджиков с древности до середины XX века.⁷

Работы И.Б. Бентович⁸ и Н.П. Лобачевой⁹, подобно ряду публикаций Г. Майтдиновой, специально посвящены изучению исторической одежды по данным настенной живописи археологических памятников Средней Азии. В той или иной мере этот вопрос затрагивается в трудах А.М. Беленицкого¹⁰,

⁶ Майтдинова Г.М. Женские костюмы Тохаристана и Согда в период раннего средневековья (по произведениям изобразительного искусства) // Бактрия – Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. – М., 1983. – С. 52-53; Майтдинова Г.М. Женские костюмы Тохаристана и Согда в период раннего средневековья (по произведениям изобразительного искусства) // Бактрия – Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. – М., 1983. – С. 52-53; Майтдинова Г.М. Отражение в женских костюмах Тохаристана и Согда культурных взаимосвязей раннего средневековья // История материальной культуры Узбекистана. – Вып. 21. – Ташкент, 1987. – С. 114-132; Майтдинова Г.М. Раннесредневековый костюм музыкантов и танцоров Средней Азии / Известия отделения общественных наук Академии наук РТ. – Душанбе, 1989. – № 1; Майтдинова Г.М. Костюм раннесредневекового Тохаристана: история и связи. – Душанбе: Дониш, 1992; Майтдинова Г.М. Костюм раннесредневекового Кумедана // Мероси ниёгон. – Душанбе, 1992. – Вып. 1. – С. 55-58 и др.

⁷ Майтдинова Г. История таджикского костюма. – Душанбе, 2004. – Т. 1. Генезис костюма таджиков: древность и раннее средневековье.; Т. 2. Средневековый и традиционный костюм.

⁸ Бентович И.Б. Одежда раннесредневековой Средней Азии (по данным стенописей VI-VIII вв.) // Страны и народы Востока. – Вып. 22. – Кн. 2. М., 1960. – С. 196-212.

⁹ Лобачёва Н.П. К истории среднеазиатского костюма (женские головные накладки-халаты) / Советская этнография. – М., 1965. – № 6. – С. 34-39; Лобачёва Н.П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенописей архитектурных памятников VI-VIII вв.) // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. – С. 18-47; Лобачева Н.П. О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1989. – С. 5–38.

¹⁰ Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись, скульптура. – М.: Искусство, 1973. – 68 с.; Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. – Л.: Наука, 1973. – 389 с.; Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII- VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М., 1976. – С. 75-89, 179-186. и др.

Л.И. Альбаум¹¹, В.А. Шишкина¹², С.П. Толстова¹³, И.Т. Кругликовой¹⁴ и некоторых других исследователей, изучивших сюжеты и технологические особенности исполнения монументальных росписей. Античную одежду, распространенную в областях исторического расселения таджикского народа, с привлечением древней скульптуры исследовала В.А. Мешкерис.¹⁵ Археологические находки предметов костюма изучали М.П. Винокурова¹⁶, А.К. Елкина¹⁷, М.А. Бубнова¹⁸, Н.Б. Немцева¹⁹, Н.В. Дьяконова²⁰ и др. Благодаря этим и другим проведенным исследованиям удалось установить

¹¹ Альбаум Л.И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Правобережного Тохаристана. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960 – 228 с.; Альбаум Л.И. Новые росписи Афрасиаба // Страны и народы Востока. – М.: Наука, 1971. – Вып. 10. – С. 53-89; Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. – Ташкент: Фан, 1975 и др.

¹² Шишкин В.А. О художественном ремесле в Средней Азии V-VIII вв. по памятникам древней живописи (текстиль) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. - № 80. – С. 22-25; Шишкин В.А. Варахша. Опыт исторического исследования. – М.: Изд-во АН СССР, 1963; Шишкин В.А. Афрасиаб – сокровищница древней культуры. – Ташкент: АН УзССР, 1966.

¹³ Толстов С.П. Древний Хорезм. – М.: Изд-во МГУ, 1948; Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962.

¹⁴ Кругликова И.Т. Дильберджин (раскопки 1970-1972 гг.). – Ч. 1-2. – М.: Наука, 1974, 1977; Кругликова И.Т. Настенные росписи Дильберджина // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. - М., 1979; Кругликова И.Т. Дильберджин. Храм Диоскуров // Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. - М., 1986.

¹⁵ Мешкерис В.А. Женские чалмообразные головные уборы на кушанских статуэтках из Согда // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. - С. 13-18; Мешкерис В.А. Согдийская терракота. – Душанбе, 1989 и др.

¹⁶ Винокурова М.П. Ткани из замка на горе Муг // Известия Отд-я обществ. наук ТаджССР. - Вып. 14. – Душанбе, 1957. – С. 22-33.

¹⁷ Майтдинова Г.М., Елкина А.К. Реставрация, реконструкция и исследование древних тканей // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1994. – Вып. XXV. – С. 75-78.

¹⁸ Бубнова М.А. Древние рудознатцы Памира. – Душанбе, 1993.

¹⁹ Немцева Н.Б. К истории тканей и одежды населения Средней Азии XV в. // Из истории искусства великого города (к 2500-летию Самарканда). – Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1972. – С. 243-251.

²⁰ Дьяконова Н.В., Сорокин С.С. Хотанские древности. – Л.: Изд. Государственного Эрмитажа, 1960; Дьяконова Н.В. «Сасанидские ткани» // Труды Государственного Эрмитажа. – Л., 1969. – Т. 10. – С. 81-98; Дьяконова Н.В. К истории одежды в Восточном Туркестане II-VII вв. // Страны и народы Востока. - М.: Наука, 1980. – Кн. 2.

некоторые конструктивные особенности предметов старинной одежды и установить материалы, из которых ее шили в древности и средневековье.

Известными исследователями Г.А. Пугаченковой, О.И. Галеркиной, В.Г. Долинской, М.В. Горелик, М.М. Ашрафи, З.И. Рахимовой и др. изучен исторический костюм Центральной Азии на основе нарядов персонажей книжных миниатюр. Работа Г.А. Пугаченковой «К истории костюма Средней Азии и Ирана XV – первой половины XVI века» подтвердила, что в миниатюрах сокрыта богатая ценная информация по костюмным комплексам. Однако жесткие хронологические границы и ограниченный объем текста (научная статья в журнале) при обилии накопленного материала вынудили исследователя отказаться от тщательного и скрупулезного анализа конкретных элементов одежды персонажей. Рассматриваемая тема в той или иной степени находила отражение и в других работах Г.А. Пугаченковой, которые, правда, посвящены истории центральноазиатского искусства в целом.²¹ В своих трудах на тему миниатюр Мавераннахра и Хорасана О.И. Галеркина²², В.Г. Долинская²³ и М.М. Ашрафи²⁴ также обращают внимание на специфические черты костюмов персонажей, но и для них этот вопрос

²¹ Пугаченкова Г.А. К истории паранджи / Советская этнография. – М., 1952. – № 3. – С. 191-195; Пугаченкова Г.А. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV – первой половины XVI в. // Труды Среднеазиатского госуниверситета. – Ташкент, 1956. – Т. XXXI. – С. 85-119; Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье. – М.: Искусство, 1982 и др.

²² Галеркина О.И. Материальная культура Средней Азии и Хорасана XV –XVI вв. по данным миниатюр ленинградских собраний: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.-Л., 1951; Пугаченкова Г.А., Галеркина О.И. Миниатюры Средней Азии. В избранных образцах. Из советских и зарубежных собраний. – М.: Изобразительное искусство, 1979; Галеркина О.И. Миниатюры Мавераннахра. – Л.: Аврора, 1980 и др.

²³ Долинская В.Г. Очерк миниатюрной живописи Средней Азии XVI в. // Искусство таджикского народа. – Сталинабад, 1960. – Т. 29. – С. 173-203; Долинская В.Г. Миниатюрная живопись Средней Азии / Звезда Востока. Ташкент, 1958. – № 7. – С. 152-159 и др.

²⁴ Ашрафи М.М. Миниатюры XVI в. в списках Джамии из собраний СССР. – М.: Сов. художник, 1966; Ашрафи М.М. Бухарская школа миниатюрной живописи 40-70 гг. XVI в. – Душанбе, 1974; Ашрафи М.М. Персидско-таджикская поэзия в миниатюрах XIV-XVII вв. из собраний СССР. – Душанбе: Ирфон, 1974; Ашрафи М.М. Из истории развития миниатюры Ирана XVI в. – Душанбе: Дониш, 1978; Ашрафи М.М. Таджикская миниатюра. Бухарская школа XIV-XVII веков. – Душанбе, 2011; Ашрафи М.М. От Бехзада до Риза-йи Аббаси. Развитие миниатюры XVI – начала XVII веков. – Душанбе, 2011.

имел второстепенное значение. Они решали, прежде всего, чисто искусствоведческие задачи, в частности выявление стилистических особенностей картин, связи со школами миниатюры соседних регионов. Наряду с тем, одна из публикаций таджикского исследователя М.М. Ашрафи специально посвящена изучению особенностей таджикского костюма эпохи средневековья путем описания нарядов персонажей миниатюр²⁵.

Над целевым использованием книжных миниатюр в аспекте изучения исторического костюма Центральной Азии продуктивная работа проведена исследователями М.В. Горелик, Н.В. Дьяконовой²⁶, З.И. Рахимовой и др. Так, в публикациях М.В. Горелик содержатся классификация и системное описание мужской одежды для широкого хронологического интервала и с привлечением богатого изобразительного материала. Однако ограничение источниковедческой базы исключительно миниатюрами не позволили исследователю выполнить идентификацию описанных предметов одежды (за исключением пояса *фута* и наплечного шарфа *тайласан*) с точки зрения бытовавшей терминологии²⁷.

Наиболее системный анализ книжных миниатюр в аспекте изучения костюмного комплекса средневековой Центральной Азии прослеживается в трудах узбекского исследовательницы З.И. Рахимовой. В качестве дополнительного источника ею использованы материалы памятников письменности, что позволило не только выявить названия ряда предметов

²⁵ Ашрафи М.М. Средневековой костюм таджиков XIV-XVII веков (по данным миниатюры). – Душанбе, 2002.

²⁶ Дьяконова Н.В. К истории одежды в Восточном Туркестане // Страны и народы Востока. – М. Наука, 1980. – Вып. 22. – Кн. 2. – С. 174-195.

²⁷ Горелик М.В. Ближневосточная миниатюра XII-XIII вв. как этнографический источник (опыт изучения мужского костюма) // Советская этнография. – М., 1972. – № 2. – С.37-51; Горелик М.В. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV-XIX вв. // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. – С. 49-69.

одежды в костюмах персонажей картин, но и достаточно точно раскрыть их генетические и типологические признаки.²⁸

Р.Г. Мукминовой опубликована краткая статья, в которой собраны и проанализированы сведения письменных источников о среднеазиатском костюме XVI века.²⁹ Основу исследования историка А. Холики, изучавшего ткани, элементы одежды и другие предметы быта таджиков в переходный период к развитому средневековью, также составляло использование письменных источников. Однако в этой работе, посвященной всем аспектам материальной культуры, одежный комплекс затрагивается поверхностно, в основном в названиях его составляющих и их назначении.³⁰ В исследованиях М.Ф. Иброхимова сведения литературных памятников привлечены для разработки вопроса о периодизации и классификации исторических и традиционных тканей таджиков. Собранные материалы позволили исследователю составить детальные описания исторических, в том числе одежных, тканей многочисленных названий³¹. В целом, необходимость применения литературных и документальных памятников разных эпох для специального изучения исторической одежды с целью получения материала,

²⁸ Рахимова З.И. Суфийская концепция одежды в костюме шейков и дервишей (по данным позднегератской миниатюры). - <http://www.sanat.orexca.com/rus/archive/2-08/sufkonc.shtml> (дата обращения - 26.05.2014); Рахимова З.И. Бухарский костюм XVI - XVII вв. в миниатюрах Мовароуннахра. - <http://www.bukhara.uz/stati-bukhara/796---XVI-XVII----> (дата обращения - 26.05.2014); Рахимова З.И. Мавераннахрская (среднеазиатская) миниатюрная живопись XVI-XVII вв. как источник по истории костюма: Автореф. дис. ... канд. иск. – Ташкент, 1984; Полякова Е.А., Рахимова З.И. Миниатюра и литература Востока. – Ташкент: Изд. лит-ры и искусства им. Г. Гуляма, 1987 и др.

²⁹ Мукминова Р.Г. Костюм народов Средней Азии по письменным источникам XVI в. // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. - С. 70-77.

³⁰ Холики А. Материальная культура Мавераннахра и Хорасана X–XIII вв. по данным средневековых письменных источников: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 1994. Холики А. К истории культуры и этнографии таджиков X-XIII веков (по данным письменных источников). – Худжанд, 2000.

³¹ Иброхимов М.Ф. Таджикский ремесленный текстиль: Словарь-справочник. – Душанбе: Ирфон, 2003; Иброхимов М.Ф. Традиционное ткачество таджиков: История и технология. - Душанбе: Ирфон, 2006; Иброхимов М.Ф. Текстильные промыслы таджикского народа в конце XIX – начале XX в. – Душанбе: Ирфон, 2013 и др.

позволяющего выявить характер процессов сложения традиционной одежды таджиков, очевидна.

По понятным причинам наиболее изученной является традиционная одежда народов Центральной Азии. Значительный материал такого содержания был собран в XIX – начале XX века усилиями посетивших эти края иностранцев, в первую очередь русских. Публикации того периода в аспекте рассматриваемой темы представляют большую ценность как источниковый материал, поэтому их краткий обзор выполнен в разделе, посвященном источниковедческой базе исследования.

Системное изучение традиционной одежды таджиков с учетом районов их компактного проживания было выполнено в советский период, как путем специальных, так и комплексных этнографических исследований. В частности, традиционный костюм таджикского народа, его региональные особенности были изучены З.А. Широковой, О.А. Сухаревой, А.К. Писарчик³², Л. Бахтоваршоевой³³, Р.А. Рассудовой³⁴ и др. Сравнение собранных ими материалов с особенностями средневекового одежного комплекса позволяет обнаружить ряд общих признаков, и это может

³² Писарчик А.К. Материалы к истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские одежды и головные уборы // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. – С. 113-122.

³³ Бахтоваршоева Л. Ткани кустарного производства в Припамирье в XIX – начале XX в. (Материалы к «Историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана») // Сов.этнография. – М., 1973. – № 3. – С. 110-118; Бабаева Н., Бахтоваршоева Л. Саван // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. – С. 127-132; Бахтоваршоева Л. Платья традиционного покрова таджичек Памира // Памироведение: Сб. статей. – Душанбе: Дониш, 1984. – Вып. 1. – С. 145-152. – (АН ТаджССР. Комиссия Памироведения).

³⁴ Рассудова Р.Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1970. – Т. 26. – С. 16-51; Рассудова Р.Я. К истории развития одежды оседлого населения Ферганы, Зеравшана и Ташкентского региона // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1978. – Т. 34. – С. 154-174; Рассудова Р.А. К истории женской одежды Ферганы и Ташкента (XIX – начало XX в.) // Полевые исследования Ин-та этнографии, 1979. – М., 1983. – С. 164-178; Рассудова Р.А. Женские головные платки населения Ферганской долины и Ташкентского оазиса (конец XIX – начало XX в.) Полевые исследования Ин-та этнографии, 1980. – М., 1984. – С. 196-206; Рассудова Р.А. К истории одежды среднеазиатского духовенства // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1989. – Вып. 43. – С. 170-179.

содействовать атрибутизации соответствующих исторических деталей одежды. Публикации О.А. Сухаревой, несмотря на их этнографическую основу, содержат ценный материал, тесно сплетенный с историей и эволюцией отдельных предметов центральноазиатской одежды. В плане рассматриваемой темы следует выделить такие ее работы, как «Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии», «Опыт анализа покровов традиционной туникообразной среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции», «История среднеазиатского костюма» (Самарканд, 2-я половина XIX - начало XX веков). В этих публикациях автор, рассматривая конкретные предметы традиционной одежды, останавливается на способах их ношения во взаимосвязи с локальными особенностями и древними обрядами с привлечением памятников живописи. Еще одно достоинство этих и других трудов О.А. Сухаревой – выявление причастности конкретных этнических групп Центральной Азии к ношению тех или иных предметов исторической и традиционной одежды.³⁵

Отслеживанию эволюции исторической одежды таджиков много внимания уделено в исследованиях З.А. Широковой, посвященных традиционному костюму этого народа³⁶. Большую ценность представляет

³⁵ Сухарева О.А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. - М., 1954. - Вып. 1. Новая серия. - Т. XXI. - С.111-157; Сухарева О.А. Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в. // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии.- Л.: Наука, 1970. - С.101-112; Сухарева О.А. Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. - М.: Наука, 1979. - С. 77-102; Сухарева О.А. Вопросы изучения костюма народов Средней Азии // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. - С. 3-13; Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX - начало XX в.).- М.: Наука, 1982 и др.

³⁶ Широкова З.А. Архаические детали в женской одежде горных районов Кулябской области. – Изв. Отд-ния общественных наук АН ТаджССР. – Сталинабад, 1953. - № 3. – С. 99-107; Широкова З.А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1976; Широкова З.А. Традиционные женские головные уборы таджиков (юг и север Таджикистана) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. - М., 1989. - С. 182-203; Широкова З.А. Мужская и женская поясная одежда таджиков // Этнография в Таджикистане. – Душанбе, 1989; Широкова З.А. Таджикский костюм конца XIX – XX вв. – Душанбе: Дониш, 1993.

«Альбом одежды таджиков», который составлен З.А. Широковой совместно с Н.Н. Ершовым. Цветные иллюстрации этого альбома наглядно демонстрируют основные отличительные черты и характерные нюансы одежды равнинных и горных таджиков³⁷. В аспекте разрабатываемой проблемы укажем также на ее (совместно с М.М. Шовалиевой) статьи, посвященные трансформации костюмного комплекса жителей Горного Бадахшана, переселенных в Вахшскую долину³⁸.

Традиционную одежду населения, в том числе таджикского, долины Ферганы изучила Р.Я. Рассудова³⁹. Одну из своих работ она посвятила одежде жителей верховьев Зарафшана⁴⁰. Приведенные в этой статье Р.Я. Рассудовой сведения были значительно дополнены этнографом Е.М. Пещеревой⁴¹.

Виды и покрои одежды горных таджиков долины Каратегина изучены С.П. Русяйкиной⁴². Р.Л. Неменовой изучена традиционная одежда горцев

³⁷ Ершов Н.Н., Широкова З.А. Альбом одежды таджиков. - Душанбе, 1969.

³⁸ Широкова З.А., Шовалиева М.М. Костюмный комплекс таджиков-переселенцев из ГБАО в Вахшскую долину // Очерки истории и теории культуры таджикского народа. – Т. 4. – Душанбе: Дониш, 2010. – С. 144-163; Широкова З.А., Шовалиева М.М. Трансформация костюмного комплекса таджиков-переселенцев из ГБАО // Труды Маргианской археологической экспедиции. – Т. 4. – М., 2012. – С. 256-266.

³⁹ Рассудова Р.Я. К истории одежды оседлого населения Ферганского, Ташкентского и Зерафшанского регионов // Сборник музея антропологии и этнографии. - Ленинград, 1978. – Т. 34. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. - С. 154-174; Рассудова Р.Я. К истории женской одежды Ферганы и Ташкента (XIX – начало XX в.) // Полевые исследования Ин-та этнографии, 1979. – М., 1983. – С. 164-178; Рассудова Р.Я. Женские головные платки населения Ферганской долины и Ташкентского оазиса (конец XIX - XX в.) // Полевые исследования Ин-та этнографии, 1980-1981. – М., 1984. – С. 196-206; Рассудова Р.Я. К истории одежды среднеазиатского духовенства // Сборник музея антропологии и этнографии. – Л., 1989. – Вып. 43. Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии. – С. 170-179; Рассудова Р.Я. Сравнительная характеристика мужской одежды населения Ферганско-Ташкентского региона (XIX-XX в.) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1989. – С. 139-156 и др.

⁴⁰ Рассудова Р.Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана (по коллекциям и записям А.Л. Троицкой и Г.Г. Гульбина, 1926-1927 гг.) // Сборник музея антропологии и этнографии. – Л., 1970. – Т. 26. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. – С. 16-51.

⁴¹ Пещерева Е.М. Ягнобские этнографические материалы. – Душанбе: Дониш, 1976.

⁴² Русяйкина С.П. Народная одежда таджиков Гармской области Таджикской ССР // Среднеазиатский этнографический сборник. – М., 1959. - С. 132-214; Махова Е.И., Русяйкина С.П. Программа сбора

Варзоба⁴³. Предмет изучения этнографа Л. Бахтоваршоевой составили некоторые аспекты традиционной одежды жителей Памира и Припамирья, в частности специфики кроя их платьев, халатов и поясной одежды, а также особенности строения и декора одежных тканей⁴⁴.

Большой вклад в изучение народной одежды равнинных таджиков внесен историком А.К. Писарчик, в трудах которой дается описание и выявляется терминология одежного комплекса таджиков Нураты⁴⁵. Одежду, распространенную в первой половине XX века в одном из крупнейших центров истории и культуры таджиков – Бухаре, а также в Иране, изучила Ф.Д. Люшкевич⁴⁶.

Среди работ, выполненных на территории Узбекистана, отметим также красочные альбомы, составленные Н. Садыковой. В них представлены иллюстрации и краткие описания предметов одежды, обуви и украшений по музейным коллекциям. Хотя в названии альбомов речь идет об узбекском костюме, приведенные в ней материалы в равной мере имеют отношение и к

материала для атласа по народной одежде // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. – М.-Л., 1961.

⁴³ Неменова Р.Л. Таджики Варзоба. - Душанбе, 1998.

⁴⁴ Бахтоваршоева Л. Ткани кустарного производства в Припамирье в XIX - начале XX в. (Материалы к историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана) // Сов. этнография. - 1973. - № 3. - С. 110-118; Бабаева Н., Бахтоваршоева Л. Саван // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. - С. 127-132; Бахтоваршоева Л. Платья традиционного покроя таджиков Памира // Памироведение: Сб. статей. – Душанбе: Дониш, 1984. – Вып. 1. – С. 145-152; Бахтоваршоева Л. Набедренная одежда таджиков Горного Бадахшана // Этнография в Таджикистане. – Душанбе, 1989. – С. 165-185.

⁴⁵ Писарчик А.К. Материалы из истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские платья и головные уборы // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. - М.: Наука, 1979. - С. 113-122; Писарчик А.К. Одежда таджиков Нурата. – Душанбе: Сафир, 2003.

⁴⁶ Люшкевич Ф.Д. Одежда жителей Центрального и Юго-Западного Ирана первой четверти XX в. // Сб. МАЭ. – 1970. – Т. XXVI. – С. 283–312; Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Ленинград, 1978. - Т. 34. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. - С. 123-144; Люшкевич Ф.Д. Одежда этнических групп населения Бухарского оазиса и прилегающих к нему районов. Первая половина XX в. (опыт сравнительной характеристики) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1989. – С. 107-138.

таджикскому традиционному костюмному комплексу соответствующих регионов (Бухары, Самарканда, Ферганской долины, Ташкентского оазиса), что нашло отражение, например, в названиях многих описанных предметов⁴⁷.

Таким образом, можно констатировать, что в направлении изучения эволюции народной одежды таджиков исследователями уже проделана большая работа. Вместе с тем, еще остается немало «белых пятен» - вопросов для новых исследований. Это особенно касается одежды исторической, послужившей основой для становления традиционной одежды. В данном аспекте абсолютно права О.А. Сухарева, которая анализируя степень изученности рассматриваемого вопроса, отметила, что «совершенно недостаточно разработана история среднеазиатского костюма прошлых веков и даже первой половины XIX века».⁴⁸ Данное заключение справедливо можно распространить для более широкой географической области – всей Центральной Азии, т.е. пространства, которому рядом известных ученых присвоено название «Исторический Таджикистан».

Цели и задачи исследования. Целью настоящего исследования является изучение предметов исторической верхней одежды таджиков и их трансформации в традиционной одежде.

В число задач исследования входят:

- сбор и систематизация сведений письменных источников о видах и названиях верхних одежд, применявшихся в средневековье;
- идентификация (исходя из названия) предметов верхней одежды персонажей, изображенных в книжной миниатюре, и использование сведений, извлеченных по этим источникам, для разработки поставленной проблемы с учетом устойчивости традиций и консерватизма в эволюции региональной одежды;

⁴⁷ Садыкова Н. Национальная одежда узбеков Бухары и Самарканда XIX – XX вв. (рус. и англ. тексты). – Ташкент: Шарк, 2006; Садыкова Н. Национальная одежда узбеков Ташкента и Ферганы XIX – XX вв. (рус. и англ. тексты). – Ташкент: Шарк, 2006; Садыкова Н. Национальная одежда узбеков Хорезма XIX – XX вв. (рус. и англ. тексты). – Ташкент: Шарк, 2007

⁴⁸ Сухарева О.А. Вопросы изучения костюма народов Средней Азии. - С. 7.

- выявление совокупности особенностей (область применения, цвет, конструктивные признаки и др.) и составление комплексной характеристики верхних одежд, исходя из их назначения (по поло-возрастным признакам, состоятельности владельцев, вида занятия и т.д.), формы и конструктивных особенностей, материала и др.

- выявление на основе материалов источников письменности тканей и других материалов, применявшихся в верхней одежде конкретных видов;

- отслеживание эволюции исторических верхних одежд таджиков и их трансформации в традиционной (народной) одежде.

Источниковедческая база работы. Главным видом источников, выбранных для выполнения настоящего исследования, послужили материалы письменных источников на персидском (таджикском) и арабском языках. К их числу относятся произведения художественной прозы, исторические и географические труды, средневековые словари, документальные источники и др.

Так, весьма ценная информация о костюмах разных слоев населения региона, содержащая подробное описание их деталей, зафиксирована в «Истории Мас'уда». А. Байхаки обращает внимание на присущие особенности выдаваемых разным лицам из казны Газневидов халатов, поясов, головных уборов, обуви и других жалованных принадлежностей по случаю особых заслуг или назначения их на государственные посты. Зачастую историком отмечены стоимость, расцветка и другие особенности преподношенных вещей. К большому сожалению, большая часть летописи А. Байхаки не сохранилась, но даже в таком, сильно урезанном, виде это произведение является важным источником для реконструкции одежды правителей, государственных чиновников, военных и простых жителей эпохи X-XI веков⁴⁹.

Философия и глубокая символика ношения одежды представителями ордена суфиев и членами дервишского сообщества изложена Хусейн Ваизом

⁴⁹Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда (1030–1041гг.). – М.: Наука, 1969. – 1008 с.

Кашифи в «Трактате о доблести султана». Его труд позволяет пролить свет на причину распространенности в прошлом ношения таких одежд, как *хирка*, *ридо*, *капанак*⁵⁰.

Другим источником информации для разработки настоящей темы послужили произведения классиков таджикско-персидской поэзии (газели, рубаи, оды, исторические и лирические поэмы и др.). Вчитываясь в гениальные творения Рудаки, Фирдоуси, Хайяма, Саади, Низами, Шамса Тебризи и многих других великих поэтов средневековья, можно обнаружить в них неоднократные упоминания о предметах одежды разных названий, информацию по их цветовому оформлению и другим признакам.

Для привлечения дополнительного материала с целью уточнения отдельных особенностей предметов одежды конкретных названий, использованы также краткие статьи, специально посвященные объяснению значений всевозможных терминов, в том числе имеющих отношение к деталям исторической одежды, которые содержатся в средневековых таджикско-персидских словарях⁵¹.

Ограничивая этим краткое освещение персидско-таджикских письменных источников, составивших основу исследования, заметим, что данному вопросу целиком посвящена начальная глава диссертационной работы.

Важным источником для реконструкции средневекового таджикского одежного комплекса служат также мемуары европейских путешественников в Центральную Азию. В частности, это труды Плано Карпини и Вильома Рубрук (XIII век)⁵², Марко Поло (XIV век)⁵³, де Клавихо (XV век)⁵⁴,

⁵⁰ Кашифи Х.В. Трактат о доблести султана («Футувватнама-и султани»). – Душанбе: Адиб, 1991 (на тадж. яз.). – С. 26-123.

⁵¹ Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте' (на перс.яз.). – Душанбе: Адиб, 1993, 2004. – Т. 1-2.; Гияс уд-дин Мухаммад. Гиясул-лугот (на перс.яз.). – Душанбе: Адиб, 1987-1989. - Т. 1-3.; Сироджуддин Алихон Орзу. Светило наставления («Чароги хидоят»). – Душанбе: Ирфон, 1992 (на тадж. яз.). – 288 с. и др.

⁵² Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Вильома Рубрука. - М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957.

⁵³ Книга Марко Поло. - М.: География, 1955.

Дженкинсона (XVI век)⁵⁵. Ценные сведения содержатся в занимательных записках русских путешественников Федора Котова (XVII век)⁵⁶ и Филиппа Ефремова (XVIII век)⁵⁷. Для изучения одежды, распространенной у таджиков в первой половине XIX века, ценными являются данные, зафиксированные в сочинениях А. Борнса⁵⁸, Е.К. Мейендорфа⁵⁹, П.И. Демезона⁶⁰, А. Вамбери⁶¹, П. Небольсин⁶².

Как отмечалось, начало более основательному изучению жизни и быта таджиков и других народов Средней Азии было положено с присоединением региона к Российской империи. Обстоятельные этнографические материалы, содержащие помимо прочего описание одежды коренных жителей разных областей края, собрали А.Д. Гребенкин⁶³, супруги В. и М. Наливкины⁶⁴, Н.Н. Шишов⁶⁵, А.А. Бобринский⁶⁶ и др.

⁵⁴ Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403-1406 гг. - М., 1990.

⁵⁵ Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию в 1558-60 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. - М.: Объединение государственных книжно-журнальных издательств, 1937. - с. 175-197.

⁵⁶ Котов Ф. Хождение купца Федора Котова в Персию. - М., 1958.

⁵⁷ Ефремов Ф. Десятилетнее странствие. - М.: География, 1950.

⁵⁸ Борнс А. Путешествие в Бухару. - Ч. 1-2. - М.: География, 1948-1949.

⁵⁹ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару / Под ред. и со вступ. ст. Н.А. Халфина. - М.: Наука, 1975.

⁶⁰ Записка П.И. Демезона // Записки о Бухарском ханстве: Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича. - М.: Наука, 1983. - С. 17-83.

⁶¹ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году Арминием Вамбери, членом Венгерской Академии. - М., 1865.

⁶² Небольсин Н. Очерки торговли России со странами Средней Азии. - СПб., 1856.

⁶³ Гребенкин А.Д. Заметки о Когистане // Материалы для статистики Туркестанского края. - 1873. - Т. 2. - С. 60-88; Гребенкин А.Д. Таджики // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки. - Вып. 2. Статьи по этнографии, технике, сельскому хозяйству и естественной истории. - М., 1872. - С. 1-50.

⁶⁴ Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. - Ташкент, 1913; Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. - Казань: Тип-я Императ. Унив-та, 1886.

⁶⁵ Шишов А. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. I (Этнография) // Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. - Ташкент, 1904. - Т. XI. - С. 1-492; Шишов А. Таджики. Этнографическое исследование. - Алматы, 2006.

В качестве другого важного источника для разработки темы использованы художественные источники. Это, в частности, - развившаяся с XIV века средневековая книжная миниатюра. Она предоставляет возможность получить наглядное представление о предметах одежды разного вида, названия которых удастся установить благодаря источникам письменности. Ценность этих произведений проявляется и в том, что в них изображены не только наряды представителей придворного круга (что имеет место в монументальной живописи), но и костюмы представителей других слоев общества: литераторов, купцов, ремесленников, суфиев, дервишей, борцов. Работы Камалетдина Бехзода, Реза Аббаси, Али-Наки, Мир Афзала Туни, Мир Мусаввира, Мухаммада Юсуфа, Ага Мирека и других представителей мавераннахрской, гератской, ширазской и тебризской школ миниатюры дают возможность раскрыть мир костюма Центральной Азии, как эпохи XIV-XVIII веков, так и предшествующего периода⁶⁷.

Для определения характерных признаков одежды таджиков в начальный период после присоединения Средней Азии к России, большое значение имеют фотоиллюстрации «Туркестанского альбома», прежде всего его этнографической части⁶⁸. Одежда таджиков того времени прекрасно отражена также в произведениях других фотографов, посетивших регион в конце XIX века. Это - С.М. Прокудин-Горский, П. Надар, И. Введенский, Г.А. Панкратьев, В.Ф. Козловский, Н. Ордэ и др. В рассматриваемом контексте нужно отметить также картины знаменитого русского художника В. Верещагина.

⁶⁶ Бобринский А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам. – М., 1908.

⁶⁷ Дело в том, что знакомство с эволюцией видов и названий предметов одежды жителей Центральной Азии в течение многовекового периода развитого и позднего средневековья показывает, что в ней традиционализм и консерватизм значительно преобладают над инновацией.

⁶⁸ Туркестанский альбом. Часть этнографическая. 1871-1872 гг. – Ташкент: Изд. Туркестанского генерал-губернатора, 1872.

Как показывает практика, в процессе изучения вопроса о трансформации исторического костюма, наибольший эффект достигается в случае совместного использования письменных и художественных источников.

Еще один вид источников – археологический. Найденные артефакты позволяют путем тщательного исследования выявить конструктивные характеристики исторической одежды, определить размеры отдельных ее деталей, виды использованных швов. Этих достоинств не имеют другие источники, о которых говорилось выше. Типичный пример – детский халатик на подкладе из склепа Эмира Бурундука. Эта находка позволила получить наглядное представление о верхней одежде детей из аристократических семей XV века, в результате изучения его строения и покроя было поставлено под сомнение, господствовавшее прежде, мнение о том, что завязывание краев бортов халатов на шнуры – более древний прием, чем застегивание на пуговицы.⁶⁹

Большую ценность для изучения старинной одежды представляют, кроме того, музейные коллекции предметов костюма. Оригинальные музейные образцы широко используются исследователями для выявления элементов преемственности традиций и инноваций в крое и оформлении различных предметов одежды.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые:

- в аспекте изучения истории материальной культуры таджиков выполнено глубокое и целенаправленное исследование предметов исторической одежды конкретного назначения – для верхней одежды;

- изучена средневековая верхняя одежда на основе совместного использования письменных, художественных, этнографических и музейных источников для широкого хронологического интервала, включающего одиннадцать веков;

⁶⁹ Немцева Н.Б. К истории тканей и одежды населения Средней Азии XV в. // Из истории искусства великого города (к 2500-летию Самарканда). – Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1972. – С. 243-251.

- рассмотрены разные виды верхних одежд с точки зрения синтеза практической, эстетической и социальной функций и выявлены их общие и локальные признаки;

- прослежена эволюция исторических верхних одежд таджиков и выявлена их трансформация в традиционной (народной) одежде.

Методологическая основа исследования. В качестве важнейшего методологического посыла выбрана необходимость изучения истории и традиций в одежде в контексте многогранных сношений с социально-историческими обстоятельствами и культурной сферой. Диссертантом использованы методы сравнительно-исторического и структурно-видового рассмотрения, а также логико-исторической реконструкции.

В процессе работы над диссертацией опорой для автора послужили важнейшие положения и достижения современной исторической, археологической, этнографической и искусствоведческой науки. Вместе с тем, основу исследования составили личные разработки автора работы, которые реализованы в строгом соответствии с принципами историзма и комплексного подхода к решению установленных задач исследования.

Хронологические рамки диссертационной работы. Временные границы исследования охватывают одиннадцать столетий - период с IX по XX вв. включительно.

Географические границы исследования. Границы исследования охватывают весь регион Центральной Азии, который включает территорию современных среднеазиатских государств Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркмении, Казахстана, а также Восточный Иран, Афганистан, Пакистан, Северо-западную Индию, Северо-западный Китай.

Предмет и объект исследования. Предметом исследования являются вопросы, связанные с исторической и традиционной одеждой таджиков. Объект исследования составляют элементы исторической и традиционной, а также, частично, современной верхней одежды.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Эволюция исторической верхней одежды таджикского народа и ее трансформация осуществлялись на основе преемственности национальных традиций и взаимодействия культур народов, развивавшихся в единой социально-географической среде.

2. Развитая типология портновского ремесла, выразившаяся особым образом в верхней одежде, выступает в качестве одной из характерных особенностей историко-культурного прошлого таджикского народа.

3. На современном этапе одежный комплекс таджиков во всем его многообразии развивается в направлении сложившихся традиционных эстетических художественных процессов, допускающих использования технико-технологических инноваций, а также внедрения новых тенденций, основанных на синтезе национальных культур.

Научное и практическое значение работы. Содержание и основные положения работы, ее материалы могут быть использованы при изучении истории материальной культуры таджикского народа и других народов Центральной Азии; при подготовке обобщающих трудов по истории, истории материальной и художественной культуры и искусства; при разработке учебных пособий и методических указаний для вузов соответствующего профиля; при составлении отраслевых словарей.

Материалы исследования могут стать значимым подспорьем в научно-исследовательской практике историков, этнографов, культурологов, археологов, в частности, в их деятельности по идентификации отдельных находок исторического костюма.

Апробация работы. Отдельные главы, основные выводы и результаты диссертационного исследования были обсуждены на заседаниях кафедры художественного проектирования и истории прикладных искусств Технологического университета Таджикистана. Материалы работы изложены в виде докладов и сообщений на международных научно-практических конференциях, проходивших в Республике Таджикистан и в Российской Федерации. Отдельные части исследования были апробированы в учебном

процессе и научных работах кафедры художественного проектирования и истории прикладных искусств Технологического университета Таджикистана.

ГЛАВА 1. ТАДЖИКСКО-ПЕРСИДСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОДЕЖДЫ ТАДЖИКОВ

Материалы письменных источников содержат сведения, иногда сравнительно подробные, но зачастую - лишь фрагментарные, которые могут быть использованы для изучения разных сторон духовной и материальной культуры общества в соответствующие исторические эпохи. Материалы литературных памятников представляют большую ценность и для реконструкции исторического костюма, в частности ее основной составляющей – одежды. Памятники письменности позволяют установить хронологические границы распространения предметов одежды конкретных названий, их назначение и применение, расцветку и оформление, а также некоторые показатели формы и строения (размеры одежды, длина и ширина рукавов, наличие пуговиц и т.п.). Вместе с тем, специальные исследования, посвященные углубленному изучению средневековой одежды народов Средней Азии как основного компонента их исторического костюма, выполнены лишь применительно к концу XIX – началу XX века. Объясняется это тем, что основательное изучение разных сторон жизни местного населения началось тотчас после покорения региона царской Россией. Как следствие, появилось значительное число публикаций, в том числе этнографических (А.Д. Гребенкина, В. и М. Наливкиных, Е. Маркова, Э.С. Вульфсона, А. Шишова и др.), содержащих детальное описание мужской и женской одежды разных слоев населения края. Зафиксированные в этих сочинениях тематические материалы при совместном их использовании с картинами художника В. Верещагина, фотоснимками С.М. Прокудина-Горского, фотографиями из «Туркестанского альбома» и другими доступными наглядными источниками создают благоприятную почву для изучения разных сторон среднеазиатского одежного комплекса эпохи позднего средневековья.

Очевидно, отсутствие сведений такого характера в письменных трудах более ранних периодов средневековья послужили мотивом, побуждавшим исследователей среднеазиатского исторического костюма не прибегать к специальному, преимущественно на литературной основе, изучению этой темы применительно к эпохе IX - первой половины XIX веков.

В то же время, данное направление исследования отнюдь не представляется бесперспективным. Многожанровая классическая литература на таджикско-персидском и арабском языках является богатым кладом информации, откуда исследователь может почерпнуть достаточное количество исходных сведений, систематизация которых позволит успешно охарактеризовать одежный комплекс разных народов Средней Азии для конкретных исторических эпох. Естественно, обеспечению цельности и системности исследования, основанного преимущественно на материалах письменных источников, содействует привлечение других видов первоисточников – археологических, художественных и др.

Уместно заметить, что памятники письменности позволяют достаточно точно установить хронологические границы распространения предметов одежды конкретных названий, как и других принадлежностей материальной культуры. Это особенность значительно повышает литературных сочинений в качестве исторических источников и это непременно должно быть учтено исследователями в области истории материальной культуры.

Таджикско-персидская классическая литература, сотворенная в пределах обширной территории Центральной Азии, равно как сочинения таджикских классиков, написанные в оригинале на арабском языке, во все времена отличалась богатством жанра и широкой тематической направленностью. Среди них проза и поэзия, произведения художественные, романтического и научного жанра, на историческую и географическую темы, философские и религиозные и др. С сожалением приходится констатировать, что трагический ход истории Средней Азии обусловил уничтожение, нередко намеренное, значительного числа этих сочинений. Однако даже в таком,

сильно урезанном виде, наследие классиков персидско-таджикской поэзии и прозы свидетельствует о высочайшем интеллектуальном уровне авторов сочинений, глубоком содержании и высоком научном и художественном уровне их творений.

Период IX-X веков признается эпохой системного сложения таджикско-персидской литературы на базе традиций письменного творчества древности и раннего средневековья. В дальнейшем происходило ее последовательное жанровое развитие, которому не могли противостоять ни трагическая потеря таджикским народом своей государственности, ни регулярные междоусобица, ни диктат сменяющих друг друга режимов, образованных разными тюрко-монгольскими кочевыми и полукочевыми племенами.

Заметной вехой в сложении школы персидской литературы послужила эпоха правления Саманидов в Мавераннахре и Хорасане, хотя собственно зарождение поэзии и прозы на языке фарси-дари происходило гораздо раньше. Расцвет литературной деятельности, научной и художественной, в IX-X веках был обусловлен тем огромным вниманием, которое ей уделяли саманидские эмиры. Материальное вознаграждение и ценные дары, которые получали мастера письма из казны, стимулировали ученых, писателей и поэтов к творчеству, способствовали распространению персидской литературы и языка. На персидский язык были переведены сочиненные по-арабски иранские эпосы, комментарии, исторические труды. Огромный вклад в развитие литературы на языке фарси-дари внесли саманидские эмиры Наср ибн Ахмад и Нух ибн Мансур, а также приближенные к ним во власти Бал'амиды.

Крупнейшими центрами литературного творчества в государстве Саманидов были столичная Бухара и Самарканд в Мавераннахре, Гурган, Нишапур и Рей в Северном Хорасане, а также Газни и Систан на юге этой историко-географической области. В рассматриваемую эпоху персидская литература процветала и на западных границах Средней Азии, в пределах

Центрального Ирана, где писатели и поэты ощущали всемерную моральную и материальную поддержку со стороны Зийаридов и Буидов.

В сохранившихся до наших дней разрозненных текстах и отдельных фрагментах поэтических и прозаических трудов мастерам пера времен Саманидов (исключая бессмертное творение Фирдоуси) воплощены простота и изящество художественных средств обрисовки. В творчестве Рудаки, Шахид Балхи, Абушакур Балхи, Муроди Бухорои, Кисаи, Дакики и др. мы видим легкое, понятное и беспорочное отображение природы, значения науки и знания для жизни человека и общества, моральных устоев во взаимоотношении личности с окружающим миром. Примечательно, что авторы этого периода также касались разных граней философской науки и нравственности, глубоко полагаясь на исключительное воспитательное значение поэтического слова.

Противоречивые условия для развития духовной культуры народов региона сложились в XI веке. С одной стороны, распад государства Саманидов в результате завоевания Караханидами Мавераннахра и Газневидами земель Хорасана, естественно, оказало негативное влияние на науку и литературу таджикского народа. Непрекращающиеся войны и внутренние междоусобица в определенной мере приостановили развитие научной и культурной жизни всех народов Средней Азии в целом, а языка дари и таджикской литературы в частности. Внутри государства Газневидов имел место динамичный процесс «арабизации» языка дари. Вместе с тем, прочный фундамент, заложенный Саманидами, стали благодатной основой для последующего развития таджикско-персидской литературы этого периода. Другим позитивным моментом явилась пристрастная забота газневидских султанов о мастерах пера, прежде всего поэтах и историках. При их дворе особо ценились творения авторов панегириков. Этим и объясняется превалирование в творчестве Унсури, Манучехри, Фаррухи, Айюки и других поэтов того времени хвалебных од, газелей и поэм с поверхностным выражением мысли.

Вторую половину XI – начало XIII века признают еще одной важной вехой в истории цивилизации народов Центральной Азии. Хотя переходный период, связанный с крушением Газневидского государства и обретением могущества династии Сельджукидов, был временем усиления культового варварства и феодальной деспотии – искусственно созданных барьеров на пути динамичного научного и литературного развития. Однако действенные усилия Сельджукидов по слиянию в составе единого государства обширных районов Мавераннахра, Хорасана и Тохаристана обусловили возрождение интеллектуальной деятельности в таких крупных областях региона, как Мерв и Нишапур, Герат и Балх. В этих новых культурных центрах были созданы благоприятные условия для плодотворной деятельности лучших деятелей науки и культуры той эпохи. При дворах Тогрула, Алп-Арслана, Маликшаха и Баркийярука, правивших в период 1038—1105 годов, служило большое число поэтов, многие из которых в своем творчестве придерживались традиций, образов и приемов, присущих поэтам газневидской эпохи. В литературных кругах этой эпохи видное место занимали Носир Хисрав, Асади Туси, Бобо Тахир, Санои Газневи, Рашиди Самарканди, Азраки Хирави, Ам'ак Бухорои, Масуд Са'д Салмон, Фахриддин Гургони, Унсуралмаоли Кайкавус, Омар Хайям и др.

Начиная с 20-х годов XIII века, развитие в Средней Азии научной и литературной деятельности было приостановлено на корню. Нашествие в этот край монголов, значительно отстававших в культурном развитии от покоренных ими народов, сопровождалось громадными разрушениями, массовыми убийствами, ужасными бедствиями и для местного населения. Такая судьба была уготована, в том числе, для поэтов и писателей, ученых. Их интеллектуальный дар ни имел никакого значения для кочевников и их предводителей, более того, его считали вредным для своего последующего господства на этой земле. Как результат, в Мавераннахре, Хорасане и Хорезме погас свет науки, литературы, художественного творчества. По этой причине в XIII – первой половине XIV века таджикская литература и наука

продолжали развиваться уже за границами Средней Азии, в частности, в пределах территорий, непокоренных монголами, а также там, где влияние монголов было умеренным. Ответственная честь поддержки преемственности литературных и научных традиций таджикского и иранского народов теперь легла на плечи мастеров пера и мыслителей, творивших в Центральном Иране (провинция Фарс), Индии (Дели), Малой Азии (Кония), Азербайджане (Тебриз). Речь идет, в том числе о тех, которым выпало счастье эмигрировать в эти края из Средней Азии.

Остановимся теперь на кратком обзоре жанровой литературы в аспекте использования ее материалов для изучения исторической одежды, причем обзору подлежат типичные произведения разных жанров. Перечисление всех авторов и содержательный анализ их произведений в рассматриваемом контексте не представляется обязательным, так как формулируемые по каждому конкретному жанру выводы и заключения в целом справедливы для всех сочинений этого содержания жанра. С учетом этого, ниже анализу подлежат наиболее известные труды, написанные в период IX-XIII веков.

Историческая проза. Среди произведений такого содержания особое место занимает «История Бухары», написанная в середине X века Абубакр Мухаммадом Наршахи (899-959). Следуя установившейся в ту эпоху традиции, Наршахи составил свое замечательное произведение на арабском языке. В 1128 году благодаря усилиям Абу Насра Кубави «История Бухары» была переведена на таджикский язык. Вне всякого сомнения, это произведение является ценнейшим источником для историко-топографического изучения Бухары времен Саманидов и предшествующей эпохи. Вместе с тем, не обеспечивает исследователя средневекового костюма необходимыми его сведениями. Это сочинение практически не содержит упоминаний о существовавших в ту пору видах одежды и стилях ее ношения, хотя зафиксированная в «Истории Бухары» информация проливает свет на

особенности одежных материалов, которые производились в Бухаре и его окрестностях на этапе перехода к развитому средневековью.⁷⁰

«Та'рих ар-Расул в-ал-Мулук» («История пророков и царей»), более известное как «История Табари», - сочинение арабского историка Абу Джафар Мухаммада ат-Табари (839-923), написанная им в начале X века. Эта летопись, считающаяся крупнейшим творением исламской историографии, была переведена на персидский язык известным деятелем при дворе Саманидов Абуали Мухаммадом Бал'ами. «История Табари» хронологически охватывает период от начала появления на земле человечества до воцарения на обширных азиатских просторах религии Мухаммеда (IX век). Книге присущи обилие фактов и точность изложения, что делает ее фундаментальной работой по всеобщей истории и важнейшим источником по истории Арабского халифата времен Омейядов и Аббасидов. Несмотря на все указанные здесь достоинства, для разработки настоящей темы сочинение ат-Табари также не представляет большой ценности. В представленном здесь аспекте в его тексте внимания заслуживает разве, что описание одежды главы антиарабского сопротивления в Средней Азии, шелковый плащ которого (*кабо*) состоял из двух видов тканей – *паринда* и *дибо*. Что же касается сведений мифологического характера относительно времени и обстоятельств зарождения ремесел, в том числе текстильных и швейных, которые «кочуют» из одних работ по всеобщей истории в другие, к разрабатываемой теме они отношения не имеют. Речь идет о рассказах, увязывающих возникновение профессии портного с именем пророка Идриса, вклад древнеиранского царя Джемшеда в генезис искусства получения золотоканей и т.п.⁷¹

⁷⁰ Мухаммад Наршахи. История Бухары. – Ташкент: Типо-Литография т. д. "О и Г. Братья Каменские», 1897. – 126 с.

⁷¹ Абуали Мухаммад ибн Мухаммади Балами. История Табари (на тадж. яз.): В 2-х т. – Тегеран, 2001. – Т. 1. – 824 с.; Т. 2. - 817 с.

Другая летопись этой эпохи - «История Мас'уда» - является сохранившейся частью многотомного сочинения «Истории Байхаки»⁷². Из числа свыше трех десятков томов исконной летописи сохранились целиком лишь два тома (VI-IX), а также конец V и начало X. Дошедшая до наших дней часть этого произведения, который был составлен в начале второй половины XI века, сегодня славится под названием «История Мас'уда», так как в ней излагается история султана Мас'уда Газневидского. Даже в сильно урезанном виде (сохранившаяся часть составляет лишь около трети первоначального текста) произведение Абу-л-Фазла Байхаки признается одним наиболее значительных летописей средневековья наряду с трудами летописцев монгольской эпохи Ала-ад-дина Джувейни и Фазлаллаха Рашид ад-Дина. Достоинство сочинения А. Байхаки для разработки настоящей темы заключается в том, что историк весьма подробно и обстоятельно описывает сцены, при которых происходили те или иные события. В частности, от его пристального взгляда не остался в стороне и костюм персонажей, причем вне зависимости от их сословной принадлежности. Состоя на государственной службе у Газневидов, А. Байхаки лично был свидетелем многих событий, которые благодаря этому обстоятельству во всех подробностях оказались изложенными в его труде. Это наложило отпечаток и на правдивость картин, которые он выразительно обрисовал словесно с обстоятельностью скрупулезного художника. Он подмечает выразительные особенности каждой детали костюма персонажей или врученных им из государственной казны жалованных принадлежностей. Нередко он указывает цвет, декор, стоимость, размер и другие признаки одежных вещей. Примером такой обстоятельности служит, к примеру, описание костюма ходжи Ахмеда, сын Хасана, назначенного эмиром Мас'удом на должность визиря. По этому случаю из казны государя ему были выданы «кафтан из багдадского *саклатуна* (парчовой ткани – Д.Р.), белый пребелый, с весьма мелким узором, чалма из длинного полотнища, необычайно тонкого и

⁷² Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда (1030–1041гг.). – М.: Наука, 1969. – 1008 с.

дорогостоящего, весьма тонкий вышитый (плащ) *дурроа*, большая цепь и пояс с всажеными в него сорокамискалевыми бирюзовыми камнями».⁷³ Безусловно, летопись А. Байхаки занимает достойное место в числе письменных источников, позволяющих составить наглядное представление об одежде как повелителей, государственных служащих, представителей рати, так и рядовых жителей рассматриваемой эпохи.

Упоминания заслуживает и Абу Саид Гардизи, написавший в середине XI века летопись «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий»). Это сочинение посвящено истории персидских правителей и арабских халифов, а также содержит обстоятельное описание истории Хорасана периода после присоединения региона к халифату вплоть до 1041 года. Речь идет о главе «Известия об эмирах Хорасана», где изложены сведения о временах правления в этом регионе арабских наместников, Тахиридов, Саффаринов, Саманидов и Газневидов. Компилятивный характер текста отдельных разделов книги никак не умаляют его достоинств, если принять во внимание, что некоторые первоисточники, откуда Гардизи заимствовал приводимые им сведения, утрачены. Впрочем, сведениями об одежде это сочинение не изобилует. Более важными выглядят его упоминания о предметах текстиля, их названиях и расцветках, которые, естественно, находили применение и для изготовления одежды.⁷⁴

Практически то же можно сказать в этом ракурсе и о произведении «Насыровы разряды» автора из Гурийской провинции Абу Умар Минходж ад-Дина Джузджани (XIII век), посвященной истории индийских падишахов, а также времен правления Газневидов и монголов, а также составленной при Караханидах летописи «Таърихи мулки Туркистон» Мадж уд-Дина Мухаммад ибн Аднона.

Анонимное сочинение «История Систана», составленное как полагают, в XIII – первой половине XIV века, содержит изложение мифологических и

⁷³Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 229.

⁷⁴Гардизи Абу Саид. «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий»). – Ташкент: Фан, 1991.

исторических событий, имеющих отношение ко многим тысячелетиям - с древнейшего периода до вторжения в этот южный край Хорасана монгольских завоевателей. Данное произведение насыщено фактическим материалом, что делает его очень ценным историческим источником для изучения истории Ирана и Афганистана, таджикского и других народов, история которых связана с этой территорией. Вместе с тем, «История Систана» не предоставляет нам какого-либо материала, позволяющего пролить свет на особенности региональной одежды применительно к тому большому периоду, хронология которого изложена в книге.⁷⁵

Ценным источником по истории Центральной Азии и регионов к востоку и западу от нее (Монголии и Ирана) является трехтомный труд Алад-дин ал-Джувейни (1226-1283) «Таърихи джахонгушаи» («История завоевателя мира»). Он написан в пределах Ирана и посвящен истории хорезмшахов и начального периода монгольского владычества в указанных регионах (XIII век). Выходец из семьи персидской аристократии, ал-Джувейни служил при дворах правителей-монголов, поэтому был хорошо осведомлен об особенностях ведения ими захватнических действий и управления покоренными территориями. Это произведение по содержательности справедливо ставят в один ряд с такими жемчужинами восточной исторической прозы, как летописи А. Байхаки и Ф. Рашид ад-Дина. А. Джувейни, как и Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. В своем произведении «Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны» («Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны») упоминает ткань *таргу* (*тарку*), видимо, одежного назначения. Летописец отмечает, что в числе дорогих подарков, которыми в начале XIII века обменялись Мухаммад Хорезмшах и Чингизхан, фигурировали отрезки материи такого названия, полученной из шерсти белого верблюда. По всему, указанная ткань отличалась высоким качеством и ее, скорее всего, изготавливали в самом

⁷⁵ История Систана («Та'рих-и Систон») / Перев. с перс., введ. и комментарий Л.П. Смирновой. – М.: Наука, 1974.

Хорезме. Впрочем, этих сведений недостаточно, чтобы составить более или менее отчетливую характеристику материи *таргу*.⁷⁶ Уместно заметить, что ан-Насави указал и на стоимость такой материи: «Одежда из этой шерсти продается за пятьдесят или более динаров».

Упомянутое выше сочинение Фазлаллаха Рашид ад-Дина (1240-1318) «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») является сводным трудом по «монгольской» истории Центральной Азии, текст которого тесно увязан с родом захватчика Темучина. В личности Рашид ад-Дина нашли воплощение талантливый историк, ученый-энциклопедист и незаурядный государственный деятель, что и предопределило безусловную ценность составленного им произведения. Занимаемое положение в кругу монголов давало ему возможность пользоваться доступом ко многим подлинным документальным источникам. Выходец из семьи евреев, он написал свое сочинение по-персидски, благо он в то время персидский продолжал еще пользоваться статусом государственного языка.⁷⁷ Рашид-ад-Дин одним из своих сообщений способствовал в разрешении научного спора о качестве и содержании весьма распространенной в его эпоху одежной материи *занданачи*. Дело в том, что ткань под таким названием известна еще с периода раннего средневековья, она прославилась еще в доарабские времена. Известно, что в тот период ее изготавливали из шелка в Бухарском Согде, она богато декорировалась и вывозилась далеко за пределами региона. О высоком качестве раннесредневековой *занданачи* свидетельствуют и сохранившиеся образцы такой материи. Однако в «Сиасат-наме» Низам ал-Мулька встречаем указание на относительную дешевизну и посредственные качественные признаки материи приведенного названия (об этом см. ниже). Возникло мнение, что к XI веку *занданачи* уже не была такой, как в доарабскую эпоху, теперь ее производили дешевой и без тканого узора. В свою очередь, Рашид-ад-Дин привел заметку, из которой следует, что в конце

⁷⁶ Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира («Таърихи джахонгушаи»). – М.: Магистр-пресс, 2004.

⁷⁷ Рашид ад-Дин. «Сборник летописей» («Джами ат-таварих»). – Т. 1-3. - М.-Л.: Изд. АН СССР, 1946-1960.

XIII – начале XIV века по цене *занданачи* не превосходила наиболее примитивную ткань из хлопка *карбос*. Историк говорит о повелении Чингизхана закупить товары бухарских купцов, оплачивая балыш серебра за каждую штуку *карбос* и *занданачи*. Для сравнения, каждый отрез парчи предводитель монголов оценил в один балыш золота⁷⁸.

Упомянутое выше историческое сочинение Джувейни было продолжено персидским историком XIV века Шахобиддином Абдуллох Вассафом. Его летопись монгольского периода истории Центральной Азии «Китаб таджзийат аль-амсар ва таджзийат аль-асар» («Книга разделения областей и прохождения времен») стала популярной под названием «История Вассафа». Вассаф использовал богатый перечень источников, в числе которых сочинения Джувейни и Рашид ад-Дина, личные воспоминания, рассказы очевидцев событий, а также документальные источники. Правда эта работа полезных материалов по одежде не содержит.

Географические труды. Среди трудов географического содержания, написанных в эпоху Саманидов на персидском языке, особое место занимает сочинение «Худуд ул-Олам» («Пределы мира»). Оно составлено неизвестным автором в 982/983 году в Джузджане, на северо-западе Афганистана, и содержит важные топографические сведения о горах, морях и реках, а также обитаемых зонах с указанием их названий. Для исследователей материальной культуры ценность этого произведения заключается в том, что оно содержит обстоятельное описание природного и сотворенного богатства перечисляемых областей, городов, селений. Будучи уроженцем этих краев, анонимный автор уделяет большое место населенным пунктам Мавераннахра и Хорасана. Применительно ко многим жилым районам в тексте указывается на вывоз оттуда предметов текстиля и одежды – «джома». Уместно заметить, что в то время слово «джома» не служило, как сегодня, названием конкретного вида одежды, а содержал два абстрактных значения – «ткань» и «одежда». Другими словами, данным термином

⁷⁸ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – Т. 1. – Кн. 1. – С. 187-188.

обозначали любую ткань и любой вид одежды. Например, в главе, посвященной области Трансоксианских границ и ее городам, подчеркивая изобилие богатства в Кяте - столице Хорезма, отмечается, что в этом городе производят, в частности, стеганые одежды (*джомаи казоганд*), хлопчатобумажные (*джомаи карбос*) и войлочные ткани.⁷⁹

С трудом Абу-л-Муайяда Балхи «Аджаиб ул-булдан» («Диковинки стран») или «Китоби аджоиботи бахру бар» («Книга диковинок морей и краев») многие исследователи отождествляют сохранившийся анонимный географический трактат «Аджаиб ад-дунйа» («Диковинки мира»). Он составлен на персидском языке в первой половине XIII века в научно-популярном стиле. По признанию неизвестного автора, он стремился составить занимательный географический текст, чтобы ознакомить читателя с чудесами, свойственными разным городам и странам, флоре и фауне. Развлекательный характер текста «Аджа'иб ад-дунйа» несколько снижает его научные достоинства, однако, несмотря на это, зафиксированные в нем полезные для науки сведения позволили занять ему достойное место среди небольшого числа трудов IX-XIII по персидской географии. Полезность материалов этого сочинения для разрабатываемой здесь темы проявляется лишь косвенно. Подобно другим географическим трудам, оно изобилует сведениями о продуктах и товарах, в том числе текстильных, вывозимых из разных городов и областей. Много такой информации, содержащейся в «Аджаиб ад-дунйа», имеет отношение к Мавераннахру и Хорасану, конкретным городам и районам этой историко-географической области. Указаны названия одежных материалов, их качественные и стоимостные признаки, оформление, особенности производства.⁸⁰

Географическое сочинение компилятивного характера арабского автора Йакут ал-Хамави (118-1179) «Му'джем ал-булдан» («Алфавитный перечень

⁷⁹ Худуд ул-Олам («Пределы мира»). – Душанбе: Адиб, 2008 (на тадж. яз.). – 129 с.

⁸⁰ Аджаиб ад-дунйа («Диковинки мира») // Серия «Памятники письменности Востока». - М.: Наука, 1993. – 540 с.

стран»)), содержащее важные и точные сведения по исторической топологии, является в какой-то степени обобщающим трудом в отношении арабской географической литературы домонгольской эпохи. Как и в других средневековых трудах такого содержания, например, «Худуд ул-Олам», в нем можно найти редкие и краткие сведения об одежде и одежных материалах в привязке с центрами их производства. Следует здесь заметить, что в рассматриваемом аспекте сочинение Йакут ал-Хамави уступает книге «Худуд ул-Олам».⁸¹ Этот вывод можно распространить и на «Аджаиб ал-махлукат ва гараиб ал-мауджудат» («Чудеса творений и диковинки существующего») Закарийа ал-Казвини (XIII век).

Богословские и философские труды. Труды Абу Хамида аль-Газали (1058-1111) по теологии, исламскому правоведению, логике, философии и суфизму содержат много упоминаний предметов одежды религиозного содержания, в числе которых плащи *гилем* и *дурроа*, шарф *тайласан* и др. Эти заметки проливают свет на общественный статус потребителей разных видов одежды, а иногда дают сведения об их размере, расцветке. Для примера приведем здесь замечания Имама ал-Газали про характерные выражения лицемерия, прикрываемого одеждой, которое зафиксировано в одном из его рассказов. Он пишет, что отшельник (аскет) наряжается в грубую короткую и рваную шерстяную одежду яркого, кричащего цвета; суфии наряжаются в лоскутную одежду *хирка* синего цвета, чалму, ичиги и носят с собой молитвенный коврик. Ученые-богословы носят *дурраа* и *тайласан*⁸².

Указанные достоинства присущи также трудам ученого-богослова, автора поэтических и прозаических произведений нравоучительного характера Хусейн Ваизу Кашифи (вторая половина XV – начало XVI века). В плане изучения господствовавших в обществе канонов, правил и приличий

⁸¹ Йакут ал-Хамави. Му'дjam ал-булдан («Алфавитный перечень стран») // Саманиды в зеркале истории (на тадж. яз.). – Худжанд: Гос. изд-во им. Р. Джалили, 1998. – Т. 2. – С. 279-302.

⁸² Муртазо Мударриси Гелони. Мораль Газзали или ключ к познанию (на тадж. яз.). – Душанбе: Сарват, 1992. – 78 с.

ношения одежды религиозного содержания наибольшее значение имеет его труд «Трактат о доблести султана». Для свидетельства приведем объяснение Х.В. Кашифи сути ношения рубища *хирка*: «Если спросят «что означает *хирка*», отвечай: «по словарю *хирка* называют вид одежды и по терминологии так называют одежду, которую носит беднота и которая рваная и так как большая часть их одежды является поношенным и лоскутным, ее называют *хирка*»⁸³.

Художественная проза. Одним из популярных направлений в таджикской классической литературе являлся жанр мудрых и поучительных рассуждений. Статус образцового произведения такого рода прочно закрепился за «Гулистан»-ом великого Саади. В последующем появился целый ряд сочинений в подражание упомянутого здесь сборника притч Саади, к рассмотрению которого еще вернемся. Одно из таких произведений - «Хористан» («Сад колючек») – принадлежит перу автора XIV века Маджди Хофи. Будучи выходцем из Нишапура, он некоторое время творил при дворах Ильханов (первых Хулагуидов). Он являлся приверженцем суфийских традиций в литературе, из-за чего упоминая в своем произведении детали костюма, он увязывает их ношение с нормами и моралью ислама. По этой причине, в тексте «Хористан»-а встречаются материалы, имеющие отношение к таким предметам мужской одежды, как *дурроа*, *гилем*, *хирка*. К ношению *кабо* он относится критически, характеризуя его как одежду нигилистов.⁸⁴ Весьма полезные и тонкие заметки, связанные с различными предметами одежды XIII-XIV веков, содержатся в произведениях сатирика-скептика Убеида Закани (1270-1369). Эти замечания позволяют получить ответ, например, на следующие вопросы: какие слои общества были потребителями конкретных видов одежды (*хирки*, *кабо*, *фараджи* и др.), какие цвета одежд были более распространены? Подобные сведения можно

⁸³ Кашифи Х.В. Футувватнама-и султани («Трактат о доблести султана»). – Душанбе: Адиб, 1991 (на тадж. яз.). – С. 26-123.

⁸⁴ Маджди Хофи. Хористан («Колючий сад»). – Душанбе: Адиб, 2004 (на тадж. яз.).

извлечь, вчитываясь в сатирические и пародийные труды У. Закани «Ахлок-ал-ашраф» («Этика аристократии»), «Сад панд» («Сто советов»), «Таърифот» («Определения»), «Дилкушо» («Радующая сердце книга»), «Ришнаме» («Сказание о бороде»), «Муш ва гурба» («Мышь и кот»), а также его лирические стихи.

Другим плодотворным автором художественной прозы этой эпохи был Нурад-Дин Мухаммад ал-Ауфи. Из-под его пера вышли сочинения «Джаме ал-хикаят ва лавоме ар-риваят» («Сборник рассказов и блестящих легенд») ⁸⁵ и «Лубоб ал-албоб» («Сердцевина сердцевин»). Первая из этих работ написана в четырех томах и содержит в общей сложности более двух тысяч рассказов, а вторую можно считать исторической антологией литературы на языке дари.

Еще одним произведением художественной прозаики XIV века является написанное в 1329 году сочинение – Зия ут-Дина Нахшаби «Тути-наме» («Повествования попугая»). Содержащиеся в этой книге рассказы имеют индийское происхождение.

«Сиасет-наме» («Книга об управлении государством») Низам-ал-Мулька (1018-1092) содержит в основном рассказы на социальные и политические темы. Его истинное имя - Абуали ат-Туси, в 39 лет был назначен администратором области Хорасан, а после почти 30 лет служил в качестве визиря при Сельджуках Алп-Арслане и Мелик-шахе. Ряд известных исследователей, в том числе переводчик и редактор одного из изданий «Сиасет-наме» (от 1949 года) Б.Н. Заходер сомневаются в том, что истинным автором этого сочинения является Низам-ал-Мульк. Но как бы там не было, это произведение занимает достойное место в таджикско-персидском литературном наследии, оно служило и продолжает служить в качестве важного историко-культурного источника. Так, при работе в рамках настоящего исследования нельзя не использовать следующую выдержку из

⁸⁵ Бейсембиев Т.К. Известия «Джавами» ал-хикаят ал-Ауфи о Газневидах // Иран-наме. Научный востоковедческий журнал. - № 1. – 2008.

этого сочинения: «Еще во времена Саманидов выполнялось такое правило: гулямам увеличивали чин постепенно, по размеру службы, заслуг, достоинств; вот покупали гуляма, приказывали ему один год службу пехотинца и он ходил в свите, одетый в *каба* из *занданиджи* (простейшая хлопчатобумажная ткань) ... На пятый год ему давали ... *кабу* из *дараи* (шелковой материи)... На шестой год он получал одежду *анван* (?), на седьмой - ... он надевал черный войлочный головной убор, расшитый серебром, и гянджийскую *каба*».⁸⁶

В таком же стиле, как и «Сиасат-наме» Низам ал-Мулька, с изложением большого числа исторических рассказов, составлена книга Шариф Мухаммад Мансур Мубаракшаха «Адаб ал-харб ва-ш-шуджаат» («Правила ведения войны и мужество»). Однако содержание этого сочинения, написанного в XIII веке, как следует из его названия, посвящено военной тематике⁸⁷.

Поэтические труды. Таджикско-персидской классической поэзии присуще богатое наследие и широкое жанровое разнообразие. До нас дошли труды многих поэтов-классиков, воспевающих природу и жизнь, любовь и нравственность, родину и героизм. Читая строки, можно наткнуться на упоминания названий различных предметов одежды и головных уборов, украшений и костюмных аксессуаров, а также материалов, из которых они были изготовлены. Эти предметы, как правило, выступают со второй позиции, т.е. они не определяют основное содержание произведения, лишь дополняя отображаемые автором картины и сцены. К примеру, в лирике поэт облачает прелестную диву, обычно главную героиню своего произведения или объект своих вздыханий в чудесные одежды из тонких красивых тканей великолепных расцветок и оформления. Тем самым он стремится передать

⁸⁶ Низам ал-Мульк. Книга о правлении («Сиасат-наме»). - М.: АН СССР, 1949. – 379 с.

⁸⁷ Шариф Мухаммад Мансур Мубаракшах. Правила ведения войны и мужество («Адаб ал-харб ва-ш-шуджаат»). – Душанбе, 1997 (на тадж. яз.).

свой восторг и, как следствие убедить читателя в неповторимости обаяния и чар героини.

Ткани часто упоминаются поэтами, когда ими описывается природа, времена года. В этом случае широко применяется аллегория, когда наружность степей и долин, лесов и садов, гор и рек уподобляется расцветке и отделке известных тканей, как правило, самых дорогих и наиболее утонченных.

Большое внимание, уделяемое правителями из династии Саманидов поэзии, зародило обилие в тот период персоязычных поэтов, в творческом наследии которых ярко выделяется поэзия основоположника таджикской классической литературы Абу Абдаллах Джафар Рудаки (858-941). Он получил всемирное признание как родоначальник персидской поэзии и зачинатель поэтических жанровых форм. Сохранившееся литературное наследие Рудаки охватывает чуть более тысячу двустиший, две касиды («Мать вина» и «Жалоба на старость»), около 40 четверостиший, а также отрывки произведений разного жанра (поэм, лирики и др.), в том числе поэмы «Калила и Димна».

Из числа других видных поэтов той эпохи можно упомянуть имена Дакики, Робия Каздори, Лукари Чангзан, Хусравони, Маруфи Балхи и других лириков и панегириков. Упоминания отдельных видов одежд, проливающих свет на некоторые тонкие моменты их свойств, можно обнаружить также в творчестве таких мастеров пера, как Шахид Балхи, Кисаи, Абу Наср Фараби, Бобо Рахим Хамадони, Хисрав Серахси, Мантики Рози.

Во второй половине X - начале XI века жанр персидского эпоса достиг небывалых прежде и в последующий период высот благодаря плодотворной жизни Абулкасима Фирдоуси (935-1020). Его героическая эпопея «Шахнаме», воспевающая славную историю Ирана от древнейших времен (зарождения жизни на планете) до принятия мусульманства, содержит многочисленные упоминания названий одежд и тканей той эпохи. Хотя изложенные в этом многотомном труде события ограничиваются временем

завоевания сасанидских владений арабами, его непосредственное отношение к разрабатываемой здесь теме определяется временем написания сочинения Нарду с тем, сведения, извлекаемые из поэтической летописи Фирдоуси, полезны для установления отдельных признаков текстиля, например, расцветки, но не способствуют конструктивному и стилевому описанию одежного комплекса.

Таковыми же достоинствами характеризуется и другие эпические творения, составленные вслед за «Шахнаме». Одно из них – «Гаршаспнаме» Асади Туси (1005-1073), написанное в 1065 году. В этой поэме прославляется героическая жизнь рыцаря-аристократа, изображенного в качества предка легендарного Рустама. Другое произведение подобного жанра с тем же названием является плодом труда Абулмуайада Балхи (составлено во второй половине X века). «Гаршаспнаме» А. Балхи является сохранившимися разрозненными отрывками его обширного труда – «Шахнаме». Традиции сочинения героических эпосов достойно продолжили Азраки Хирави (автор одного из вариантов «Синдбаднаме») и ряд других авторов.

Известными поэтами XI века были Мас'уд Са'д Сальман, Бахрам Серахси, Асджади, Мунджик Тирмизи, Асади Туси, Фахриддин Горгани, Унсури, Манучехри, Айуки, Маруфи Балхи, Санои Газнави, Бобо Тохир, Абулфарадж Руни, Носир Хисрав, Рашиди Самарканди, Азраки Хирави, Амьяк Бухорои, Кафи Бухорои, Камол Бухорои, Абдулло Ансори, Унсурмаоли Кайковус, Абулмаоли Рози и др.

Носир Хисрав (1004-1088) сотворил стихи (касиды) религиозного содержания с глубоким философским и этическим содержанием, а также поэму дидактического характера – маснави «Рушноинаме» («Книга просветления»). Заслуживает внимания и прозаическое описание собственных странствий этого автора «Сафарнаме» («Книга путешествий»).

Достойное место среди произведений в стиле романтического эпоса на персидском языке занимает поэма Фахр ал-дина Горгани «Вис и Рамин», в которой ярко и колоритно отображены многочисленные жизненные и

бытовые сцены. Сочинение, затрагивающее любовную тему, персонажи которого иранский царевич Исфандияр, Мобед - владыка средневекового Мерва, близкая ко двору, прихотливая мервская красавица Вис и другие высокопоставленные особы, очевидно, изобилует названиями предметов одежды, тканей, украшений и т.п. Поэт-лирик тщательно и весьма скрупулезно подходит к описанию многочисленных нарядов прелестной Вис, которой были доступны любые предметы быта и роскоши. Благодаря этому источнику, мы знаем, что в XI веке первые аристократки Хорасана носили наряды из таких материй, очевидно, самых утонченных и дорогих, как нежная ткань *бахрамон*, лазурного цвета *вашиши*, *истабрак* – переливчатая материя красного и желтого, зеленого и фиолетового оттенков, мягкая узорчатая ткань *парниён*.⁸⁸

Перу Абулмаджида Мадждуда Санаи принадлежит маснави «Хадикат-ал-хакикат» («Сад правды»), где собраны рассказы-притчи рассказам на нравственно - этические темы, написанным в форме притч, заключающих в себе морально-этическую сущность.

В ряде литературоведческих трудов наблюдается критичное отношение к содержательности творений отдельных поэтов, посвятивших свое дарование по преимуществу сотворению хвалебных од, газелей, поэм. Однако для нас в аспекте настоящей темы значение имеют не поэтическая мысль этих творцов или созданные ими художественные образы, а встречающиеся в их трудах обусловленные или преходящие заметки об особенностях предметов одежды прославляемых или сопутствующих им персонажей.

Поэт-панегирик Мас'уд Са'д Сальман (1046-1121) служил при дворе Газневидских султанов. Доступное нам его творческое наследие содержит восхваляющие правителей касиды - оды и тюремные стихи, в которых запечатлены личные наблюдения и пережитое поэта за 18 лет заточения.

⁸⁸ Фахр ад-Дин Горгани. Вис и Рамин (на тадж. яз.). – Душанбе: Ирфон, 1966.

Скрупулезный поиск позволяет обнаружить полезные сведения об одежде в четверостишиях Омара Хайяма, суфийских маснави Фарид ад-Дина Аттара, творчестве Анвари, Хакани, Захир Фарйаби, Асириддин Ахсикети, Муиззи и многих других поэтов XI века.

Развитие лирики и эпоса в XII веке в значительной степени связано с творчеством одного из знаменитостей в области персидской поэзии Низами Ганджави (1141-1209). Его бессмертное сочинение «Хамса» («Пятерица») послужило истоком традиции сотворения подобных поэтических «пятерич» в последующие периоды. Материалы его романтических поэм «Лейли и Маджнун», «Хосров и Ширин», «Хафт пайкар» (Семь красавиц) в нашем случае имеют такое же значение, то и «Вис и Рамин» Ф. Гургани, однако у Низами упоминания названий одежд и тканей, указание каких-либо их особенностей встречаются гораздо меньше. Так, он мимоходом дает понять, что в аристократических кругах было принято носить шелковые плащи *кабо* из тканей *бодали*, *паранд*, *сайфур*.⁸⁹

К этому жанру, называемому национально-героическим, можно отнести «Дараб-наме», «Кахраман-наме» («Книга героев»), «Киран-и хабаш» («Кирон-абиссинец»), «Абумуслим-наме» Абутахира Тартуси. В XII веке такие повести писались довольно редко. Их место постепенно заняли произведения героико-религиозного жанра – «Повесть об эмире Хамзе», «Абумуслим-наме» и им подобные. Появление этого жанра было связано с усилением влияния религии. К историческим повестям, созданным в самом конце XI века, принадлежит «Искандарнаме».

В творчестве великого поэта и писателя-моралиста XIII века Саади Ширази (1181-1291) достойное место занимает поэтический труд «Бустан» («Плодовый сад»). Это произведение, составленное в 1257 году, по сути, - выраженная в поэзии философия и этика суфизма. Здесь суфийские морально-этические нормы подкреплены увлекательными притчами и

⁸⁹ Низами Гянджеви. Полн. собр. соч.: В 5 т (на тадж. яз.). - Душанбе: Ирфон, 1982-1984. - Т. 1. Хосров и Ширин. – 464 с.; Т. 2. Лейли и Меджнун. – 368 с.; Т. 3. Семь красавиц. – 416 с.; Т. 4. Книга славы. – 496 с.

рассказами в стихах. В свою очередь, повествования, собранные в трактате «Гулистан» («Розовый сад»), написанном Саади в 1258 году, сложены как из прозы, так и поэзии. Нередко в этих поучительных рассказах отражены личные воспоминания автора из его долгой и весьма трудной скитальческой жизни. В сочинениях Саади тонко подмечены характерные нюансы костюма представителей разных общественных сословий. Так, «одетый в *кабо*, не является дервишем», - писал этот величайший мастер газели.⁹⁰ Кроме того, затрагивание поэтом конкретных примет таких плащей позволило установить, что *кабо* шили на подкладе и такой плащ мог быть шелковым, а также содержать прокладочный слой из хлопковой ваты.

Рассказывают, что некий милостивый государь,
Наряжался в *кабо*, верхом и изнанкой из шелка.⁹¹

Пусть даже *кабо* шелковое, из шелковой ткани,
Но волей-неволей в нем есть и ватные отходы.⁹²

Ватной прокладкой оснащается теплая одежда, отсюда очевидный вывод о зимнем назначении одного из сортов *кабо*.

Наиболее видным деятелем суфийской (мистической) поэзии, получившей особое развитие в XIII веке, являлся Мавляна Джалалиддин Руми (1207-1273 годы) – автор бессмертного творения «Маснави ма’нави». Глубокое содержание этого произведения проявляется в каждом его стихе, несущем такие идеи, как единство сущего, отражение бытия в любви, воплощение бытия бога в природе и др. Глубокий смысл раскрывается, в частности, когда анализируешь каждый случай упоминания этим великим

⁹⁰ Саади Ширази. Гулистан. – С. 96.

⁹¹ Саади Ширази. Избранные произведения. – С. 171: *Шунидам, ки фармондиҳе додгар, қабо доштӣ: ҳарду рӯ остар.*

⁹² Саади Ширази. Избранные произведения. – С. 158: *Қабо гар ҳарир асту гар парниён, баночор ҳаишаш бувад дар миён.*

поэтом того или иного предмета быта или одежды. Для примера приведем здесь следующие строки из «Маснави ма’нави», содержание которых ни оставляет никаких сомнений в вопросе о распространенности плаща на Востоке плаща *кабо* и основном его предназначении:

Общественное положение людей устанавливается их одеждой.

Наряженные в *кабо*, очевидно, - простолюдины.⁹³

Из этого поэтического текста становится очевидным, что в XIII веке на громадном пространстве от Балха до Византии (Рума) большинство населения носило в качестве верхней одежды именно такой опоясываемый плащ, который, по словам поэта, известного в равной мере как Балхи и как Руми, служил в качестве массовой, истинно народной одежды.

Амир Хосров Дехлеви (1253-1325) – персидский поэт, ученый и музыкант, писавший на персидском языке и хинди. Служил поэтом и хронистом в Делийском султанате, его перу принадлежит целый ряд поэтических (лирика, поэмы и др.), литературоведческих и исторических сочинений. Чтобы показать значимость отдельных выдержек из его произведений для разработки настоящей темы, достаточно проанализировать содержание следующего двустишия:

Не стоит зреть в *джуббе* одеяние милосердия ученого,

Потому, что под *дурроа* он носит пеструю подкладку.

Нравоучения и поступки надобны ему для притворства и уловок,

Склонения и синтаксис нужны ему для поборов и кражи.⁹⁴

⁹³ Руми Джалялетдин. Маснави-и Ма’нави. – С. 155: *Як гурунро худ муарриф лома аст, дар кабо, гўянд, к-ў аз омма аст.*

⁹⁴ Амир Хосров Дехлеви. Избранные произведения. - Т. 4. – С. 816: *Љуббаи хайр-ус-сиёб-ул-байзи олимро мабин, з-ин ки ўро дар таъи дурроа рангин астар аст. Дидани фикъу усулаи баъри зарку нилаат аст, хондани тасрифу наъваи аз наи рафъу лар аст.*

Оно указывает, в первую очередь, на назначение плаща *дурроа*: он служил нарядом шейхов и ученых-богословов, истых служителей веры. Значит, составляя характеристику плаща такого названия, можно смело, опираясь, в том числе, и на эти строки, отметить точную сферу его применения в прошлом. Что касается утверждения поэта о том, что в обществе пороков той эпохи положение о благородности помыслов и деяний носителей *дурроа* кругом и рядом нарушалось, для нас это, очевидно, имеет значение второстепенное.

Как видим, анализ сведений, явно или в скрытной форме зафиксированных в богатейшем творчестве классиков таджикско-персидской поэзии и прозы и сопровождающих упоминания названий различных предметов одежды, позволяют успешно выявить их некоторые особенности. В частности, пользуясь этой возможностью, удастся установить приблизительные хронологические границы распространения, назначение, области применения, цветовое и орнаментальное оформление и некоторые другие признаки одежды разного названия.

Вместе с тем, выясняется, что ограничение числа привлекаемых для изучения исторической одежды конкретного периода источников с учетом выбранных хронологических рамок исследования представляется необоснованным. Дело в том, что распространенные в определенные времена виды одежды, а также их названия, употреблялись порой в течение многих последующих столетий. Учитывая данный аспект, изучая, к примеру, одежду жителей Центральной Азии эпохи IX-XIII веков, резонно пользоваться материалами из творчества Убейда Закани, Низами Гянджави, Сайидо Насафи и других авторов, творивших после XIII века. Нам представляется обоснованным использование такого подхода и для других выбираемых хронологических рамок исследований по истории костюма.

Еще один мотив в пользу такой аргументации – компилятивный характер ряда письменных источников, прежде всего исторических, географических и эпических. Нередко в тексте какой-либо работы

обнаруживается изложение событий, как реальных, так и вымышленных, заимствованное из составленных значительно раньше сочинений. С этой точки зрения, привлечение для изучения особенностей костюма конкретной эпохи письменных источников, составленных в более поздний период, опять же выглядит вполне обоснованным. Главное здесь – обеспечить аргументированную увязку привлекаемого материала к хронологическим границам выполняемого исследования. Одним из таких аргументов может служить преемственность традиций в реализации форм и оформления одежды, о чем писала известная исследовательница центральноазиатского средневекового костюма Н.П. Лобачева: «Костюм народов Средней Азии и Казахстана на протяжении своей истории постоянно менялся, как любое другое явление культуры и быта. Однако в нем сохранялись элементы, связанные с традиционным прошлым, несущие черты этнической принадлежности, сложившиеся еще в процессе исторического развития того или иного народа»⁹⁵.

Компилятивный подход наглядно прослеживается в текстах средневековых словарей. Их составители почти всегда брали за основу материалы ранее написанных словарей, нередко заимствуя без изменения значения терминов, а иногда дополняя или сокращая чужие формулировки. Вот почему в этих сочинениях в трактовке некоторых терминов сообщается, что он является устаревшим, вышедшим из употребления, посредством него называли определенный предмет, товар, обстоятельство и т.п. в прошлом. Примечательно, что, как правило, в предисловии к своим трудам, а также при изложении значения конкретных понятий и слов, составители этих словарей дают ссылки на использованные ими источники. Итак, исходя из вышеприведенной аргументации, на наш взгляд, не будет нарушением научного подхода к источниковедческой базе исследования, если эпоха

⁹⁵ Лобачева Н.П. О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана. – С. 6.

составления привеченных словарей выходит за пределы заявленных временных границ.⁹⁶

Уже отмечалось, что ряд произведений таджикских и персидских классиков был написан на арабском языке, который, начиная с VIII века, обрел статус государственного языка, языка науки и образования. В дальнейшем господство монголов и тюрко-монгольских династий также вынуждало некоторых таджикских литераторов средневековья писать свои сочинения на неродных для них языках. С другой стороны, представители разных народов, веками населяющих вместе просторы Центральной Азии, в целом носили одинаковые одежные комплексы. Эти обстоятельства обуславливают целесообразность использования для работы над разрабатываемой темой также средневековой литературы, написанной и на других восточных языках: арабском, тюркских наречиях, китайском. В том числе и сочинений, не имеющих отношение к творчеству таджикско-персидских авторов.

Из числа исторических сочинений на арабском языке в аспекте нашего исследования внимания заслуживает, например, книга Шихаб-ад-Дина ан-Насави «Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны». В этом труде личного секретаря последнего хорезмшаха (Джалал ад-Дина) описываются события, имевшие место в первой трети XIII века в Мавераннахре и вокруг него. Ан-Насави упоминает один из видов одежного материала, который наряду со слитками драгоценных металлов, звериными клыками, мешочками мускуса и камнями яшмы историком причислен к обычным дарильным вещам от имени правителей Мавераннахра. Речь идет о *торку* - ткани из шерсти белого верблюда. Ан-Насави не говорит о том, какое конкретно одеяние шили из этой материи, отметив лишь, что такие одежды продавались за пятьдесят и более динаров. Очевидно, что подходящим назначением для *торку* из верблюжьей шерсти было использование в качестве материала для

⁹⁶ Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте' (на перс. яз.). – Душанбе: Адиб, 1993, 2004. – Т. 1-2.; Гияс ул-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот (на перс. яз.). – Душанбе: Адиб, 1987-1989. - Т. 1-3 и др.

предметов верхней одежды, таких как *кабо*, *дурроа*, *джубба*. Кстати, упомянутая ткань фигурировала в числе даров, которые послы Чингизхана вручили Мухаммаду Хоразмшаху вместе с письмом предводителя монголов с просьбой наладить взаимное сотрудничество и добрососедство, а действие это происходило непосредственно перед «Отрарской трагедией». Полезной является и другая заметка ан-Насави, посвященная мужским шелковым плащам *фараджи*, один из которых был отделан золотой вышивкой («фараджии заркаш»), другой был сшит из атласной ткани, а третий - из китайской материи (*ал-хитай*).⁹⁷ Эти сведения позволяют не согласиться с утверждением некоторых исследователей о том, что *фараджи* был длинным и широким шерстяным плащом служителей веры, имевшим опять же длинные, широкие рукава. Данная информация скорее свидетельствует в пользу того, что в XIII веке под названием «фараджи» скрывалась одежда нарядная, аристократическая, преимущественно шелковая. Такая верхняя одежда могла входить и в костюмный комплекс духовенства, однако было бы ошибкой придать ей сугубо религиозное содержание.

Огромное значение для идентификации предметов одежды имеют сведения, приведенные в сочинении персидского историка X-XI веков ас-Саби (969-1056) «Установления и обычаи двора халифов», написанного на арабском языке. Помимо скрупулезного описания норм дворцового церемониала и этикета в аббасидском халифате, ас-Саби предоставляет много информации о летописи и экономической жизни исламского государства, излагает основы этнокультурной жизни того периода. Затрагивая вопрос, связанный с материальной культурой, он упоминает, в том числе, предметы одежды и ткани, иногда указывает их цвет, декор и некоторые другие признаки. Важно, к примеру, его упоминание о стеганом строении верхней одежды *джубба*: [Входящий к халифу] должен почистить зубы, говорить тихим голосом во время бесед [с вышестоящими] и споров,

⁹⁷ Шихаб ад-Дин ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. – С. 72-73, 220-221, 256-257.

носить под своими одеждами *джуббу*, стеганную ватой, и зимой и летом, чтобы не выступал [наружу] пот.⁹⁸ Эта особенность такой верхней одежды, наличие которой подтверждает, к слову, автор словаря «Гияс ул-лугот», дает основание считать, что именно таким термином в глубоком средневековье именовали теплое одеяние, известное как *чапан*. Изложенный аспект имеет немаловажное значение, если учесть, что и сегодня отдельные исследователи материальной культуры придают *джуббе* религиозное значение, считая ее принадлежностью костюма богословов.

Источники письменности, написанные по-арабски, весьма многочисленны и нет возможности, да и надобности упомянуть здесь каждый из них в отдельности. Зачастую во многих из них при упоминании конкретных предметов одежды говорится лишь об их расцветке, например, «зеленая (белая, черная, царская, траурная, новая и др.) одежда (рубаша, халат и т.п.)». Понятно, что в аспекте разработки настоящей темы нет возможности извлечь видимой пользы от подобных заметок. К числу таковых можно отнести «Тарих ал-ямини» («История десницы державы») Абу Насра Мухаммад ал-Утби (961-1022), «Ал-камил фи-т-та'рих» («Полный свод истории») Ибн Асира⁹⁹ и целый ряд других летописей. К примеру, информация ал-Утби о доставке послом Саманидов подарков шахиншаху Ирака из династии Буидов - Адуд ад-Даули более 1500 тысяч отрезков тиразных материй с вышитыми именами саманидской аристократии служит разве что подтверждением функционирования тиразных мастерских в пределах государства Саманидов и только.¹⁰⁰ Однако на извлеченные из них редкие сведения будет указано по мере необходимости в последующих главах настоящей работы.

⁹⁸ Хилал-ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов. – С. 35-36.

⁹⁹ Ибн ал-Асир. Ал-камил фи-т-та'рих («Полный свод истории»). Избранные отрывки. – Ташкент – Цюрих, 2005. – 595 с.

¹⁰⁰ Абу-Наср ал-Утби. Китаб ал-Йамини («Книга десницы держав») // Материалы по истории туркмен и Туркмении. – Т. 1. – М.: Ин-т востоковедения, 1939.

Наряду с этим, следует отметить еще одно обстоятельство, которое придает еще большую ценность этим произведениям. Распространение материальной культуры арабов на регионы исторического проживания таджикского народа, начавшееся с середины VII века, естественно наложило отпечаток и на костюмный комплекс. Происшедшие по этой причине изменения в видах одежды, их оформлении и названиях, отличались устойчивостью и их придерживались в Центральной Азии и после распада арабского халифата. Это – другой фактор, определяющий полезность упоминаний об одеждах в арабских источниках, в том числе составленных далеко на западе от этого региона.

Средняя Азия, расположенная на пересечении сухопутных торговых путей, издревле связывавших Азию с Европой, не могла не быть предметом изучения и знакомства для многих иноземных посетителей края – путешественников, купцов, послов, ученых. По этой причине, сведения разных времен о жизни и быте местных жителей оказались зафиксированными не только в письменных трудах, составленных на Ближнем Востоке, но и, например, в индийской, китайской литературе.

Обстоятельный обзор китайских источников о предметах материальной культуры, в том числе текстильных изделиях, которые доставлялись в эпоху Танского государства (618-907) в Китай отовсюду, выполнен американским исследователем Э. Шефером. Как показало проведенное им исследование, из Западного Туркестана в империю Тан одежды и одежные ткани практически не поступали. И это не удивительно, если учесть, что сами Китай был крупнейшим экспортером текстиля, в первую очередь, шелкового. Дело ограничивалось ввозом в Китай из Средней Азии одеял и ковров, причем, в основном это осуществлялось в виде подношений. Характерный пример – дары, доставленные миссией к правителю Танского государства Сюань-Цзуну от имени владыки Бухары, просившего оказать помощь против

арабского нашествия. В числе других подношений от имени бухар-худата значились два больших покрывала и один вышитый ковер¹⁰¹.

Некоторые сведения о мужском и женском костюме самаркандцев XIII века зафиксированы в записках Чан-чуна - китайского посла, который в 1221 году направлялся в Хорасан в лагерь Чингизхана. Волею судьбы некоторое время он вынужден был прожить в Самарканде, что позволило ему изучить жизнь и быт населения города изнутри. Чан-чун пишет, что головным убором для самаркандских мужчин служила высокая шапка, декорированная разноцветной материей с привешенными кистями. Представители духовенства, а также простые смертные носили на голове белые чалмы. Состоятельные дамы, по его свидетельству, повязывали на голову вышитые хлопчатобумажные или шелковые платки, однако головной убор многих женщин делал их похожим на буддийских монахов. Чан-чун обратил внимание на то обстоятельство, что мужчины и женщины в Самарканде носили одинаковую одежду – белую рубаху с рукавами, сшитую наподобие мешка, которая сверху была узкой, а книзу расширялась. Очевидно, здесь речь идет о верхней одежде, однако о наличии или отсутствии в ней запаха, китайский путешественник речи не ведет¹⁰².

Определенную ценность представляют для нас сведения по теме, которые содержатся и в других сочинениях китайских авторов. Они позволяют расширить круг наших знаний об одежном комплексе жителей средневековой Центральной Азии, а порой и уточнить их. Однако в целом, китайская литература средневековой эпохи не может служить в качестве весомого источника для реконструкции исторической одежды таджиков, хотя зафиксированные в ней отдельные сведения такого характера, пусть даже мимолетные замечания, должны быть проанализированы и использованы.

¹⁰¹ Шефер Э. Золотые персики Самарканда. – С. 265-266.

¹⁰² Бартольд В.В. Туркестанский край в XIII веке (по рассказу китайского путешественника). - С. 240-241.

С позиции использования в качестве источников для изучения исторической одежды таджиков вызывают интерес также материалы произведений на среднеазиатских наречиях тюркского языка. Это такие произведения, как «Кутадгу билик» («Благословенное знание») Юсуфа Баласагуни, «Хибат ул-хакайик» («Вознаграждение истины») Ахмеда Югнеки, «Дивани лугат ат-Турк» («Словарь тюркских языков») Махмуда Кашгари, «Диван-и хикмат» («Книга мудрости») Ходжа Ахмеда Ясави. Для примера, приведем некоторые определения из сочинения М. Кашгари, имеющие отношение к деталям одежды: *иж кур* – внутренний кушак; *ум* – шаровары; *ай (ий)* – шелк оранжевого цвета; *йашил унлуг тун* – одежда зеленого цвета; *урт* – игольное ушко; *ур* – боковые клинья верхней одежды; *ариш аркаг* – основа и уток ткани; *ашук* и *уртук* – покрывало; *акин* – хлопчатобумажная ткань шириной в полторы пяди и длиной в четыре локтя; *ал* – ткань алого цвета для пошива флагов; *артиг* – женский камзол; *акрик* – пряжа, *утран* – брюки, *уйнак* – кокетка и т.д.¹⁰³ В частности, последний термин в несколько измененных формах (*куйнак*, *куйлак*) сегодня служит названием элемента узбекской традиционной одежды (платья). Заметим, правда, что мы не согласны с редакторами издания этого словаря, которые переводят термин «порча» как парча, т.е. златоткань. На самом деле в то время данное слово употреблялось в значении «ткань», т.е. для обозначения любых тканей, а также групп материй.

Таким образом, классическая таджикско-персидская литература с ее богатейшим наследием представляется ценным источником для изучения исторической одежды народов Центральной Азии. Ограничившись кратким освещением ряда исторических трудов, преимущественно, IX-XIII веков и не затрагивая другие письменные сочинения те же жанров, удалось выявить, что в нашем случае они полезны, в основном, с точки зрения определения названий одежд, их назначения, цвета, использованного для их пошива материала. Анализ обстоятельств, обусловивших упоминания названий

¹⁰³ Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-Турк. – С. 75, 78-79, 81, 83, 96, 106, 110, 114, 128, 135, 138, 146, 149.

конкретных видов одежды и других сопутствующих сведений, позволяет установить их различные признаки, необходимые для полноценного описания. Вместе с тем, для уточнения отдельных сведений целесообразно привлечение материалов письменных источников, написанных на других восточных языках: арабском, тюркском, китайском и др. Кроме того, наши, основанные на литературных материалах, знания об особенностях различных видов одежд могут быть уточнены и дополнены посредством привлечения других источников информации – археологических, художественных и т.д. Наконец, с учетом устойчивости форм, стилей ношения и названий предметов восточного одежного комплекса эпохи средневековья, перечень литературных источников исследования, охватывающий конкретный хронологический интервал, может быть расширен в ту и другую сторону без нарушения научной методологии изучения.

ГЛАВА 2. ЛЕГКАЯ ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА ТАДЖИКОВ: ВИДЫ, ЭВОЛЮЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

2.1. Опоясываемая одежда

Историческая и традиционная верхняя одежда таджиков, как и других народов, исторически населявших с ними одни и те же географические области, очевидно, была связана с халатами, причем это касается как мужских, так и женских нарядов. Халаты являлись предпочтительным и даже обязательным элементом повседневной, служебной, выходной и праздничной одежды жителей средневековой Центральной Азии. Начиная с 20-х годов XX века, последовал постепенный переход к европейскому стилю костюма, следствием чего стало вытеснение традиционных халатов фабричными брючными костюмами, куртками и плащами, пальто и дубленками. Как следствие, к концу этого столетия говорить о распространенности халатов уже не приходилось: как предмет повседневного и выходного костюма его носили разве что религиозные проповедники.

В зависимости от климатических условий региона, распространенные прежде здесь халаты могли быть летнего, демисезонного и зимнего назначения. Летние халаты шили однослойными или на подкладе. Таким было и строение халатов демисезонного назначения, которые, правда, шились из более теплых материалов, например, шерстяных. Зимний халат оснащали еще и прокладочным слоем, который закрепляли простегиванием.

Известно, что традиционно халаты опоясывали или носили без пояса. Наиболее известный средневековый халат летнего и демисезонного назначения назывался *кабо*. Опираясь на материалы литературных источников, выясним происхождение, конструктивные (типологические), отделочные и другие признаки халатов такого названия. Сразу отметим, что мужчины и женщины, надев *кабо*, поверх него повязывали пояс.

Этимология, хронология и география распространения. В письменных источниках, составленных на таджикско-персидском, арабском и некоторых других восточных языках в IX-X веках и значительно более поздний период, упоминания о предмете одежды с арабским названием «кабо» встречается часто. Очевидно, этот фактор служит подтверждением массового применения *кабо*, а также широкого хронологического и географического его распространения. Выясняется, что в качестве элемента мужской и женской одежды (выходного, специального или рабочего и др.) на всем протяжении Центральной Азии и даже за ее пределами оно служило на протяжении многих столетий. В разных исследованиях *кабо* представлено в качестве халата, плаща, куртки, кафтана.

Как отмечалось в хронологическом аспекте, термин «кабо» как название одеяния существовало еще в IX-X веках, что зафиксировано, к примеру, в творчестве Рудаки.¹⁰⁴ Спустя целое тысячелетие *кабо* все еще оставалось распространенным элементом одежды, являясь уже принадлежностью традиционной одежды для разных народов Центральной Азии, в том числе таджиков.

Этимология названия халата остается невыясненной. Заключений исследователей по этому вопросу нет, а средневековый энциклопедист Мухаммадхусайн Бурхон предположил, что термин «кабо» может происходить от пехлевийского «паплипо».¹⁰⁵ Понятно, что для нас эта информация картину не проясняет. Однако если считать ее ключом к разгадке поставленного вопроса, было бы логичным оставить ее разрешение для филологов. Нельзя также исключить арабских корней данного слова учитывая, что *кабо* было и является составной частью и в комплексе арабского народного костюма.

Материалы средневековых словарей позволяют выполнить в определенной мере терминологический анализ в отношении манеры ношения

¹⁰⁴ Абу Абдулла Рудаки. Ветер Мулияна. – С. 97.

¹⁰⁵ Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте'. - Т. 1. - С. 221.

такого халата. Как правило, *кабо* надевали поверх другого одеяния, хотя его нередко могли носить и без нижней одежды. В качестве верхнего халата (плаща) оно составляло одежду, имевшую отношение к группе предметов верхнего убранства *дувадж* или *дисор*. В этом случае мужчины и женщины надевали под ним исподнюю одежду *пирахан* (рубашка, платье). Один из видов короткой одежды, который носился под *кабо*, назывался *забун*. Другие формы названия такой нижней одежды – *танзеб* и *архалук*.¹⁰⁶ По сообщению Саади, под *кабо* могли надевать, кроме того, одежду дешевую и старую, в том числе лоскутную - *хирка*.¹⁰⁷

Кабо как элемент одежды, непосредственно контактирующий с телом, может быть причислено к группе нательных одежд. Такую одежду называли *пирахан* (таджики) или *ши'ор* (по-арабски).¹⁰⁸ Термин «кабоча», который также встречается в источниках, мог иметь два смысла: плащ укороченной длины и халатик для подростков.¹⁰⁹ Заметим здесь, что распашной плащ с короткими рукавами (илл. 2.1.9-2.1.10) в XVII веке называли *тирлик*.¹¹⁰

Другой сорт *кабо* назывался «лабоча». Вероятно, это производное от *лабод* – войлочного плаща, служившего дождевиком (*борони*). Нередко такое одеяние называли *ялма*.¹¹¹ Для пошива *кабо* употребляли, помимо ткани и войлока, еще и кожу (*пустин*).¹¹² Так, в кожаный плащ «*кабо* на красной лисице» под дождевым плащом был одет историк Байхаки, когда, с его же слов, зимой 1035 г. он совершал поход в свите эмира Мас'уда из Нишапура в Гурган.¹¹³

¹⁰⁶ Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте'. – Т. 1. – С. 294; Т. 2. – С. 93.

¹⁰⁷ Саади Ширази. Избранные произведения. – С. 176: *Бузургон, ки нақди сафо доштанд, чунин хирқа зери қабо доштанд.*

¹⁰⁸ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 1. – С. 85, 346, 464.

¹⁰⁹ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 2. – С. 127; Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте'. – Т. 2. – С. 325.

¹¹⁰ Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте'. – Т. 1. – С. 279; т. 2. – С. 18.

¹¹¹ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 2. – С. 207, 415.

¹¹² Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 1. – С. 169.

¹¹³ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 552.

Частые упоминания об одежде *кабо* в произведениях многих средневековых литераторов среднеазиатского происхождения (Рудаки, Насир Хисрава и других), безусловно, служат свидетельством массового распространения в упомянутом регионе плащей такого названия. Накопленные материалы со всей очевидностью указывают на то, что эта принадлежность одежды являлась характерным предметом в составе исторического костюма таджикского народа. Костюма мужского и женского.

Изучение показывает, что *кабо* было распространено, помимо Средней Азии, в арабском мире, Иране, Турции, на Кавказе, а также областях, расположенных на левобережье Пянджа. Так, согласно исследованиям Н. Муллера, на юго-востоке Грузии в XI–XII веках феодалы и придворные наряжались в *кабу* длиной до колен, с длинными, доходящими до низа одежды ложными рукавами, зашитыми книзу. Рукава не применялись по прямому назначению, а закидывались за спину, неся исключительно декоративную функцию. По сути, рукав имел вид длинной полосы ткани с подшитым к пройме верхним концом. Края бортов плаща, воротника и рукавов обшивались декоративным темного цвета шелковым шнуром. На протяжении столетий фасон *кабы*, естественно, подвергался изменению. Так, *кабу* стали шить длинее, ниже колен. В качестве материалов применялись шелк, сукно, холст, кожу. Носили *кабу* теперь уже не только состоятельные люди.¹¹⁴

Вместе с тем, однозначное утверждение Н. Муллера о том, что «женское *кабо* – *алхалук* – было до пола», не следует считать бесспорным. В «Гияс ул-лугот» зафиксировано, что «алхолук», являясь термином тюркского происхождения, обозначал широко известный вид одежды, которую надевали под *кабо*.¹¹⁵ Другими словами, *алхалук* являлся нижней одеждой (рубашкой, платьем), в то время как *кабо* служило, преимущественно, верхним одеянием.

¹¹⁴ Муллер Н. Каба, лечаки, черкеска, чоха. - С. 92.

¹¹⁵ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 1. - С. 85.

Верхняя одежда *кабо* была также принадлежностью национальной одежды курдов, которые надевали его поверх сорочки и жилета. Такой костюм дополнялся широкими шароварами и поясом.¹¹⁶

В арабском мире *кабо* носили жители разных краев. Обычно такую одежду, являвшуюся нарядным кафтаном, надевали поверх рубахи *камиз* представители аристократии и состоятельные члены общества.¹¹⁷ В Омане и Бахрейне кафтан *кабо* позволяли себе носить представители госудасрвенной администрации и богословы.¹¹⁸

Здесь следует заметить, что большинство специалистов в области истории костюма заостряют внимание на схожесть покроя арабского и персидского *кабо*, склоняясь к мысли, что такой вид кроя верхней одежды был заимствован именно арабами. Так, по словам Сурделя Доминика, во дворе халифов регламентированной одеждой для военных и секретарей «была короткая куртка персидского происхождения, именуемая *кабо*, которое можно увидеть, например, на фресках дворца Лашкари-Базар».¹¹⁹ Изображение сорта *кабо* такой длины можно увидеть и на миниатюрах средневековья (илл. 2.1.12-2.2.14).

Впрочем, в специальной литературе можно встретить и другие мнения. Так, есть суждение о том, что изначально такое одеяние стали носить в пределах Африки. Примером служит следующая заметка: «*кабо* - широкая куртка прямого покроя с капюшоном, отделанная тесьмой с кисточками. Заимствовано из костюма народов Северной Африки».¹²⁰

¹¹⁶ Наталия Сахно. Курды в Тбилиси (<http://natalia-sakhno.livejournal.com/11815.html>). - Дата обращения: 02.03.2014.

¹¹⁷ Эволюция арабского костюма. - http://www.costumehistory.ru/view_post.php?id=176 (Дата обращения: 09.07.14).

¹¹⁸ Национальный арабский костюм. - <http://costumer.narod.ru/text/arabian-costume.htm> (Дата обращения: 09.07.14).

¹¹⁹ Сурдель Доминик, Сурдель Жанин. Цивилизация классического ислама. - <http://e-libra.ru/read/351973-tcivilizatciya-klassicheskogo-islama.html> - 04.06.2014.

¹²⁰ Многофункциональные вещи. Образование новых видов ассортимента. - <http://www.pobiv.ru/art/veschi> (дата обращения - 11.11.2014).

Народы тюркского происхождения также охотно наряжались в *кабо*. Многочисленные факты ношения тюрками разных фасонов такого плаща засвидетельствованы в сюжетах книжных миниатюр, их можно обнаружить и в материалах письменных источников. «Некий портной раскраивал *кабо* для одного тюрка», - так начинается сатирический рассказ персидского поэта-сатирика Убейда Закани о расторопности некоего проворного портного. Заказчик неотрывно наблюдает за действиями ремесленника, когда тот занимается раскроем, из-за чего мастеру никак не удается подобрать момент спрятать кусочек ткани. Портной вынужден со звуком портить воздух, чтобы отвлечь внимание настырного заказчика, который, кувыркаясь, подается в безостановочный смех.¹²¹ Этот же сюжет рассказан Джалялетдином Руми в его «Маснави-и ма'нави». Некий заказчик-тюрк, желая сшить для себя новое *кабо*, приносит в лавку портного станбульский *атлас* и не уходит из лавки, внимательно наблюдая за тем, насколько точно мастер выполнит его условия: одежда должна быть воинского стиля, широкой внизу и плотно облегающей на талии. Изыскивая способы отвлечь внимание непоседливого заказчика, портной переходит к рассказу смачных анекдотов. Пару раз, когда тюрк в смехе кувыркается по земле, проворный портной в это время ловко прячет кусочки материи. Клиент, смеясь, просит портного рассказать еще анекдоты. На третий раз портной отвечает, что не стоит, не-то *кабо* после соединения деталей придется ему не по размеру.¹²²

Конструктивные особенности. Перейдем теперь, опираясь на материалы источников, к анализу кроя плаща *кабо*. Как показывает обобщение собранных материалов, *кабо* шили, обыкновенно, распашным. Запах плаща мог быть прямым (посередине переда) или косым (илл. 2.1.5-2.1.8), когда борта начинались на краю ворота и заканчивались в области противоположной подмышки. Во втором случае после надевания халата

¹²¹ Убейд Закани. Избранные произведения. – С. 48.

¹²² Руми Джалялетдин. Маснави-и ма'нави. – С. 602-603.

линия соприкосновения полов, начиная с области бедер, т.е. от участка, где проходит пояс, вниз идет не спереди, а сбоку.

Заслуживает внимания заметка про *кабо* в словаре «Светило наставления» Сироджуддина Алихона Орзу, который пишет, что один из видов такой одежды был распашным (*кабо-и пешвоз*) наподобие платья (*пиракан*). Это можно воспринимать, как утверждение о том, что *кабо* могло быть и нераспашным. Однако такому заключению противоречит другое замечание указанного автора, утверждающего, что для обозначения (любой?) распашной одежды на персидском языке употреблялся исключительно термин «кабо».¹²³

Запах плаща в разных местах проживания персоязычных народов называли по-разному: *сиджоф*, *атф*, *фаровез* (*парваз*). Теми же терминами пользовались и для обозначения канта (узкой декоративной надшивки) по краям бортов плаща.¹²⁴

Как видно на миниатюрах, зачастую *кабо* шили с заходом. В процессе надевания один из бортов прижимали в направлении противоположной подмышки пазухи, второй – накладывали на первый в направлении другой подмышки, после чего халат опоясывали (илл. 2.1.1-2.1.8). Борт халата назывался *бодбон*. Впрочем, термин «бодбон» (букв. «парус») употреблялся и для обозначения рукава, а также ворота *кабо*.¹²⁵

Окружность подола плаща называли *чархи кабо*.¹²⁶ Вместе с тем, один из сортов атласной ткани назывался «атласи чархи», из-за чего схожий термин «чархкабо» обозначал вид плаща, сшитого из атласной ткани.

Мужчины, как и женщины, носили *кабо* самой разнообразной отделки, из материалов гладких и узорчатых. Состоятельные люди носили плащи декорированные. Обращает внимания богато декорированный вышивкой

¹²³ Сироджуддин Алихон Орзу. Светило наставления. – С. 161.

¹²⁴ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 1. – С. 414; т. 2. - С. 69; Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте'. - Т. 1. - С. 172.

¹²⁵ Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте'. - Т.1. - С. 138.

¹²⁶ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 1. - С. 258, 433.

плащ Хусейна Байкара из династии Тимуридов (илл. 2.1.9,в). На его портрете, исполненном в конце XV века, можно видеть, что тонкий растительный орнамент вышивки *кабо* полностью покрывает область груди, плечи и, по всей вероятности, спину султана. Те же участки плаща и таким же узором декорированы в плащах влюбленных юношей на двух миниатюрах художника Абдуллы с любовным сюжетом (XVI век). Однако не исключено, что в этих случаях отделка *кабо* осуществлена другой тканью – узорчатой, наложенной на гладкий материал основы.

Женский и несколько мужских персонажей с вышитыми плащами *кабо* изображены на миниатюре «Влюбленные в саду» к рукописи «Хамса» Низами (XVI век). Здесь (илл. 2.2.15,а) можно заметить, что вышивка исполнена вокруг ворота и по краю коротких рукавов. Растительный орнамент вышивали и на плащах, сшитых из узорчатых тканей. Примером служит плащ виночерпия, изображенного на миниатюре Ага Мирека «Фирдоуси принимает придворных поэтов из Газны» от 1532 года (илл. 2.2.2).

Вышитые плащи *кабо* показаны на персонажах многих средневековых миниатюр, однако анализировать каждый такой случай не требуется. Дело в том, что тема вышивки во всех случаях одна и та же (гибкие побегии) и исполнена она на тех участках плаща, о которых мы уже упомянули.

Такой плащ иногда оформлялся с помощью канители *турундж*, когда в разных его частях образовывали орнамент из шелковых нитей красного цвета.¹²⁷

Надев *кабо*, сводили борта вместе и накладывали их один на другой, после чего плащ в обязательном порядке опоясывали. Для этого использовали платок-кушак (илл. 2.1.3,а, 2.1.7а, б, 2.1.8, 2.1.10 и др.), шнур (илл. 2.1.9, б,г и др.) или ремень (илл. 2.1.9,в, 2.1.13 и др.). Наличие пояса в качестве обязательного атрибута костюма, включавшего *кабо*, точно отмечено З. Рахимовой. По ее словам, «на миниатюрах оно (*кабо*) всегда

¹²⁷ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 1. - С. 187.

изображается подпоясанной кушаком или кожаным пояском с золотыми бляхами - *камарбанд*, к которым прикрепляли богато украшенное оружие: меч и кинжал, нож, а также мешочек с деньгами».¹²⁸

Обеспеченные члены общества опоясывали плащи инкрустированными кожаными ремнями, роскошность которых зависела от их состоятельности и занимаемого положения в обществе. Такие пояса назывались «пятисотенными», «семисотенными», «тысячными» и т.д. по весу драгоценного металла в мискалях, содержащегося в подвесках. Для инкрустации дорогих поясов использовали золото, серебро, бирюзу и другие драгоценные материалы.

Такие пояса были, как правило, дарственными. Их получали за особые заслуги или по случаю назначения на высокие посты. В летописи Байхаки зафиксированы множественные случаи пожалования эмиром Мас'удом Газневидом дорогих поясов в комплекте с различными предметами роскошной одежды государственным чиновникам, военачальникам, иноземным послам. Так, золотой пояс весом в пятьсот мискалей эмир Мас'уд вручил Хасану сыну Сулеймана на церемонии назначения того на должность шихне (коменданта) Рея.¹²⁹ Или другой случай: назначая Бу-л-Фатха Рази начальником войскового дивана, эмир распорядился выдать тому плащ и семисотенный пояс.¹³⁰ А когда ходжа Ахмед, сын Абд ас-Самада, был возведен в ранг визиря, от имени эмир Мас'уда ему преподнесли «самый великолепный плащ, ...пояс к нему был тысячный».¹³¹ Аналогично, золотым тысячным поясом по случаю назначения саларом (военачальником) Хиндустана был дарован Ахмед Йинал-тегин.¹³² Или же, «...пояс с

¹²⁸ Рахимова З.И. Бухарский костюм XVI - XVII вв. в миниатюрах Мовароуннахра.

¹²⁹ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 93.

¹³⁰ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 426.

¹³¹ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 467-468.

¹³² Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 358.

всаженными в него сорокамискаловыми бирюзовыми камнями» получил от рук эмира ходжа Ахмед сын Хасана, занявший пост визиря Газневидов.¹³³

В средневековых государствах Востока ношение инкрустированных поясов в комплекте с *кабо* было свойственно, кроме того, для дворцовой прислуги, ведь роскошность их костюмов непременно производило впечатление на посетителей двора, убеждая их во всемогуществе государя. По свидетельству историка Байхаки, на церемонии приема багдадского посла, прибывшего в Балх с извещением о кончине халифа ал-Кадира Биллаха, четыре тысячи дворцовых гулямов (слуг) в дорогих убранствах были построены в несколько рядов по обе стороны эмирского серая. Причем, две тысячи были в дорогих поясах о десяти подвесках, каждый с серебряной булавой, а две тысячи - с поясом, повязанным на чреслах. Еще человек триста гулямов-телохранителей стояли в золоченых поясах с золотыми булавами, а несколько человек из них были даже в поясах, украшенных самоцветными камнями. В золотых поясах были также, по словам летописца, все придворные вельможи, правители областей и хаджибы.¹³⁴

Наглядное представление о том, как выглядели такие поясные ремни, дает средневековая миниатюра. Так, с поясом, содержащем подвески из драгоценных металлов изобразил, к примеру, известный миниатюрист Мир Мусаввир (XVI в.) Сархан-бека Сюфрачи («суфра» - «скатерть»), который управлял дворцовым столом второго сафевидского шаха Тахмаспа I. Впрочем, о видах поясов для *кабо*, изображенных на средневековых миниатюрах, мы уже говорили.

Ношение дорогих инкрустированных поясов в Средней Азии – традиция древняя. Ин носила знать еще во времена господства здесь Ахеменидов. Много персонажей местного происхождения, опоясанных ремнями с подвесками, встечается в сюжетах раннесредневековой настенной росписи. Информация о ношении подобного атрибута костюма в Средней

¹³³ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 229.

¹³⁴ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 381-382.

Азии в доарабский период зафиксирована также в письменных источниках. Например, по словам историк Наршахи, в Бухаре до арабского нашествия соблюдалась традиция, когда на службу во дворец ежедневно являлись 200 молодых людей из числа дехканов (феодалов) и потомков царских родов, опоясанных золотыми поясами с привешенными саблями¹³⁵.

Предмет опоясывания рассматриваемого вида плаща назывался *банди кабо*.¹³⁶ Согласно «Гияс ул-лугот», по признаку наличия такого шнура *кабо* отличалось от подобного ему другого распашного халата *фараджи*, которое застегивали на пуговицы.¹³⁷ Однако использование признака наличия или отсутствия пуговиц в целях дифференциации указанных двух видов прежде весьма распространенных видов одежды неверно. Более того, это неприемлемо. В художественных источниках можно встретить немало изображений людей в опоясанных и, в то же время, застегнутых на пуговицы, плащах. Более правильным мы считаем использование другого признака. Различить халаты *кабо* и *фараджи* следует, на наш взгляд, по факт наличия или отсутствия пояса (кушака, шнура, ремня).

Несмотря на наличие пояса, борта *кабо* на расстоянии от ворота до талии обычно застегивались на пуговицы или обвязывались петлями-завязками (илл. 2.1.7 и др.). На миниатюрах можно видеть, что число пуговиц могло быть от 3-4 до 13-14 (см., например, илл. 2.1.9,а-в, 2.1.10), они располагались с одинаковым шагом или попарно. Шаловливые красавицы, наряженные в *кабо*, позволяли себе застегивать на плаще лишь отдельные пуговицы, оставив между ними расстегнутыми четыре-пять других пуговиц. За счет этого образовывались привлекающие взор окружающих просветы на плаще в области груди и ниже ее. Пример такого наряда изображено, к

¹³⁵ Наршахи. История Бухары. – С. 15-16.

¹³⁶ Низами Гянджеви. Полн. собр. соч. – Т. 3. – С. 106: *Дар камар чуст кард банди кабо ...*; Сайидо Насафи. Избранные произведения. – С. 98, 211, 269, 313, 437: *... Бар камар занчир аз банди кабо бошад маро*; Талиб Амули. Газели. – С. 103; Хаким Санаи. Избранные произведения. – Т. 1. – С. 20: *Бандаи якдил манам банди қабои туро, ... кӯи кулоҳи туро, банди қабои туро*.

¹³⁷ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 2. - С. 104, 433.

примеру, прославленным художником Реза Аббаси на миниатюре «Женщина с веером» (илл. 2.1.10, в).

Пуговицы или петли-завязки, если *кабо* ими оснащалось, располагались исключительно выше поясного шнура. По этой причине во время движения человека полы плаща ниже пояса отходили, имитируя тем самым разрез в одежде. Рассхождение полов *кабо* происходило и во время сидения на земле. Наличие такого «разреза» было другим характерным атрибутом для *кабо* и, в связи с этим, как свидетельствуют источники, операция надрезания, как на ткани, так и на одежде, часто заменялось словосочетанием «кабо кардан» («делать кабо»). Кроме того, подобным образом нередко называли и работу по раскраиванию материи для пошива.¹³⁸

Рассуждение о разрывание предметов одежды, таких как *джома* (одежда в широком смысле слова) или *пирахан* (платье, рубашка), и превращения их, таким образом, в *кабо* неоднократно встречается, к примеру, в творчестве Убейда Закани. Причем, каждый раз поэт ведет речь об этом, когда с грустью говорит о разлуке с любимой:

Разлучила судьба меня с ней,

Расставание превратило одежду моего терпения в *кабо*.¹³⁹

Или в другом месте:

Разлука с ней внезапно меня охватила,

Грусть по ней превратило одежду моего терпения в *кабо*.¹⁴⁰

¹³⁸ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 2. - С. 127; Сироджуддин Алихон Орзу. Светило наставления. – С. 161.

¹³⁹ Убейд Закани. Избранные произведения. – С. 255: *В-агарчи рӯзгорам з-ӯ чудо кард, фироқаш чомаи сабрам қабо кард.*

¹⁴⁰ Убейд Закани. Избранные произведения. – С. 247: *Фироқаш ногаҳонам мубтало кард, гамаш пирохани сабрам қабо кард.*

В отдельных сортах женских плащей такого вида выполняли, кроме того, разной глубины специальные боковые разрезы. В миниатюрах встречаются изображения *кабо* с боковыми клиновидными вырезами высотой от 10-15 см до метра и даже больше. Иногда разрез продолжается до области бедер. Треугольной формы боковые разрезы называли *тирез*.¹⁴¹

Кабо могло быть однослойным, с подкладом, а также утепленным. О тонком льняном *кабо* летнего назначения есть информация в «Бурхони коте’». ¹⁴² Однако в большей степени такой плащ состоял из двух или трех слоев – лицевого (основной ткани), подкладки и (иногда) прокладочного. Причем, в «Гияс ул-лугот» отмечается, что *кабо* известно всем в качестве двухслойного одеяния. Подклад плаща (*остар*) иногда называли *битона*.¹⁴³ Подклады плащей, в большинстве белого цвета, хорошо наблюдаются на миниатюрах, к примеру, в картине Мир Мусаввира «Ночной кошмар тирана Заххака». Наличие в *кабо* лицевого и изнаночного слоев подтверждает также Саади. Им засвидетельствовано, кроме того, существования прокладочного слоя в таких плащах зимнего назначения:

Рассказывают, что некий милостивый государь,
Одевался в *кабо*, верх и изнанка которого из шелка.¹⁴⁴

Даже если *кабо* шелковое, из шелковой ткани,
Волей-неволей оно содержит и старую вату.¹⁴⁵

¹⁴¹ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 1. - С. 188; Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте’. - Т. 1. - С. 282.

¹⁴² Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте’. - Т. 1. - С. 299-300.

¹⁴³ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 2. - С. 126, 136.

¹⁴⁴ Саади Ширази. Избранные произведения. – С. 171: *Шунидам, ки фармондиҳе додгар, қабо доитӣ: ҳарду рӯ остар.*

¹⁴⁵ Саади Ширази. Избранные произведения. – С. 158: *Қабо гар ҳарир асту гар парниён, баночор ҳашиваш бувад дар миён.*

О плаще *кабо*, набитом хлопковой ватой, написано также в словаре «Светило наставления», причем отмечается, что такой, подобный стеганому чапану, халат был по большей части распространен в Индии. В подтверждение составитель этого словаря приводит стих, где поэт Тугро наставляет, что в холодную погоду следует одеться в *кабо*.¹⁴⁶

Туго охватывающее тело *кабо* в качестве верхней одежды охотно применяли молодые женщины, ведь это позволяло запросто подчеркнуть естественную красоту их статной фигуры. Не случайно, в большинстве случаев во имя любви именно в *кабо* наряжены предметы их вожделения поэтами-лириками. Это дает основание полагать, что девушки носили *кабо*, по всей вероятности, приталенного силуэта. В этом контексте, к примеру, заслуживают внимания следующие строки Убейда Закани:

Как благородно *кабо*,
Обнимающее твой стройный стан.¹⁴⁷

Прошла вечность, наряженная в *кабо* красавица,
Как ты безвозвратно покинула меня.¹⁴⁸

Идентифицировать женское *кабо* и получить, таким образом, наглядное представление о его внешнем виде и тонкостях покроя можно на миниатюрах. Без сомнения, подавляющее большинство жестких персонажей, изображенных на миниатюрах с лирическими сюжетами, на любовную тему, наряжено в *кабо*. Плащ, плотно облегающий стан красавицы и, к тому же, имевший сплошной разрез спереди по всей длине изделия, несомненно,

¹⁴⁶ Сироджуддин Алихон Орзу. Светило наставления. – С. 161: *Шаб ҳаво сард аст, Тугро чун ҳабоб, бе қабо маниш, ба тироҳан маҳоб.*

¹⁴⁷ Убейд Закани. Избранные произведения. – С. 149: *Қабо, зӯй, чӣ некӣ карда бошад, ки дар бар сарви симини ту дорад.*

¹⁴⁸ Убейд Закани. Избранные произведения. – С. 253: *Кунун умрест, эй сарви қабонӯш, ки рафтию маро кардӣ фаромӯш.*

добавлял хозяйке привлекательности и сводил с ума, как любовника, так и других мужчин. Если при этом учесть, что практически все женские образцы такого плаща шились из очаровательных шелковых тканей, что зачастую *кабо* был с короткими рукавами, из-под которых, а также через передний разрез плаща просматривалась нижняя, также прелестная, одежда обворажительной чаровницы, в убийственном воздействии всей этой красоты на окружающих можно было не сомневаться (см., к примеру, илл. 2.1.10).

В свою очередь, пояс в женском *кабо* был специально предназначен для того, чтобы обеспечить плотное облежание халатом стана гурии, тем самым подчеркнуть его притягательные формы. Ярко выраженный прилегающий силуэт женского халата такого названия подчеркнут, к примеру, поэтом и философом XV века Джами при описании сцены со вступлением во внебрачный союз юного царя Саламона с его повитухой Абсал:

Царь Саламон также с достоинством и надменностью,
Выказал милость к ее персоне.
Подобно *кабо* крепко обнял ее стан,
Утолил жажду с ее источника.¹⁴⁹

Изменение конфигурации одежды сообразно облегаемой фигуре, аллегорично описано многими лириками, которые использовали для этого образ цветения растения и раскрытия его бутонов. Восхитительная наружность стебля красивого растения, на их взгляд, сродни привлекательности *кабо*, в которое любит наряжаться всякая восточная

¹⁴⁹ Джами Абдурахман. Саламон и Абсал // Сочинения. - Т. 3. – С. 209: *Шоҳ Саломон низ бо сад иззу ноз, кард дасти марҳамат сӯяш дароз. Чун қабо танг дар оғӯшаш гирифт, коми ҷон аз чашмаи нӯшаш гирифт.*

красавица. К примеру, тот же Джами «нарядил» в *кабо* зеленого цвета молодой побег тростника.

Засмотрелся на себя, увидел *кабо* из ткани *касаб*,
Которое плотно сшито великодушным портным по его стану...¹⁵⁰

Мораль его газели заключается в том, что если лишить растение такого наряда, оно лишится присущей ему привлекательности.

В свою очередь Убейд Закани, также использующий аллегорию, связанную с растительным миром, пишет:

Как только художник по цветкам прикрыл *кабо* на бутоне,
Утренний ветерок любезно раскрыл мускусный мешочек Хотана.¹⁵¹

Или у поэта XV века Шахи Сабзевари:

Цветок раскрыл ворот пурпурного *кабо*,
Горлинка прикрыла шею черным войлоком.¹⁵²

В лирической газели Амир Хосрова Дехлави приводится:

Вчера, когда ты была в саду, цветок, чтобы стряхнуть с тебя
пыльинки,
Разорвал на сто частей подол своего *кабо*.¹⁵³

¹⁵⁰ Джами Абдурахман. Сочинения. – Т. 6. – С. 338: *Кард бар худ назаре, дид қабое зи қасаб, танг бар қомати ӯ духта хайёти карам. Лек донист, ки бо пои фунурафта ба гил, ҳаст дар зери қабо сад гираху банд ба ҳам... Нояиш канд қабо аз бадану пой зи гил, гираху банд кушодаш зи дилу ҷони диҷам.*

¹⁵¹ Убейд Закани. Избранные произведения. – С. 202: *Чу нақибанди раёҳин қабои гунча бубаст, сабо ба лутф сари нофаи Хутан бикиод.*

¹⁵² Гул чайби қабои аргувонӣ бидарид, қумрӣ намади сиёҳ дар гардан кард.

¹⁵³ Амир Хосров Дехлеви. Избранные произведения. - Т. 4. – С. 48: *Дӣ шуда дар боғу гул аз баҳри гардафишонданат, кард сад паркола домони қабои хешро.*

Художники–миниатюристы средневековья считали *кабо* идеальной одеждой для ангелов. Естественно, на картинах наряды ангелов изображались соответствующими господствующим богатым и модным убранствам.

Исследователь Зухра Рахимова, изучавшая по книжным миниатюрам историю центральноазиатского костюма, отметила, что «во второй половине XV в. суфийские шейхи носили одежду общетемуридского типа, состоявшую из нижней рубахи, штанов, верхнего платья *кабо* и верхнего халата, простых туфель и чалмы. От светских одежд она отличалась качеством ткани, длиной, шириной и некоторыми специфическими деталями, а также цветом... Из-под него (верхнего халата) иногда проглядывает *кабо*, также однотонная и лишенная каких-либо украшений, вроде вышивки. Рукава верхних халатов у *каба* очень широкие (у светской знати - узкие в запястье). Ширина рукавов у суфиев означала, что ничто из земных благ не задержится в них (до этого широкие со времен Халифата рукава служили как бы сумками, в них могли хранить книги, деньги и другие вещи)». ¹⁵⁴ В этом обстоятельном и, в целом, точном описании костюмов членов мистического течения спорным является отождествление предметом одежды под названием *кабо* с верхним платьем.

Выше приводились строки из творчества Хакима Санай, когда тот уподобляет красавицу, наряженную в *кабо* со стройностью кипариса. Использование такой аллегии у восточных лириков встречается весьма часто. Так, в своей газели, посвященной наступлению весеннего праздника Навруз, Сайидо Насафи пишет:

В головах витает мысль о нарядах,
Кипарис желает в эту пору новое *кабо*.¹⁵⁵

¹⁵⁴ Рахимова Зухра. Суфийская концепция одежды в костюме шейков и дервишей.

¹⁵⁵ *Бар сарї афтада савдои либос, савр мехоҳад дар ин мавсим қабои тозае.*

Или у поэта Фази Алама (XIX-XX века) обнаруживает такие строки:

Неспокойно небо от кокетств моего, одетого в *кабо*, кипариса,
Который наблюдает за ней сегодня ночью подобно очам звезд.¹⁵⁶

Добро пожаловать, надменная подобно кипарису, милая в
цветном *кабо*,
В шапке набекрень, брови дугой, тонкой талией и дивным
лицом.¹⁵⁷

Поэт XX века Дехзод Хирати, в свою очередь, в своей лирике описал
жеманство особы ненаглядной красоты, наряженной в *кабо*:

В серебристом *кабо* та лунолика грациозной походкой,
Была усладой души словно мои красочные мысли...
Подходит опьяненной, красивой и полной надменности,
Подобно страсти юности, моя милая в мускусном *кабо*.¹⁵⁸

Амир Хосров Дехлави в газели на тему любви также затрагивает этот
момент:

Когда наряжаешься в *кабо*, прошу богом, не ступай так изящно,
Скрой от моего взгляда свой подвижный стан.¹⁵⁹

¹⁵⁶ *Фалак шуд беқарор аз гамзаи сарви қабонӯшам, тамошиоғар ба сӯяи ҷамчу чаими ахтар аст имшаб.*

¹⁵⁷ *Марҳабо, эй сарвинозу дилбари гулгунқабо, качқулоҳ, абрукамону мумиёну маҳдиво.*

¹⁵⁸ *Бо қабои нуқрагун он моҳ ҷангоми хиром, руҳпарвар буд чун андешаи рангини ман ... Мерасад мастонаву зебову саршор аз ғурур, чун ҳавои навҷавонӣ он қабомушкини ман.*

¹⁵⁹ Амир Хосров Дехлеви. Избранные произведения. - Т. 4. – С. 29: *Он дам, ки мепӯшии қабо, маҳром, аз баҳри худо, нӯшида дор аз чаими мо, он қомати чолокро.*

В классической литературе нередко можно встретить, что поэты лирично наряжают небеса в *кабо*. Например, Бадри Чочи пишет:

На рассвете, когда в передней зеленого шатра,
Ночь в черном *кабо* настелила ложе из красного золота.¹⁶⁰

Небосвод дал индийцу жемчужинное *кабо*,
Чтоб нарядился им тюрк в желтой короне (солнце).¹⁶¹

Или же у Хакани Ширвани:

Зарю, одетую в шкуру лисицы, тучи нарядили в *кабо*,
Отняла ее золотая корона у бобра ночи сверкание.¹⁶²

Стиль ношения. Манера одевания *кабо* также характеризовалась большим разнообразием. Так, на минатюрах можно рассмотреть, что франты нередко наворачивали полы плаща вверх и прикрепляли их за края к поясу, в результате чего изнанка одежды выставлялась напоказ (илл. 2.1.1-2.14). Такой стиль ношения плаща был свойственен преимущественно молодым мужчинам из числа вельмож, дворцовой прислуги, военных. Иногда подобным образом поступали лишь с одним подолом. Кроме того, некоторые заворачивали края полов перекрестно или же оба края заправляли в пояс на одной стороне фигуры. Моды на ношение *кабо* с навернутыми полами придерживались и некоторые молодые женщины (илл. 2.1.3).

Как явствует из произведений книжной росписи средневековья, описанного подхода к стилю ношения *кабо* придерживались иногда и представители малоимущих слоев общества. Однако это происходило лишь

¹⁶⁰ *Ба вақти субҳ, ки дар пешгоҳи хаймаи сабз, шаби сиёҳқабо зад зи зари сурх сарир.*

¹⁶¹ *Бидод чарх ба ҳинду қабои марворид, ки то ҷамол бипӯшад турки зардкулоҳ.*

¹⁶² *Субҳи фанакпӯширо абр зиреҳ зад қабо, бурд кулоҳи зараш қундузи шабро зи тоб.*

тогда, когда они занимались активной деятельностью – работали, отдыхали на природе, занимались спортивными развлечениями. Понятно, что такие примеры не следует считать данью моде. В этих случаях поднятие полов плаща было само собой разумеющимся делом, исключительно для того, чтобы те не мешали и не пачкались.

В источниках живописи наблюдаются, кроме того, отдельные случаи заправки мужчинами подола *кабо* в широкие шаровары (илл. 2.1.14).

Назначение и применение. Материалы источников свидетельствуют, что *кабо* было предметом и мужской и женской одежды, хотя в некоторых публикациях неверно утверждается про его исключительно мужское назначение. Так, приведенная в «Словаре таджикского языка» однозначная характеристика такого изделия - «вид длинной распашной верхней мужской одежды», - не является правильной.¹⁶³ Женские плащи *кабо* упомянуты, к примеру, поэтами Рудаки, Фахр ад-Дином Гургани, Сайидо Насафи. Причем, Сайидо писал про женские плащи такого названия разных оттенков красного цвета – розовые, подобные цветку (*гулгун*), алые, цвета тюльпана (*лолагун*), цвета жасмина (*ёсумани*).¹⁶⁴ Продолжая тему цветового оформления таких плащей, отметим, что применительно к мужскому плащу Фахр ад-Дин Гургани писал о *кабо*, подобном цветку лотоса, т.е. синего и фиолетового цветов.¹⁶⁵

Рассматривая средневековые миниатюры, можно заключить, что в средневековье *кабо*, по всей вероятности, являлось наиболее распространенным видом одежды. В Центральной Азии и окрестных областях большинство населения носило именно опоясанные плащи. Не случайно, Джалялетдин Руми в «Маснави-и ма’нави» отметил, что *кабо* было истинно народной одеждой, одеянием масс:

¹⁶³ Словарь таджикского языка (с X до начала XX в.). – Т. 2. – С. 661.

¹⁶⁴ Сайидо Насафи. Избранные произведения. – С. 60, 210, 513.

¹⁶⁵ Фахр ад-Дин Горгани. Вис и Рамин. – С. 34.

Социальный статус человека устанавливается его одеждой.

Наряжен в *кабо*, значит, он простолюдин.¹⁶⁶

Плащи такого названия носили, естественно, и особо состоятельные члены общества, в том числе государи. В одном из рассказов Низам ал-Мулька описывается эпизод, когда газневидский султан Махмуд после того, как закончил чтение молитвы, облачился в *кабо*.¹⁶⁷ Поэт эпохи XIV-XV веков Махмуд Ариффи Харави в своем маснави, посвященном игре в поло, облачил в такой плащ китайского принца, который, проснувшись утром, “надел китайское *кабо*, предельно нежное и изящное”.¹⁶⁸

В «Гияс ул-лугот» отмечено, что для государей *кабо* шили из весьма дорогой шелковой материи *дибо* и потому такую одежду называли *дибоча*. Она, будучи богатой на узоры, украшалась также драгоценными камнями.¹⁶⁹ Однако это заключение составителя средневекового словаря противоречит словам ас-Саби (XI век), утверждавшего, что предводитель исламского мира носил однотонное *кабо*. По его словам, когда халиф восседал на троне, на нем обычно «был *кабо* черного цвета из чистого шелка или из шелка с примесью хлопка или шерсти. *Дибо* или *саклотун*, или цветная материя не (применялись)». Впрочем, ас-Саби добавляет, что также черными были такие верхние одежды практически всей придворной аристократии, а также эмиров и военачальников халифата.¹⁷⁰

Во дворце *кабо*, помимо владыки, носили практически все - приближенные к владыке персоны, чиновники, прислуга. По мере

¹⁶⁶ Руми Джалалетдин. Маснави-и ма’нави. – С. 155: *Як гурухро худ муарриф чома аст, дар қабо, гӯянд, к-ӯ аз омма аст.*

¹⁶⁷ Низам ал-Мулька. Книга о правлении. – С. 44.

¹⁶⁸ *Шоҳзодаи Чин зи хоб бархост, чу моҳ ба рух ҷаҳон биёрофт. Пушида яке қабои чинӣ, дар гояти лутфу нозанинӣ.*

¹⁶⁹ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 1. - С. 354.

¹⁷⁰ . – Т. 2. - С. 330. Однако эта заметка не позволяет отнести *мехи* к группе теплых одежд, так как нет информации о наличии в нем прокладочного слоя.

¹⁷⁰ Хилал-ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов. – С. 90-93.

повышения статуса по службе дворцовым слугам позволялось ношение *кабо* более дорогих сортов, из более тонких тканей. В практике Саманидов, пишет Низам ал-Мульк, в первый год службы гулямы (слуги, воины) должны были носить *кабо* из хлопчатобумажной *занданачи*. Через пять лет им дозволялось ношение *кабо* из шелковой материи *дорои*, на шестой год – из ткани *анвон* (?). Еще через год слуга получал титул висак-баши и теперь имел право нарядиться в *кабо* ганджийского типа и войлочный головной убор, расшитый серебром.¹⁷¹

Кабо занимало важное место в costume военных, как непосредственно участвующих в сражениях, так и тех, кто носил службу при дворе (*гулям*, *ридак*). Зайн ад-Дин Васифи в своих «Мемуарах» отметил, что в XV веке гвардейцы носили златотканые *кабо*.¹⁷² *Кабо* военачальников назывался также *дагла*, причем автор «Гияс ул-лугот» примечает, что правило традиция ношения военными такого предмета одежды является общеизвестной.¹⁷³ Под *кабо* военные надевали *хафтон* (кафтан), а между ними - кольчугу *джавшан*. На это указывают следующие два стиха из «Гершасп-намы»:

Надел в тот же миг кафтан злобы,
Поверх него – *кабо* из китайской златоткани.¹⁷⁴

Замыслил вместе с дворцовыми слугами,
Которые под *кабо* имели кольчуги и мечи.¹⁷⁵

Как следует из материалов данного словаря, специальный фасон *кабо* употреблялся танцорами. Его называли *седомани* (в три подола). Такой плащ

¹⁷¹ Низам ал-Мульк. Книга о правлении. – С. 95.

¹⁷² Пугаченкова Г.А. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV — первой половины XVI вв. - С. 105.

¹⁷³ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 1. - С. 340, 445.

¹⁷⁴ Асади Туси. Гершасп-наме. – С. 371: *Хамон гаҳ бипӯшид хафтони кин, зи боло қабо карда зарбафти Чин.*

¹⁷⁵ Асади Туси. Гершасп-наме. – С. 293: *Сиголид бо ридакони сарой, ҳама тегу ҷавшан ба зери қабой.*

был укороченным (*кабоча*) и имел три длинных разреза: два спереди и один сзади.¹⁷⁶

Рассуждая о том, что следует носить одежду, соответствующую общественному статусу человека, средневековый прозаик Маджди Хофи писал, что *кабо* является подходящим нарядом для нигилиста (*кутилы*). Выходит, что ношение такого костюма ознаменовало жизнь беззаботную, жизнь в достатке. Для дервиша, продолжает Маджди Хофи, одеждой служит *хирка*.¹⁷⁷ Одетый в *кабо* не является дервишем, соглашается с ним Саади. Исключением из этого правила, уточняет далее известный моралист средневековья, являются носители *кабо*, которые в службе выражают признательность, покорность, удовлетворение, единение, надежду и самообладание.¹⁷⁸ Мнения о том, что *кабо* служило нарядом для кутил, придерживался и Амир Хосров Дехлави, который обозвал носителей *кабо* распутниками.¹⁷⁹

Впрочем, распутное поведение лиц, нарядившихся в *кабо*, было свойственно и женщинам. Для свидетельства приведем здесь строки, принадлежащие одному из крупнейших суфийских поэтов первой половины XII века Хакиму Санаи:

Ты пушинка, ты кипарис и луч, но все же,
Возьми бокал, оденься в *кабо* и опоясайся.¹⁸⁰

В произведениях средневековых моралистов нередко носители плащей *кабо* и *хирка* противопоставляются друг другу. При этом подразумевается,

¹⁷⁶ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 1. - С. 340, 445

¹⁷⁷ Маджди Хофи. Хористан. – С. 26.

¹⁷⁸ Саади Ширази. Гулистан. – С. 96.

¹⁷⁹ Амир Хосров Дехлеви. Избранные произведения. - Т. 3. – С. 242: *Қабонӯшони гардилро мабар ном, газоро комгор аз ханчари ком.*

¹⁸⁰ Хаким Санаи. Избранные произведения. - Т. 1. – С. 149: *Париву сарву хуршедӣ, валекин, қадаҳ гиру камарбанду қабо нӯш.*

что носители рубища *хирка* являются людьми достойными и богобоязливыми, они аскеты, в то время, как наряженные в *кабо* стремятся к излишнему богатству, ведут праздную жизнь и чуждаются от нанесения людям вреда и притеснений. В качестве примера приведем следующие строки из творчества поэта и блестящего писателя-моралиста второй половины XV – начала XVI века Хусейн Ваиза Кашифи: «Кровожадный чужак в плаще *кабо* лучше притеснителей, носящих *хирка*».¹⁸¹

Однако было бы неправильным придать ношению *кабо* негативный оттенок. Такую одежду носили также рядовые члены общества, обычные трудящиеся, а также люди весьма целомудренные, к которым относится, например, поэт и философ-моралист А. Джами, одеяние которого отличалось особой скромностью. По словам Зайн ад-Дина Васифи знаменитый воспеватель суфизма «зимой и летом носил бумажное *кабо* и опоясывался баннным полотенцем, концы которого висели свободно».¹⁸²

Джами в «Нафахот ал-унс» рассказывает историю из жизни тюркского вельможи Ходжа Мухаммада, который, как правило, наряжался в опоясанное *кабо*. В обществе ходила молва, что тот не соблюдал заповеди ислама, в частности не молился. Однажды явившись в соборную мечеть, Ходжа Мухаммад завязал пояс на халате, хотя, как принято, моление мусульман в опоясанной одежде не допускается. Предводитель моления Шейх Абу Саид Абул-Хайр обратился к нему со словами: «О, высокочтимый, сними пояс. Ты обвязал шнуром (не только халат, но и) все семь небес и земель», имея в виду, что, тем самым Ходжа Мухаммад перекрыл доступ к небесной и земной благодати, которую молящиеся выпрашивают у господ».¹⁸³

В принципе, дервишам ношение *кабо* было несвойственно. Правда, Мухаммадхусай Бурхон подчеркивает, что они могли носить *кабо* из

¹⁸¹ Кашифи Х.В. Трактат о доблести султана. – С. 60: *Қабонӯши хунрези бегонаҳӯӣ, беҳ аз хирқапӯшони озорҷӯӣ.*

¹⁸² Пугаченкова Г.А. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV — первой половины XVI вв. - С. 105. (Сослаться на оригинал)

¹⁸³ Джами Абдурахман. Нафахот ал-унс // Сочинения. - Т. 8. – С. 53-54.

шерстяной ткани. Для его пошива употреблялась материя *барак* из верблюжьей шерсти. Из этой же ткани дервиши зачастую шили для себя шапку.¹⁸⁴

Материалы для пошива. Какие материалы шли на изготовление *кабо*? Согласно материалам источников, это были шелковые, златотканые, хлопчатобумажные, льняные и, изредка, шерстяные ткани. Из числа шелковых тканей для пошива *кабо* употреблялась *дибо*, в частности китайского производства.¹⁸⁵ Шили *кабо* и из ткани *атлас*, - утверждает Саади.¹⁸⁶ В одном из рассказов придворного поэта и писемоводителя XII века Низами Арузи Самарканди, состоявшего на службе у владык Гура и Бамиана, отмечено, что у халифа Мамуна среди плащей «парчовых и златотканых, из макразийской ткани и тонкого шелка» были и *кабо* разных атласов, (называемых) *мадани*, *малики* и *тамими*.¹⁸⁷

Низами писал про образцы *кабо*, сшитых из других шелковых тканей – *паринда*, *сайфура*, златотканой *бодали*. По версии поэта, в *кабо* из *сайфура* фиолетового цвета мог быть одет Александр Македонский, когда верховодил операцией своего войска в Египте.¹⁸⁸ Авторы средневековых словарей пишут о *сайфуре* как о черной шелковой ткани особой нежности¹⁸⁹. Низами упоминает название такой ткани в числе подарков, которые получили от Александра Македонского правитель страны под названием Барда и командующий абхазской армией.¹⁹⁰ Приведенные аргументы позволяют не сомневаться в высоком качестве материи *сайфур* и, соответственно, плаща *кабо*, сшитого из такой ткани.

¹⁸⁴ Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте'. - Т.1. - С. 168.

¹⁸⁵ Саади Ширази. Избранные произведения. – С. 171.

¹⁸⁶ Саади Ширази. Избранные произведения. – С. 293.

¹⁸⁷ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или четыре беседы. – С. 47-48.

¹⁸⁸ Низами Гянджеви. Полн. собр. соч. – Т. 4. – С. 116, 288: *Ситода малик зери зарриндарави, зи сайфур бар тан қабои бунафи.*

¹⁸⁹ Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте'. - Т. 2. - С. 189; Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. - Т. 1. - С. 446.

¹⁹⁰ Низами Гянджеви. Полное собрание сочинений. - Т. 4. – С. 116, 233, 259-260.

Материалы источников по *бодали* весьма скудны, поэтому составление характеристики этой ткани представляется невозможным. В то же время, как было сказано выше, Низами писал о златотканой *бодали*. Выходит, что материя была шелковой, она содержала также золотые или серебряные нити. Амир Хосров Дехлави в поэме «Кирн ус-саъдайн» не преминул упомянуть о богатых китайцах, носящих желтые *кабо*. Вероятно, эти плащи тоже сшивали из златотканых материй.¹⁹¹

Описывая *кабо* из ткани *паринд*, Низами пишет, что плащ был украшен драгоценными камнями. Как показывает обобщение материалов источников, *паринд* представлял собой дорогую одноцветную шелковую матерью, которая могла быть белой, зеленой, небесно-голубой и прочих расцветок. Она содержала крупный и сложный тканый рисунок, причем узор выполнялся в цвет фона материи. Применяли ее для пошива богатой одежды, дорогого постельного белья. Часто *паринд* употребляли в переписке государей в качестве материала для письма. Производили такую ткань ремесленники Китая, Египта, Сирии, Армении. Ее название встречается в источниках, имеющих отношение к очень широкому хронологическому интервалу – от раннего средневековья до начала XX века¹⁹².

В «Истории Табари» имеется заметка про *кабо*, сшитое из комбинации материй *паринд* и *дибо*. Здесь дано следующее описание одежды хакана тюргешей Курсуля: «На нём были штаны из *дибо*, украшенные кругами, и *кабо* из ткани *паринд*, который был обшить каймой из *дибо*...». А поэт-философ Джами, аллегорически описывая приключения злосчастного камыша, упомянул о *кабо* из льняной ткани *касаб*.¹⁹³

¹⁹¹ Амир Хосров Дехлеви. Избранные произведения. - Т. 3. – С. 269: *Атласи хун дода зи шамшери Чин, чомагии зардқабоеъни Чин.*

¹⁹² Иброхимов М.Ф. Традиционное ткачество таджиков: История и технология. - С. 153-156.

¹⁹³ Джами Абдурахман. Сочинения. – Т. 6. – С. 338: *Кард бар худ назаре, дид қабое зи қасаб, танг бар қомати ӯ духта хайёти карам.*

Помимо указанных тканей для пошива *кабо* употреблялись и другие сорта материй. В их числе, как отмечалось выше со ссылкой на Низам ал-Мулька, значились также шелковая *дорои* и хлопчатобумажная *занданачи*. «Гершасп-наме» поэта Асади Туси содержит упоминания про *кабо* из материи *дибо*, а также из ткани китайского производства («чини кабо»). В указанной эпической поэме встречается также заметка про *кабо* из китайской златоткани.¹⁹⁴ Автор «Бурхони коте’» отмечает применение в пошиве *кабо* шелковых материй *джилинг* и *тафсила*, причем отдельные сорта *джилинг* были златоткаными.¹⁹⁵ В данном источнике содержится также информация о летнем тонком плаще *кабо*, сшитом из льняной ткани *тузи* (по названию средневекового персидского города Туз).¹⁹⁶

Трансформация в народном costume. Проследив эволюцию одежды такого названия, можно заметить, что в настоящее время она пристывает в таджикском народном мужском costume под названиями «яктах» («в один слой») и «джелак». Еще совсем недавно (во второй половине) верхнюю одежду указанных названий в Таджикистане носили повсеместно. В наши дни *яктах* или *джелак* (илл. 2.1.15-2.1.17, 2.2.23-2.2.28) служит атрибутом мужского праздничного costume, к примеру, во время празднования навруза, а также в церемонии приема высоких зарубежных гостей, когда ставится целью продемонстрировать элементы традиционной культуры народа. Указанное имеет место и в традиционной культуре других центральноазиатских народов (узбеков, туркмен, казахов, иранцев, афганцев и др.).

Результат трансформации халата *кабо* можно увидеть и в мужском камзоле *румча* – предмете одежды переходного типа (от туникообразного

¹⁹⁴ Асади Туси. Гершасп-наме. – С. 69: *Кашида рада ридакони сарой, ба румӣ амуду ба чинӣ қабой*; с. 326: *Даху шаш ҳазор аз меҳони сарой, зи гавҳар камаршон, зи дебо қабой*; с. 371: «*Ба солоратон нома дорам зи шоҳ, аз он шора сарбанду чинӣ қабой*»; с. 371: «*Ҳамон гаҳ биҷӯшид ҳафтони кин, зи боло қабо карда зарбафти Чин*.

¹⁹⁵ Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте’. - Т. 1. - С. 286, 322

¹⁹⁶ Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте’. - Т. 1. - С. 299-300.

покроя к выкройной). Этот вид верхней одежды употреблялся в конце XIX – начале XX века (подробнее см. в разделе 2.2).

Впрочем, в указанных предметах традиционной одежды таджиков можно увидеть и трансформацию халата *фараджи*, из-за чего более подробно этот момент будет освещен в следующем разделе 2.2 настоящей работы.

Таким образом, собранные и проанализированные материалы показывают, что *кабо*, являясь халатом (плащом) летнего и демисезонного назначения, было одним из наиболее распространенных предметов одежды населения Центральной Азии в средневековье. Его применяли преимущественно в качестве верхней одежды, поверх рубахи или платья и дополняли поясом. Такое назначение плаща (в качестве верхней одежды) диктовало необходимость использования при его пошиве дорогостоящих тканей, как красочных, так и гладких. Качество тканей, которые шли на пошив таких плащей, зависело от состоятельности владельцев одежды. Поверх *кабо* в теплый период года могло быть надето лишь более нарядное *фараджи*. Эти два элемента верхней одежды, сохранившись в течение ряда столетий, вошли в состав традиционной одежды таджиков, трансформировавшись в популярные халаты *яктах* (*джелак*).

Трансформация такого халата в традиционном костюме таджиков и некоторых других народов региона свидетельствует об устойчивости традиций его применения, которые утвердившись в глубине веков, сохранились до наших дней.

2.2. Нарядная одежда

Эстетические потребности были свойственны человечеству во все времена, они выражались и через стремление к ношению нарядных одежд. Способность соответствовать этим требованиям зависела, очевидно, от

материальных возможностей людей. Для представителей аристократии появление в обществе в нарядных костюмах было непременным условием. Другими словами, для знати нарядная одежда была, по сути, выходной одеждой повседневного значения. Простолюдины такую одежду надевали в праздники, во время участия на памятных и торжественных мероприятиях.

Естественно, этих традиций издавна придерживались и в Центральной Азии. Нарядные верхние одежды различных форм и оформлений, прежде всего халаты и накидки, богато представлены в настенных росписях раннесредневековых памятников архитектуры Тохаристана (Дильберджин, Бамиан, Калаи-Кафирниган, Балалыттепе) и Согда (Пенджикент, Калаи-Кахкаха, Афрасиаб, Варахша).

Разными видами нарядной верхней одежды пользовались здесь и в эпоху развитого и позднего средневековья. Для мужчин (за исключением священнослужителей и военных) в таком качестве служили халаты *кабо* (опоясываемое) и *фараджи* (неопоясываемое), для женщин – указанные виды халатов, а также платья. Такой вывод напрашивается в результате анализа материалов письменных источников. Если все три вида указанных предметов одежды (или же два из них) надевались вместе, в качестве верхней всегда использовалось *фараджи*. Это наглядно подтверждается художественными источниками более позднего периода, а именно - произведениями средневековой персидской миниатюры.

Итак, констатируя тот факт, что в развитое и позднее средневековье главным видом нарядной верхней одежды служило *фараджи*, которое, как будет видно, употреблялось и в качестве халата, и в качестве накидки, выясним основные его особенности.

Этимология, хронология и география распространения: В глубоком средневековье *фараджи* являлось нарядным верхним одеянием мужчин и женщин из числа почтенных и высокопоставленных особ. Оно, подобно *джуббе* и *кабо*, относилось к одеждам, общим названием для которых было

ток (или *багалток*).¹⁹⁷ Халат такого вида из гардероба тюркских женщин называли *туркони*.¹⁹⁸

Халат *фараджи*, подобно *кабо*, был популярен на территориях расселения арабов, в пределах Ирана, Турции, на Кавказе, в Средней Азии и областях к югу от этого региона. Высказывается мнение, что называемый таким образом предмет одежды вначале появился на северо-востоке Африки, в Египте, откуда со временем распространился в другие области средневекового Востока.¹⁹⁹

По наблюдениям арабского путешественника ибн Батуты, халат *фараджи* в XIV веке служил верхней одеждой для всех жителей юго-запада Аравийского полуострова независимо от их состоятельности, общественного статуса. Согласно его описанию, одежду султана (шейха) Йемена «составляло *фараджи* из зеленой (иерусалимской ткани) *ал-кудси*, а под *фараджи* были египетское платье и красивые египетские халаты». На нем была также шелковая (набедренная) повязка (*схенти*) и на голове большая чалма». Рядовые жители этого края, по словам знаменитого арабского путешественника XIV века, носили шелковую набедренную повязку, халат *фараджи* из (ткани) *ал-кудси* с подкладкой, надетой поверх льняной рубахи, а также чалму». ²⁰⁰ Итак, заключаем, что *фараджи* было верхней одеждой и могло содержать подкладку. Под ним носили одну или несколько других одежд (рубаху и халаты).

Применительно к Центральной Азии мужское *фараджи* упоминается уже в письменных источниках с IX века. Два столетиями позже историк А. Байхаки зафиксировал, что в составе подношений эмиру Мас'уду от имени багдадского халифа значились «семь *фараджи*, одно из них черного шелка, а

¹⁹⁷ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугог. – Т. 2. - С. 137; Т. 2. - С. 104, 433; Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте'. - Т. 2. - С. 252.

¹⁹⁸ Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте'. - Т. 2. - С. 258, 279.

¹⁹⁹ История возникновения паранджи. - <http://www.roman.by/r-27894.html> (дата обращения: 04.06.2014).

²⁰⁰ Ибн Баттута. Подарок наблюдающим диковинки городов и чудеса путешествий. – С. 255-256.

прочие разные, из багдадских тканей».²⁰¹ Как видим, здесь речь идет об одеждах, завезенных в Хорасан с запада.

Историк Шихаб-ад-Дин ан-Насави в известном сочинении «Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны» упоминает верхнюю одежду *фараджи* с золотой вышивкой («фараджии заркаш»), который Ихтийар ад-Дин - устаздар (заведующий хозяйственной службой) султана Джалал ад-Дина (годы правления – 1220-1231) – в числе других товаров подарил соправителю Сурмари (область на Кавказе) Шараф ад-Дину Уздере.²⁰² Этот нарядный плащ был, скорее всего, шелковым. В этом произведении есть и конкретные упоминания о *фараджи* из шелковых тканей. Два таких плаща были пожалованы правителем города Аламут (в окрестностях Казвина) Ала ад-Дином самому ан-Насави. По описанию адресата подарков, указанные верхние одежды были на подкладе. Лицевой материал одного *фараджи* был атласным, другого – из китайской ткани (*ал-хитай*).²⁰³

В государствах Тимура и Бабура *фараджи* носили представители знати - ученые, государственные служащие, духовенство. Особо почитаемые ученые-богословы носили *фараджи* белого цвета. Факт ношения такого халата засвидетельствован в одном из рассказов Убейда Закани (XIV век). Сатирик повествует, что весьма смуглый Мавляна Саъдуддин Кирмани однажды ночью пьяным проходил около стены. На стене был повешен сосуд с чернилами. Одет был Мавляна в белое *фараджи*. Задев сосуд, он выпачкал свой халат несколькими чернильными пятнами. Когда на следующий день он появился в обществе в пятнистом халате, его стали дразнить, что пятна не чернильные, они – следствие потовыделений владельца халата. В конце XV –

²⁰¹ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 464-465.

²⁰² Шихаб ад-Дин ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. – С. 220-221.

²⁰³ Шихаб ад-Дин ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. – С. 256-257.

XVI веках *фараджи* носили и мужчины и женщины, о чем имеется свидетельство Зайн ад-Дина Васифи.²⁰⁴²⁰⁵

Прослеживается связь халата такого названия с русской одеждой, называемой «ферязь» - кафтаном, который в прошлом пользовался большой популярностью на Руси. Кроме того, название «фараджи» со временем трансформировалось в термин «фаранджи», обозначающий женскую одежду с религиозным содержанием (паранджа).

Материалы и оформление: Как верно отметила известный исследователь восточного исторического костюма З. Рахимова, для пошива *фараджи* использовались самые красивые, восхитительные ткани, по преимуществу, шелковые. На *фараджи* шли самые дорогие ткани, такие как атлас и шелк, - заключает З. Рахимова. Такой халат иногда богато декорировался вышивкой. Основываясь на сюжетах миниатюр XVI века, она пишет, что на них глава государства (хан) часто изображен «в облегающем стан верхнем распашном халате *фараджи*, украшенном орнаментальной вышивкой на спине, груди по плечам и подолу».

Фараджи, в которые наряжены персонажи миниатюры Ага Мирека «Фирдоуси принимает придворных поэтов из Газны», сшиты из камчатных шелковых тканей (илл. 2.2.2). Известно, что разные сорта таких материй с богатым тканым узором, известных как *кимхо*, получили массовое распространение в Центральной Азии и за ее пределами после XIV века. Центры производства изысканных и самобытных камчатных тканей функционировали во многих областях Азии - Индии, Китае, Сирии (Дамаск), Персии (Нишапур, Тебриз), в Герате, Средней Азии (Самарканд).²⁰⁶ Обращает внимание разнообразие цвета представленных халатов – белый, голубой, сиреневый, синий и др. Халаты на всех персонажах декорированы по краям бортов и разреза на уровне предплечий поперечными полосами

²⁰⁴ Паранджи (<http://ageiron.ru/istoriya-kostyuma/vozniknovenie-parandzh>). – Дата обращения: 07.03.2014.

²⁰⁵ Убейд Закани. Избранные произведения. – С. 23.

²⁰⁶ Иброхимов М.Ф. Текстильные промыслы таджикского народа в конце XIX – начале XX в. – С. 167.

вышивки канителью. Расстояние между полосками около 10 см при длине полосок порядка 15 см.

Назначение и применение: *Фараджи* надевалось поверх другой одежды. По сообщению источника, хотя такая одежда подобно *кабо* была распашной, было принято носить его без пояса, с открытыми полами. Анализируя материалы письменных и художественных (книжная миниатюра) источников, можно заметить, что *фараджи* было одеждой феодальной аристократии. Другими словами, для своего времени оно являлось верхней одеждой модной и стильной, фасон которого изменялся согласно веянию времени. Нужно подчеркнуть, что в отличие от другого верхнего халата (плаща) – *дурроа*, в ношении *фараджи* религиозного содержания не заключалось. В *фараджи* наряжались по случаю участия на приемах, торжествах, праздниках, свадьбах. На миниатюрах часто его можно встретить в костюмах симпатизирующих друг другу юношей и девушек, уединившихся для выражения близких чувств.

Костюм, включавший изощренную верхнюю одежду *фараджи*, дополнялся различными аксессуарами - дорогими поясами (под халатом – Д.Р.), пуговицами, эгретом головного убора, оружием. Можно заключить, что *фараджи* являлось одеждой модной. Его фасон часто менялся, халат приобретал различные формы и покрои. В нем ценилась, прежде всего, декоративность и нарядность.

Идентифицировать на миниатюрах *фараджи* можно по тому признаку, что оно, в отличие от другой, опять же нарядной, одежды под названием *кабо*, не опоясывалось. Его носили поверх рубахи или опоясанного *кабо*, что только подтверждает заключение о том, что для пошива *фараджи* употреблялись самые красивые и наиболее дорогие материалы.

Конструктивные особенности: Отмечая особенности кроя *фараджи*, З. Рахимова пишет, что у него были очень длинные рукава, достигающие почти до щиколоток. Обычно такой халат набрасывали на плечи или же небрежно вдевали руку лишь в один рукав, а другой при этом свисал свободно. На

уровне предплечий халата имелись разрезы, в которые просовывали руки, превращая тогда рукава в декоративную деталь. *Фараджи* шили на подкладе из другой ткани или меха, - заключает З. Рахимова.²⁰⁷

Аналогичное заключение о крае *фараджи* составила и другой известный в научных кругах исследователь – Г.А. Пугаченкова, изучавший костюм XVI века народов Средней Азии и Ирана. По ее словам, в эту эпоху «широкое распространение получает набрасываемый на плечи, богато расшитый на плечах и груди *фараджи*, с очень длинными рукавами, прорезанными наискось почти подмышками для продевания рук, так что фактически рукава свободно ниспадают».²⁰⁸

Однако в вопросе идентификации *фараджи* не все так однозначно, как может показаться. Вот другой пример. Историк Байхаки зафиксировал, что в составе подношений эмиру Мас'уду от имени багдадского халифа значились «семь *фараджи*, одно из них черного шелка, а прочие разные, из багдадских тканей».²⁰⁹ В примечании к этому тексту редактором отмечается, что «фараджи» служило названием широкой долгополой верхней одежды, преимущественно суконной, с широкими и длинными рукавами, несколько перекрывающими концы пальцев. Но даже простое сравнение такого описания *фараджи* с приведенным выше оригиналом текста, где говорится о шелковой одежде (или одеждах), дает основание выразить сомнение в правильности приведенной характеристики. Анализ показывает, что это описание соответствует совершенно другому виду халатов того времени, который называли *дурроа*. Такую верхнюю одежду носили ученые и богословы.

Наше исследование показывает, что конструкция, описанная З. Рахимовой, была характерна лишь для одного из многих сортов *фараджи*. Нельзя согласиться с широко распространенным сегодня мнением, будто

²⁰⁷ Рахимова Зухра. Бухарский костюм XVI - XVII вв. в миниатюрах Мовароуннахра.

²⁰⁸ Пугаченкова Г. А. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV — первой половины XVI вв. – С. 106.

²⁰⁹ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 464-465.

отличительными признаками *фараджи* являются наличие длинных и широких рукавов. Еще более неверным является представление о нем, как о широком и долгополом халате. Как уже отмечалось, эти очертания, на самом деле, были свойственны суконному халату *дурроа* шейхов и богословов. Таким *фараджи* зачастую «рисуют» исследователи, желающие по понятной причине подчеркнуть естественную связь между ним и женским *фаранджи* (*паранджа*) эпохи позднего средневековья.

Для подтверждения отметим, что в письменных источниках не встречается сведений ни о большой ширине *фараджи*, ни о больших размерах его рукавов. Да, отдельные сорта таких халатов могли иметь весьма длинные (иногда ложные) рукава. Вместе с тем, не менее широко были распространены *фараджи* с короткими рукавами (илл. 2.2.17-2.2.18), порой и вовсе без рукавов. В таких халатах на миниатюрах представлены многочисленные и женские и мужские персонажи. Что же касается ширины халата, подтверждается заключение З. Рахимовой о том, что зачастую *фараджи*, как нарядная одежда модного фасона, имело облегающий покрой.

На *фараджи* можно было встретить пуговицы (*суза*), однако халат мог обходиться и без них. Как правило, даже при наличии пуговиц, его носили с разведенными полами.

Внимательное изучение костюмов персонажей миниатюр позволило заключить, что с учетом размеров рукавов разные сорта *фараджи* можно разделить на следующие группы: с ложными рукавами; с особо длинными рукавами; с рукавами до запястья; с короткими рукавами.

Фараджи с ложными рукавами. Такие мужские и женские халаты, в которых исследователь З. Рахимова идентифицирует *фараджи*, можно увидеть на многих персонажах средневековой живописи (илл. 2.2.1 - 2.2.8). Например, в *фараджи* подобного вида нарядил представитель тебризской школы живописи Султан Мухаммад главного героя своей миниатюры «Юноша с книгой», выполненной в 40-х годах XVI века (илл. 2.2.1,а). Оно надето поверх узорчатого *кабо* и сшито из гладкой ткани голубого цвета.

Халат не содержит пуговиц, следовательно, его носили с расходящимися полами. *Фараджи* декорировано тонкой полосой вышивки по краям коротких рукавов. Вместе с тем, внутренняя полоса ткани каждого рукава имеет значительную длину, она доходит практически до подола одежды, образуя ложный рукав.

Несколько мужских персонажей в *фараджи* с длинными ложными рукавами из камчатных тканей представил художник из Тебриза Ага Мирек около 1532 года в миниатюре «Фирдоуси принимает придворных поэтов из Газны» (илл. 2.2.2). Все они под *фараджи* носят *кабо*, а у некоторых из-под *кабо* проглядывает ворот нижней одежды *тирахан*. На рассматриваемой миниатюре сразу бросаются в глаза чересчур длинные рукава верхних халатов. Подол *фараджи* во всех случаях доходит до щиколоток, а конец рукавов отстоит от низа одежды на расстоянии около 20 см. Эти детали наглядно прослеживаются, если рассмотреть костюмы стоящих персонажей. Один из придворных поэтов в раздумье стоит, поддерживая в правой руке свешивающийся левый рукав своего *фараджи* примерно за середину. Другой персонаж, совсем еще юный, вероятно только приобщающийся к кругу известных литераторов Газны, наблюдает за беседой знаменитостей на некотором расстоянии. В его поведении чувствуется робость, его руки сведены к поясу, а на левую руку наверхнул конец соответствующего ложного рукава.

Поражают изысканные костюмы практически всех персонажей данной картины. Контраст разных цветов халатов *фараджи* и надетых под ними халатов *кабо* характеризуется особой гармоничностью. На голове некоторых персонажей художник изобразил пышно намотанную чалму с длинным навершием. В целом, все атрибуты костюмов, представленных на этой работе Ага Мирека, бесспорно, выдают признаки особо стильных нарядов того времени, составной частью которого была верхняя одежда *фараджи*.

В желтое *фараджи* с ложными рукавами художник Шейхзаде, ученик прославленного миниатюриста Бехзада, в 1538 году представил сасанидского

правителя Бахрам Гура, который занят беседой с иноземной принцессой, для которой распорядился специально выстроить черный павильон. Эту картину миниатюрист, выходец из Герата, выполнил в период, когда занимался творчеством в Бухаре, куда в принудительном порядке был переселен после того, как Герат был захвачен Убайдулла-ханом Шейбанидом.

Заслуживает особого внимания весьма дорогой халат *фараджи* с ложными рукавами, в который наряжен главный герой миниатюры «Император Хумаюн и его братья на фоне пейзажа» (илл. 2.2.1,б). Эта картина исполнена в середине XVI века художником Дуст Мухаммадом, который занимался изобразительным творчеством в Герате и Казвине. Правой рукой второй император династии Великих Моголов помогает себе в беседе, а левой крепко прижимает конец ложного рукава этой стороны своего халата. *Фараджи* государя сшито из ткани темной расцветки с богатым растительным узором. Края его полов, подол и оплечья отделаны золотой вышивкой. Под халатом на него надето *кабо* бледно-зеленого цвета с длинными суживающимися к запястью рукавами. *Кабо* опоясано ремнем, инкрустированным дорогими камнями, поверх этого халата от шеи Хумаюна свешиваются два ряда украшений из драгоценных металлов. Несмотря на то, что богатство и стильность присуще всему костюму императора, в качестве главной детали наряда выступает именно *фараджи* с золотошвейным орнаментом.

Длинные ложные рукава можно увидеть на длинных халатах отдельных женских персонажей миниатюры Бехзада «Искандар и сирены» к рукописи Низами «Хамса» от 1495 года (илл. 2.2.3,в). Каждый рукав содержит надрез на внешней стороне на участке чуть выше локтя, через который выступает рука вместе с длинным рукавом платья или халата, надетого под *фараджи*. Причем, изогнутые края подола халатей выдают наличие на них подкладочного слоя, контрастирующих по цвету с основным материалом одежды. Девушка, подавшаяся назад от края бассейна, которую подруга (полуптица-полуженщина) приглашает тоже искупаться, изображена

в *фарадж* с большим числом пуговиц, расположенных попарно на обоих полах халата. Следовательно, *фарадж* носили не только с открытым передом.

Ношение *фарадж* внакидку. Рассматривая произведения средневековой миниатюры, можно обнаружить немало мужских и женских персонажей, носящих верхнюю одежду внакидку (илл. 2.2.11 – 2.2.16). Такие одежды, небрежно или со вкусом наброшенные на плечи, а иногда – на голову, по сути, не являются накидками, так как у накидок нет рукавов. Учитывая их нарядность, особенности кроя, а также тематику сюжетов соответствующих миниатюр, можно заключить, что эти одежды являются образцами *фарадж*.

Зачастую наброшенное на плечи *фарадж* имеет рукава очень большой длины. Имеют место также случаи исключения из этого правила, когда рукава накинутого на плечи *фарадж* доходят лишь до запястья. Заметить это можно на женских персонажах, вдевших лишь одну руку в рукав халата (илл. 2.2.12,д, 2.2.14,а, 2.2.15,а-в). Таким образом, еще одна манера ношения халата *фарадж* – использование по назначению лишь одного рукава. В домашней, непринужденной атмосфере подобный стиль обращения с верхней одеждой встречается даже в том случае, когда ее рукава короткие (илл. 2.2.11,а).

Если принять во внимание костюмы всех трех женских персонажей миниатюры «Нушаба приезжает в лагерь Искандара» в рукописи Низами «Хамса», которая нарисована бухарским художником в середине XVII века (илл. 2.2.13,а), можно заключить, что стиль ношения женщинами халата внакидку была естественной и распространенной. Более того, всадницы в лице Нушабы - принцессы Барды, прообразом которой предстала правительница воинственных амазонок древних сказаний, и ее рабынь носят свои *фарадж* наброшенными не на плечи, а на голову. Данный пример манеры ношения халата *фарадж* с дополнением в виде лицевой занавески (вуали) весьма примечателен в качестве аргумента в вопросе изучения

эволюции *паранджи* – женского одеяния с религиозным содержанием. Другими словами, мнение о том, что паранджи возникло на базе нарядного, стильного халата *фараджи*, выглядит вполне обоснованным.

Фараджи с особо длинными рукавами. На отдельных миниатюрах XV-XVIII веков встречаются персонажи, носящие верхние одежды с рукавами, длина которых значительно превышает длину руки (илл. 2.2.9-2.2.10). Такая неестественная длина рукавов в отдельных случаях выглядит на одеждах нелепой, несуразной. В подобном халате представлен, к примеру, поэт Мир Алишер Навои на миниатюре XVII-XVIII века к рукописи «Маджлис ал-Ушшак» (илл. 2.2.10, а). Неуклюже выглядит стоящий юноша в длинном красном халате с неестественно длинными рукавами (илл. 2.2.10, б). Практически те же ощущения охватывают зрителя, рассматривающего костюм героини миниатюры «Фархад предстает перед Ширин», исполненной в самом начале XVII века (илл. 2.2.9, б).

Халат *фараджи* с особо длинными рукавами упорно употреблялся и в среде среднеазиатской аристократии. Не случайно, творивший здесь художник-миниатюрист Мухаммад Мурад Самарканди посчитал необходимым изобразить в 1557 году царя Фаридуна, испытывающего своих сыновей, именно в такой верхней одежде (илл. 2.2.12, в). На картине царь представлен в небрежно накинутом на плечи *фараджи* с весьма длинными рукавами. Изысканность костюма легендарного владыки дополняет одного цвета с халатом чалма с эгретом.

Здесь нужно отметить, что однозначно назвать такие халаты *фараджи* нельзя. Рукава, полностью покрывающие кисти рук, являлись, как уже было отмечено, характерной приметой другого халата – *дурроа*. Разница между этими видами верхней одежды заключается в том, что *дурроа* шили из шерстяных тканей, сукна, и она было одеждой ученых и богословов. Материалом для такого халата узорчатые ткани не служили. *Фараджи*, в отличие от *дурроа*, было одеждой нарядной, а основным материалом для его

пошива служили шелковые ткани, как орнаментированные, так и гладкого оформления.

Зачастую мужские и женские *фараджи* с особо длинными рукавами носили внакидку (илл. 2.2.11-2.2.16).

Фараджи с короткими рукавами. Верхний халат, содержащий короткие рукава или вовсе без них, на миниатюрах представлен весьма широко (илл. 2.2.17-2.2.18). Под такой одеждой, как правило, носили *кабо*, длинные рукава которого выступали из-под коротких рукавов *фараджи*. Со временем мужские верхние халаты с короткими рукавами вышли из употребления, чего не скажешь о женских образцах. В наши дни они являются обязательным атрибутом женского свадебного костюма, причем в гардеробе каждой таджикской невесты их содержится несколько.

Фараджи с рукавами до запястья. Изучая миниатюры средневековья, можно увидеть на них очень много персонажей в *фараджи*, рукава которых достигают уровня кистей рук (илл. 2.2.19). Безусловно, по понятным причинам среди разных сортов халата образцы с такой длиной рукавов встречались наиболее часто. В результате эволюции именно этих образцов сложился такой распространенный элемент таджикского и узбекского традиционного костюма, который называют *яктах* (*джелак*).

Трансформация в народном costume. В настоящее время общепринятым является мнение, что эволюция *фараджи* привела, в конце концов, к появлению в XIX веке *фаранджи* (паранджа) - старинной женской верхней одежды в Средней Азии и Ближнем Востоке, которая представляла собой длинный и широкий халат с длинными ложными рукавами (илл. 2.2.21). Однако если быть точным, паранджа – лишь один из многих видов верхних одежд, которые возникли в результате постепенной эволюции *фараджи*. Эту существенную тему мы основательно затронем ниже, пока же остановимся на истоках возникновения женской паранджи.

По мере того, как такой халат стали применять как накидку, вначале на плечи, позднее на голову, модные прежде длинные рукава халата из-за их не комфортности утратили свое естественное предназначение. Эти нефункциональные детали откидывались на спину и скреплялись тесемочками, отступая примерно на 20 см от концов рукавов. В этом случае рукава халата начали играть исключительно декоративную роль и поэтому их стали выполнять сильно длинными и узкими. Так как рукава закидывались за спину, их стали называть «думи фаранджи» («хвост паранджи»). Чтобы эти детали лежали ладно, их несколько раз простегивали вдоль, соблюдая определенный интервал. Место скрепления рукавов декорировали нашивной тесьмой, украшенной металлическими блестками или бисером. Зачастую тесьма содержала золотую вышивку. В более ранние времена скрепление рукавов осуществлялось двумя перекрещивающимися тесемками.

Появление традиции ношения *фаранджи* в качестве женской накидки связывают с тем, что, выходя из дома, они набрасывали на голову собственный халат или такую же верхнюю одежду мужа или сына. В последующем на халате появилась лицевая занавесь *чаимбанд* (с таджикского - «закрывающий глаза») из черного конского волоса. Таким образом, как считается, *фаранджи* вконец превратилось в предмет костюма восточной женщины, покрывающий всю ее фигуру от головы до ног.²¹⁰

Паранджа накидывается на голову поверх платка или тюбетейки (в зависимости от возраста) и окутывает всю фигуру от макушки до пят. Она была распространена лишь в городах и близко связанных с ними селениях, а в горных областях и отдаленных селах ее не носили. То есть паранджа получила распространение в районах, где наиболее жестко блюлись каноны ислама - в городах и земледельческих районах.

В местах, где ношение паранджи было обязательным, каждая женщина за время своей жизни меняла два-три паранджи, причем первую из них она надевала уже в 9-летнем возрасте. Как минимум, две такие

²¹⁰ Паранджи (<http://ageiron.ru/istoriya-kostyuma/vozniknovenie-parandzh>). – Дата обращения: 07.03.2014.

одежды она увозила после замужества в свой новый дом. В приданом богатых невест число паранджей было еще больше.

Как правило, носили паранджу покупную. Ее у себя дома не шили, а заказывали или покупали уже готовую. Пошивом паранджи были заняты швеи, которые специализировались на этом ремесле. Известно, что такой труд хорошо оплачивался.

Паранджу шили из плотных тканей, поэтому она служила долго. На ее пошив употреблялись по преимуществу *банорас*, пестрядинная *пари-наиша*, парча, бархат. *Алочаи пари-наиша* («крыло мухи») представляла собой хлопчатобумажную или полусшелковую (основа шелковая, уток - из хлопка) ткань серого цвета с синим отливом. Излюбленным материалом паранджи для молодых женщин был *банорас* - полусшелковая (шелковая основа, бумажный уток) муаровая ткань повышенной плотности с узкими синими продольными полосками на серебристом фоне. Особо популярным был сорт *банорами нукракуб* («кованная серебром»). Бархатная паранджа могла быть фиолетовой, зеленой, желтой.

Безусловно, женщин обязывали носить паранджу, чтобы сокрыть их от чужих мужских взглядов. Кроме того, еще с детства им прививалось мнение, что такая одежда обладает и другим защитным качеством – она предохраняет хозяйку от «дурного» и «нечистого» глаза. Вместе с тем, утверждать, что женщины относились к своему паранджи почтительно, не приходится. Его использовали исключительно в качестве выходной одежды. По возвращении домой восточная дама в первую очередь избавлялась от своего мешковидного наряда и небрежно забрасывала его куда придется. Паранджу снимали уже во дворе. Появляться в нем в доме ни у себя, ни в гостях не позволялось. Явившаяся во двор гостя откидывала лицевую занавесь сама, а верхнюю одежду с нее должна была снять хозяйка или ее дочь, сноха.

Естественное стремление прекрасной половины отличаться от других, быть в центре внимания была другой причиной небрежного

отношения молодых женщин к парандже. По этой причине зачастую они вовсе не обращали внимания на состояние своей верхней выходной одежды. Нередко паранджа содержала заплата, порой весьма заметные. Дома или в гостях молодухи позволяли себе свернуть паранджу клубком и, бросив на землю, садиться на нее.

Конструктивный анализ показывает, что паранджа по особенностям кроя в целом схожа с обычным восточным халатом. Так как в ней рукава не используются по назначению, паранджа не содержит ставшую ненужной ластовицу. Такие детали обыкновенного халата, как воротник, подкладка, нашивная тесьма по бортам содержатся и в парандже.

Уже говорилось про украшение мест скрепления декоративных рукавов в парандже. Подобные украшения нашивались и к полам примерно на уровне подбородка. Здесь располагалась завязка (иногда застежка), с помощью которой предупреждалось спадание паранджи с головы. Края бортов и подола обшивали плетеной или тканой лентой *шероз* (*джияк*, *зех*). В особо дорогих образцах паранджи воротник по всей длине содержал нашивные серебряные бляхи. В некоторых местах на паранджи выполняли ложные карманы. Эти места обшивались тесемками, содержащими на концах кисточки.

Саргирак - еще один средневековый предмет женской одежды, также служивший головной накидкой. Он – также следствие трансформации халата *фараджи*. *Саргирак* отличался укороченным станом, его узкие рукава с помощью тесьмы скреплялись на спине (илл. 2.2.22,б). Воротник халата доходил до макушки головы, его носили без волосяной сетки *чаимбанд*. Первые изображения такого халата-накидки встречаем на миниатюрах начала XVII века. На бухарской миниатюре «Отъезд Дувалрани» (илл. 2.2.22, а) девушка на лошади наряжена в халат-накидку без *чаимбанда*, причем верхняя одежда надета только на одну руку.

После Октябрьской революции ношение паранджи (как и *саргирака*) постепенно прекратилось. Получившие большую свободу и ставшие более раскрепощенными среднеазиатские женщины стали носить другой халат, уже с воротником – *мунисак* (*калтача*).

Таким образом, если следовать распространенной сегодня логике, по мере исчезновения из обихода паранджи, в Средней Азии историческая одежда *фаранджи* прекратило свое существование. Мы же считаем, что это в корне неверное мнение. Паранджа (*фаранджи*) была лишь одним из видов одежды, которое появилось в результате эволюции *фаранджи*, которое, правда, и унаследовало историческое название. Вместе с тем, что особенно важно, в результате трансформации *фаранджи* возникли и другие виды мужских и женских одежд. В частности речь идет о легких халатах *яктах* (с таджикского - «в один слой») или *джелаки*, которые в составе традиционной мужской и женской летней были широко распространены вплоть до 80-х годов XX века. К числу таковых относятся, кроме того, легкие женские халаты *мунисак* или *калтача* (илл. 2.2.23), которые были широко распространены в указанный период в городах и равнинах Средней Азии. В среде таджикского и узбекского населения, особенно в сельской местности, такую верхнюю одежду в своем гардеробе имел практически каждый мужчина из числа пожилых и совершеннолетних жителей. Они, в зависимости от состояния, носили такие халаты, сшили из хлопчатобумажных, шелковых и полушелковых тканей различной отделки. Наиболее распространенными были *джелаки* полосатые, из пестрых тканей (илл. 2.2.25, в).

Здесь следует заметить, что хотя в старину как *фаранджи* и *кабо* воспринимались разные предметы одежды, и принципиальная разница заключалась в наличии или отсутствии пояса, со временем эта грань стерлась. В составе традиционного костюма оба этих видов верхних одежд вошли под одним и тем же названием (*яктах* или *джелаки*). Причина этого кроется, вероятно, в том, что исчезла существовавшая в

прошлом традиция ношения сразу двух и более халатов, когда каждый из них нужно было различать по названию. Теперь такие легкие халаты начали употреблять лишь в качестве верхней одежды и вне зависимости от использования пояса или отказа от него стали обозначать посредством одного и того же названия.

Мунисак, в отличие от халата *яктах* обычного покроя, не содержал воротника и ластовиц под рукавами и в этом месте боковые клинья собирались в складки и скреплялись стежками в пучок. В результате происходило суживание халата в области груди и его расширение книзу от нижней линии основания рукавов. В покрое *мунисаков*, распространенных в XIX – первой половине XX века во многих равнинных районах Таджикистана и Узбекистана (Самарканд, Бухара, Ташкент, Хорезм, Гиссарская долина, Худжанд и др.) можно было наблюдать локальные различия. Особенности строения и оформления таких халатов были глубоко изучены известным знатоком традиционной таджикской одежды О.А. Сухаревой и узбекским исследователем М.А. Бикжановой²¹¹, поэтому мы не видим надобности останавливаться на этом вопросе. Отметим лишь, что такая плечевая одежда являлась обязательным атрибутом костюма невесты. Девушке предписывалось впервые нарядиться в *мунисак* в день своей свадьбы. Она накидывала такой халат на голову в день переезда в другой дом, где ей предстояло жить в будущем. Кроме того, *мунисак* служил в качестве женской выходной верхней одежды, одно время наряду с *яктахом* заняв место прежде служившего в таком качестве знаменитого *фараджи*. Однако в Ташкенте к концу XIX столетия сфера использования *мунисака* ограничилась, теперь она служила принадлежностью лишь похоронного ритуала (до 20-х годов XX века). В то же время, в других перечисленных

²¹¹ Бикжанова М.А. Мурсак – старинная верхняя одежда узбечек Ташкента. – С. 38; Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX - начало XX в.). – С. 13, 34, 36-42, 44-45, 49-50, 68, 87, 128, 130.

выше оазисах продолжалось ее использование в качестве нарядной верхней одежды.

В конце XIX – начале XX века в Среднюю Азию был занесен еще один вид распашной верхней женской и мужской одежды - *камзул* (камзол). В отличие от существовавших до этого халатов туникообразного кроя, *камзул* был выкройной одеждой. Технологию его пошива среднеазиаты переняли у русских (через татар). Халат нового покроя, первое время сохранивший отдельные черты туникообразной одежды, распространился под названием *румча* («византийский»). Широкая, просторная *румча* не содержала прорезных карманов и застежек, носили ее традиционным образом, т.е. подобно туникообразным халатам – со свободно висящими полами (илл. 2.2.24). В науке такой тип камзолов признается одеждой переходного типа.

Мужской *камзул* всегда оснащался стоячим воротником, его носили, под верхним халатом и подпоясывали. Следовательно, такой предмет одежды мужчин нужно воспринимать как трансформированный вид опоясываемого халата *кабо*, носимого под *фараджи*. В женском же костюмном комплексе *камзули румча* получил очень широкое распространение в качестве верхней одежды. Как отметила О.А. Сухарева, новый тип халата в женской одежде смог вытеснить и *мунисак*, и традиционный выходной халат туникообразного кроя²¹². Это означает, что женская *румча* является следствием трансформации нарядной верхней одежды *фараджи*.

Румча получила распространение в женских костюмных комплексах равнинных районов – Бухаре, Самарканде, Худжанде и др. Иллюстрации образцов такого камзола, входящих в составе старинных костюмов пожилых горожанок из северных районов Таджикистана, представлены в «Альбоме одежды таджиков». Один из образцов

²¹² Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX - начало XX в.). – С. 53-56.

(выходного назначения) сшит из канауса (*шойи*) и обшит по краям бортов и подолу полосой черного бархата, другой (траурный) - из ткани *бекасаби зирраги*²¹³.

Говоря о *мунисаке*, нужно упомянуть еще и о распашном халате *пешво* (тадж. «с открытым передом»), который, по словам М.А. Бикжановой, был распространен в XIX веке. По основным признакам *пешво* был похож на *мунисак*, отличаясь отсутствием передних клиньев и более длинными рукавами. Его шили в один слой из *адраса*. Такой нарядный халат, причем в двух-трех экземплярах, входил в состав приданого невесты. *Пешво* носили как в рукава, так и наброшенным на голову. М.А. Бикжанова, ссылаясь на сведения своих информаторов, говорит о *пешво*, как о старинной верхней одежде, исчезнувшей из быта до XX века.²¹⁴

В дальнейшем (с начала XX века) процесс трансформации женских камзолов продолжался, причем изменения касались и кроя, и формы. Так, полукамзол *нимча* имел укороченную длину (до бедер) и короткие (до локтя) рукава. Камзол, и вовсе не содержащий рукавов, назывался *камзулча*. Нередко все три указанных вида камзолов (*румча*, *нимча* и *камзулча*) носились вместе, один поверх другого.

Итак, систематизация накопленного материала позволяет заключить, что в Центральной Азии эпохи развитого средневековья пользовались несколькими видами нарядной верхней одежды, среди которых наиболее известным и самым распространенным являлся халат *фараджи*. Такой халат применялся исключительно в качестве верхней одежды. *Фараджи*, как и *кабо*, несмотря на значительные социальные и идеологические изменения в обществе и продиктованные ими смешение разных культур, сохранилось в костюме многих поколений жителей и трансформировалось в самобытные детали традиционного костюма

²¹³ Ершов Н.Н., Широкова З.А. Альбом одежды таджиков. – Л. 2, 5.

²¹⁴ Бикжанова М.А. Одежда узбеков Ташкента XIX - начала XX в. – С. 136.

таджиков и других народов этого региона – *яктах* (*джелак*), *мунисак*, *румча*, *нимча*, *камзул* и др.

2.3. Религиозная одежда

В источниках письменности средневековья упоминается следующий перечень верхних одежд священнослужителей и отшельников: *гилем*, *дурроа*, *хирка* и *далк*. В них упоминаются и другие названия одежд радетелей за религию (“пашмина”, “суфича”, “хунбак”, “хуставона” и др.), однако систематизация собранных о них сведений показывает, что это всего лишь другие названия перечисленных видов верхних одежд.

Халат *гилем* служил одеждой для представителей мистико-аскетического течения в исламе, известного как суфизм. Обыкновенным атрибутом аскетов-отшельников и мистиков являлась грубая шерстяная одежда. Сомнений в сырьевом составе *гилема* быть не может, так как даже название этого течения имеет непосредственное отношение к шерсти (термин «суф» с таджикского означает «шерсть»). Такого мнения придерживается и автор словаря «Гияс ул-лугот», по словам которого, «гилем – известная шерстяная ткань, которую изготовляли из овечьей шерсти».²¹⁵

Писатель-моралист Маджди Хофи считал, что ношения *гилема* достойны исключительно люди благородные, истинные служители веры.²¹⁶ Хотя нужно заметить, что не всегда носители такой одежды в своих намерениях и действиях соблюдали искренность и преданность идеалам веры и канонам того течения в исламе, которым были призваны служить. Примеры такого вероотступничества зафиксированы в творчестве многих поэтов и писателей-моралистов, представляющих средневековую таджикско-персидскую литературу. В частности, рассуждение на эту тему составляет

²¹⁵ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 2. - С. 196.

²¹⁶ Маджди Хофи. Хористан. – С. 26.

мораль одного из рассказов ал-Газзали. В нем наставляется, что никакая благородная одежда не может прикрыть порочное поведение, а содержание этого рассказа заключается в следующем. Известный богослов XI – начала XII веков Хасан Басри во время диспута, обратившись к своему собеседнику Фаркаду Сабахи, позволил себе такое заявление: «Облачившись в *гилем*, полагаешь, будто тебя наделили превосходством над окружающими. Да будет тебе известно, что многие из тех, кто оказался в аду, при жизни были носителями *гилемов*»²¹⁷

Или другой пример. По словам Сироджуддин Алихон Орзу, в его время (XVIII) похитители и мошенники, замыслив аферу, представлялись потенциальной жертве облаченными в *пардагилем* («парда» - «накидка»)²¹⁸

В свою очередь, Сайидо Насафи писал:

Нет в мире аскета равного мне в плутовстве,
Это покрывало *ридо* есть *гилем* на моих плечах.²¹⁹

Малоизвестный поэт-лирик Али Кумин Фаиз использует аллегорию, когда очарованный поклонник страстно пожирает глазами возлюбленную, при этом всячески скрывая свои истинные помыслы:

Раздвоила в оболочке мое сердце та изворотливая плутовка,
Каждое мое моргание – это *пардагилем*.²²⁰

Примечательно, что в таджикском словаре «гилем» как слово, обозначающее шерстяной текстиль, и сегодня является широко

²¹⁷ Мургазо Мударриси Гелони. Мораль Газзали или ключ к познанию. – С. 57.

²¹⁸ Сироджуддин Алихон Орзу. Светило наставления. – С. 52.

²¹⁹ Сайидо Насафи. Избранные произведения. – С. 527: *Зоҳиде нест ба айёрии ман дар олам, ин ридонарда гилемест, ки бар дӯши ман аст.*

²²⁰ Сироджуддин Алихон Орзу. Светило наставления. – С. 52. *Дар парда дилам з-он бути айёр дуним аст, ҳар як мижа бар ҳам заданам пардагилем аст.*

распространенным термином. Теперь, как правило, оно выражает разные сорта шерстяных тканых ковров без ворса. У памирских горцев «гилем» обозначает, кроме того, предметы одежды (шерстяные платье и халат-пальто), что является, несомненно, признаком преемственности традиций, восходящих к средневековому суфизму.

Жители Памира сшивают мужской и женский верхний халат *гилем* из домотканого валяного сукна *катма* белого, серого или рыжеватого естественного цвета шерсти. Согласно этнографическим сведениям, даже в середине XX века большая часть памирцев все еще продолжала носить шерстяные рубахи *гилеминкурта* (букв. «платье из *гилема*») в качестве нижней одежды.

В качестве материала для пошива чекмени того же названия «гилем» употреблялась более плотная шерстяная материя - армячина *рагза*. География распространенности суфизма и практики ношения такого вида одежды дает возможность рассуждать о том, что производством различных сортов ткани *рагза* (*босма, будаган, катма, кокма*) занимались во всех горных районах Средней Азии. В пределах современного Таджикистана армячину изготовляли в Варзобе, верховьях Зеравшана (Горной Матче, Ягнобе), Припамирье (Дарвазе, Каратегине), на Памире.

Естественно, из плотной, часто валяной, домотканины шили одежду не только для аскетов и мистиков. В суровых климатических условиях высокогорья из такого материала жители независимо от вида занятия и религиозного вероисповедования носили верхнюю одежду (чекмени), теплые шаровары, непромокаемые плащи. Сукно для особо дорогой одежды ткали из смеси шерсти с пухом. Армячина употреблялась также для изготовления разных других предметов быта: паласов, мешков, обмоток для ног, подпруг, переметных сум и т.п.²²¹

²²¹ Андреев М.С. Таджики долины Хуф. – С. 202; Широкова З.А. Таджикиский костюм конца XIX – XX вв. - С. 69; Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. – С. 239-240; Бахтоваршоева Л. Ткани кустарного производства в Припамирье в XIX – начале XX в. – С. 110-118.

Некоторые сорта платьев и верхней одежды *гилем* жители Памира шили из пестрядиной армячины. Так, в долине Баджу для этой цели ткали армячину с клетчатым узором *чавгилем*, сукно с мелкими черными и белыми клетками *бисот*. Из *чавгилема* шили мужские чекмени, детскую одежду, теплые женские платки. Ткань *бисот* шла на чалмы и мужские пояса. Жители долины Бартанга ткали тяжелую шерстяную *шолказин* с полосками разных цветов. Преимущественные цвета нитей основы - красный, зеленый, синий и желтый²²².

Рассматривая в данном конкретном случае общность терминологии, свойственной одеянию представителей мистико-аскетических течений и соответствующего предмета одежды жителей Горного Таджикистана, наше внимание привлекла заметка в «Бурхони коте» о том, что дервиши носили одежду (*гилем*) и головные уборы, как правило, из ткани *барак*, получаемой из верблюжьей шерсти.²²³ Дело в том, что в конце XIX – начале XX века выделка шерстяной материи такого названия была широко распространена в пределах Памира и Припамирья, Верхнего Зеравшана, а также на территории Афганского Бадахшана. Так, согласно этнографическим заметкам А.А. Семенова и А. Шишова, жители Каратегина и Дарваза зимой массово ткали материю *барак* для чекменей и штанов. Для получения нитей они пряли шерсть, получаемую с собственного скота.²²⁴ Причем, Г.А. Арандаренко узнал, в течение шести холодных месяцев года один местный ткач вырабатывал от 40 до 60 кусков (200-240 м) такой ткани²²⁵. Путем сшивания вдоль нескольких полосок ткани *барак*, пишет Б. Кушкеки, здесь получали

²²² Бахтоваршоева Л. Ткани кустарного производства в Припамирье в XIX – начале XX в. – С. 110-118.

²²³ Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте'. - Т. 1. - С. 168.

²²⁴ Семенов А.А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 58; Шишов А. Таджики. Этнографическое исследование. – С. 227-228.

²²⁵ Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане. – С. 460.

паласы *шолча*. По его словам, другим названием для этих паласов служило, опять же, «гилем».²²⁶

А. Черкасов писал, что в Шугнани, Вахане и Рушани мужчины вырабатывали из шерсти на горизонтальных ткацких станках ткань *барак* для верхней одежды. Снятая со станка материя имела длину около 15 м и ширину порядка 35 см. Сырьем служила некрашенная шерсть естественных цветов: белого, желтоватого и светло-коричневого и серого. Пестрые образцы ткани из шерсти, подобранной по цветам соответствующим образом.²²⁷

В уездах Куран, Анджумен и Мунджан и других местах афганского Файзабада, населенных таджиками, мужчины ткали шерстяную ткань средней толщины *барак*, которая представляла собой сукно того или иного цвета с приятным мягким ворсом. Согласно, зафиксировавшему эту информацию, афганскому чиновнику Б. Кушкеки, наилучшей в округе считалась *барак* мунджанской выделки.²²⁸

Таким образом, приведенные здесь сведения о предмете одежды *гилем* и материи *барак* служат еще одним, пусть даже косвенным, свидетельством устойчивости традиций суфизма и дервишизма в среде жителей горных местностей Таджикистана и Афганистана, которые сохранились вплоть до середины XX века.

Дурроа. Составитель «Гияс ул-лугот» утверждает, что *дурроа* служила одеждой для шейхов и, как правило, она была шерстяной. Помимо этого, со ссылкой на чужие сведения он отметил, что данным термином называли также чадру или платок (*фута*), которую набрасывали на плечи.²²⁹ Изучение других источников дает основание заключить, что *дурроа* все-таки являлась плащом, халатом. Другим атрибутом костюма шейхов (как и дервишей) служил кусок ткани, который они набрасывали в виде шарфа или в

²²⁶ Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. – С. 24-212; Ершов Н.Н. Ткачество. - С. 212, 225-229.

²²⁷ Отчет секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова... - П. IV.

²²⁸ Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. – С. 24-212.

²²⁹ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 1. - С. 332.

развернутом виде на плечи. Возможно, именно такую накидку иногда тоже называли «дурроа», хотя более распространенными названиями для нее служили «тайласан», «ридо». Для подтверждения можем обратиться к творчеству писателя и мусульманского проповедника Имама ал-Газзали, по словам которого, ношение одеяния *дурроа*, как и *тайласана*, было свойственно ученым-богословам (шейхам).²³⁰

Вместе с тем, *дурроа* служила предметом одежды не только для шейхов. В условиях исламского государства для подчеркивания набожности такой халат носили и представители других сословий. В этом смысле не были исключением и первые лица государств. Насир Хосров в «Сафар-наме» описал костюм фатимидского халифа следующим образом: «На нем была белая рубашка, а сверху длинный широкий плащ, какие обыкновенно носят в арабских странах. Такие плащи в Персии называют *дурроа*». Как видим, речь здесь идет о длинном широком плаще, которая использовалась, в том числе владыками, в качестве верхней одежды. Ношение первым лицом страны одеяния, символизирующего преданность вере, должно было уверить поданных в том, что именно властелин в пределах границ своей державы служит основным блюстителем канонов религии и, потому, главным почитателем всевышнего.

Ношение *дурроа* было свойственно, разумеется, и мусульманским судьям (казиям), которые занимались разбором спорных вопросов и выносили по ним решения на основе норм шариата. Факт использования судьей такого плаща засвидетельствован, к примеру, историком Байхаки. Он рассказывает, что, рассуждая о достойном кандидате на пост сипахсалара (военачальника) Хиндустана, султан Мас'уд Газневид заявил, что там есть лишь один «носитель *дурроа* вроде казия Ширазского ...».²³¹

Таким образом, выясняется, что сам факт одевания плаща *дурроа* являлся очевидным признаком приверженности персоны вере. Такой халат

²³⁰ Мургазо Мударриси Гелони. Мораль Газзали или ключ к познанию. – С. 48.

²³¹ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 357.

надевали при молении в мечети, дома или в гостях, да и в других местах, где приходилось помолиться. Поэт-богослов Джами описал историю, когда охотник, задумав обратиться к богу, предварительно переоделся в *дурроу*. По его словам, однажды известная особа того времени Абдурахим Истахри, про набожность которого ходили легенды, в костюме стремянного отправился на охоту. В горах, с целью узнать о перспективах предстоящего промысла, он воззвал к богу, предварительно переодевшись в *дурроу*. В ответ, якобы, раздалось громоподобное восклицание, что вблизи нет ни деревьев, ни зверей.²³²

На основе сказанного можно заключить, что для получения наглядного представления о том, как выглядела *дурроа*, следует в источниках живописи рассмотреть преимущественно сцены, связанные с посещением мужчин мечетей, медресе, а также сцены занятости людей молитвой или разбором дел в суде (илл. 2.3.1-2.3.7). Нужно заметить также, что согласно нормам ислама, молиться опоясанным не дозволяется. Следовательно, по логике *дурроа*, будучи распашным халатом, не дополнялась кушаком.

Здесь уже приводилась информация Гияс уд-дина Мухаммада о том, что *дурроу* шили, в основном из шерстяной ткани. Это значит, что в прошлом в употреблении были и не шерстяные плащи такого названия. Так, применительно к материям, из которых изготавливались такие плащи, заслуживает внимания описание историком Байхаки костюма Абу-л-Музаффара Баргаши, который прежде служил визирем во дворе Саманидов. Летописец пишет, что многие годы спустя после заката династии Саманидов лично видел того в Нишапуре. Баргаши был уже величественным стариком и «он надевал на себя белую *дурроу* со множеством складок из мервского *мулхама*».²³³ Заметим, что полушелковая (шелковая основа, хлопчатобумажный или льняной уток) ткань *мулхам* содержала вышитую декоративную надпись *тироз*. Ее, начиная со времен арабского завоевания

²³² Джами Абдурахман. Нафахот ал-унс // Сочинения. - Т. 8. – С. 41.

²³³ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 449.

Средней Азии и до эпохи монгольского нашествия, производили в Мерве, Хорезме и, по всей видимости, в Бухаре.²³⁴

Заметим здесь, что сохранился образец ткани *мулхам* X века, принадлежавший, как следует из тканой надписи на ней, одному из предводителей войска Саманидов – Бухтегину. Эта ткань помимо надписи содержит очень интересный композиционный узор, состоящий из изображения двух слонов, вереницы верблюдов, птиц и крылатых грифонов.²³⁵ Однако эта материя, по всей видимости, не предназначалась для одежды. Во всяком случае, нельзя представить, что из нее могли сшить одежду религиозного содержания (*дурроу*), что вовсе противоречила нормам ислама. С другой стороны, она имеет форму штучного изделия (покрывала или коврика), т.е. не была предназначена для пошива одежды. С большей долей вероятности материалом для *дурроу* могли служить несколько фрагментов мервских *мулхамов* IX-X веков, обнаруженных в египетских погребениях.²³⁶

Ношение *дурроу* подчеркивало статус его владельца и, по сути, она в комплекте с длинным тюрбаном (а также наплечной накидкой) воспринималась в качестве служебной формы богословов. В одном из своих рассказов Маджди Хофи разъяснил, что не всем в обществе дозволялось носить подобные широкие плащи, как и длинные чалмы. По его словам, когда к султану Музаффар ад-Дину Кирмани пришла группа суконщиков в просторных халатах *дурроа* и длинных чалмах, султан в беседе со своим визирем обратил внимание на очевидное несоответствие в их костюмах формы и содержания.²³⁷

В то же время, такая одежда не входила в костюм высших сановников и лиц, близких к престолу. Более того, некоторые из них относились к

²³⁴ Иброхимов М.Ф. Традиционное ткачество таджиков: История и технология. - С. 29.

²³⁵ Беленицкий А.М., Бентович И.Б. Из истории среднеазиатского шелкоткачества (К идентификации ткани *занданечи*) // Советская археология. – М., 1961 - № 2. – С. 66-68.

²³⁶ Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. – С. 271.

²³⁷ Маджди Хофи. Хористан. – С. 26.

носителям *дурроа* с пренебрежением. Байхаки рассказывает историю о том, что когда Бу Сахль Завзани пешком и в *дурроа* прибыл на прием к Хасанаку, который в то время занимал должность визиря при дворе Мухаммада Газневида, был прогнан слугой Хасанака. В отместку за это Абу Сахль, обретя могущество в пору владычества эмира Мас'уда, против Хасанака затеял козни, что привело вконец к казни последнего по обвинению в измене.²³⁸

Как отмечалось, носителям *дурроа* в обществе выказывалось особенное почтение. Их сан богословов, статус истинных служителей веры обязывал окружающих проявить к ним наибольшее уважение и всякого рода почести. Однако как уже неоднократно отмечалось в настоящей работе, во все времена наблюдалось немало случаев, когда служители веры, те, кто по определению были призваны служить примером нравственного целомудрия, милосердия и великодушия, на деле позволяли себе намеренно причинить острую боль окружающим и доставлять невыносимые страдания ближним. В этих вероломных действиях, естественно, их не могло остановить и обладание почтенной одеждой, нормы ношения которой требовали наивысшей гуманности и благородства. Именно такие, наряженные в *дурроа*, лицемеры и были осмеяны поэтом-моралистом Саади Ширази, который писал:

Ничтожен тот, кого делают личностью *дурроа* и чалма,
Вор есть вор, даже если носит одежду судьи.²³⁹

Эту тему затронул и Амир Хосров Дехлави (XIII-XIV века) в касыде, отрывок которой приводится ниже:

²³⁸ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 258.

²³⁹ Саади Ширази. Сборник сочинений. – Т. 2. – С. 331: *Нокас аст, он кй дурроаю дастор кас аст, дузд дузд аст в-агар чомаи қозй дорад.*

Не узри в *джуббе* одеяние милосердия ученого,
Потому, что под *дурроа* он носит пестрый подклад.
Нравоучения и поступки надобны ему для притворства и уловок,
Склонения и синтаксис нужны ему для поборов и кражи.²⁴⁰

Исламские корни рассматриваемого предмета одежды, естественно, указывают на то, что истоки его появления связаны с арабским миром. Именно поэтому в то время как в Средней Азии слово «дурроа» как название халата давно уже вышло из употребления, оно все еще встречается в лексиконе арабов. У них *дурроа* наряду со стеганной *джуббой* продолжает служить в качестве верхней одежды в составе выходного народного костюма, причем сегодня для ее пошива используют не только одноцветные шерстяные материи, но и узорчатые, в том числе златотканые.²⁴¹

Как *дурроа* мы идентифицируем суконный халат с вышивкой из коллекции Российского музея антропологии и этнографии (№ 1487). Музею данный халат вместе с рядом других предметов костюма среднеазиатского духовенства был подарен в 1909 г. художником Н.Н. Щербиным-Крамаренко, который приобрел эти вещи у сартовского населения Самарканда. Суконная верхняя одежда была зафиксирована в каталоге музея как «джанда, хирка, рублище», а вся подаренная коллекция, состоящая из 16 предметов, была названа «костюмом дервиша». Однако Р.А. Рассудова в 1989 г. издала статью, в которой аргументированно (исходя из наличия шелкового халата, вышивки на суконном халате и др.) предложила считать все эти вещи предметами костюма шейха – главы суфийского ордена каландаров. Полностью разделяя мнение Р.А. Рассудовой о том, что сохранившийся суконный халат не служил одеянием дервишей или

²⁴⁰ Амир Хосров Дехлеви. Избранные произведения. - Т. 4. – С. 816: *Чуббаи хайр-ус-сиёб-ул-байзи олимро мабин, з-ин ки ўро дар таҳи дурроъа рангин астар аст. Дидани фиқҳу усулаш баҳри зарқу ҳилат аст, хондани тасрифу наҳваш аз паи рафъу чар аст.*

²⁴¹ Эволюция арабского костюма. - http://www.costumehistory.ru/view_post.php?id=176 (Дата обращения: 09.07.14).

каландаров и что он не носил название *хирка* или *джанда* (о них речь пойдет ниже), мы, вместе с тем, считаем, что он является образцом халата *дурроа*²⁴².

Хирка. Рубище *хирка*, как и *далк*, служила одеждой для бедноты, а также суфиев и дервишей.²⁴³ Ее название означает рваное, поношенное и лоскутное одеяния (илл. 2.3.8-2.3.9). Религиозная оболочка общины дервишей в виде различных культов, в том числе и в отношении одежды, нашла свое отражение в текстах ряда трактатов о доблести - «Футувват-наме». Одно из таких произведений принадлежит перу писателя-моралиста второй половины XV – начала XVI века Хусейн Ваиза Кашифи. По его словам, владетель *хирки* чтобы заслужить права ее ношения, должен порвать с такими понятиями, как «владеть» и «зависеть», смело шагать по тропе битвы за веру. Если человек решил одеться в *хирку*, он должен всегда проявлять благородство, не подаваться алчности, быть великодушным.

Святости *хирке* придавало то обстоятельство, что первым носителем такого рубища был, якобы, сам Адам. По этой причине обычному смертному дозволялось ношение *хирки* лишь в том случае, если он удостоивался получить первый образец такого почтенного одеяния из рук своего великодушного наставника (пира, шейха). В свою очередь, наставник был обязан одеть в *хирку* исключительно достойных мюридов (учеников), при этом разъяснив им правила и нормы ее ношения. Как только наружность мюрида нарядится в одежду шейха, разъясняет Хусейн Ваиз Кашифи, его внутренний мир оформится нарядом праведности из совокупности совершенных качеств, а благодать рук шейха дотронется до существа достойного ученика. Другими словами, *хирка*, являясь одеянием дружелюбия, послужит в качестве моста связи между шейхом и его последователем в добрых начинаниях.²⁴⁴

²⁴² Рассудова Р.Я. К истории одежды среднеазиатского духовенства // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Сборник Музея антропологии и этнографии. - Л., 1989. – Вып. 43. Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии. – С. 170-179.

²⁴³ Саади Ширази. Гулистан. – С. 92, 160; Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 2. - С. 243, 251.

²⁴⁴ Кашифи Х.В. Трактат о доблести султана. – С. 58-60.

Маджди Хофи акцентирует внимание читателя на том, что в его времена (XIII век) ношение *хирки* было верным признаком принадлежности особы к сообществу дервишей, в то время как нарядом для благородных, верующих персон служил *гилем*.²⁴⁵ Как было отмечено в разделе 2.2, в *гилем* облачались, в частности, последователи суфизма. Однако, согласно Саади, и для них *хирка* могла служить в качестве специфического одеяния²⁴⁶.

Хирка имела лоскутное строение, и в таком качестве его другим названием было *бодома*.²⁴⁷ Мухаммадхусайн Бурхон пишет, что *хирку* сшивали из разноцветного лоскута, причем как это изделие, так и *далк* с выступающими нитями и волокнами, имели и другое общее название – *хуставона*.²⁴⁸ Согласно средневековым словарям, под названием «далк» была в употреблении одежда дервишей из грубошерстной материи с выступающими длинными концами волокон.

Кроме того, под названием «хирка» также понимали любую старую одежду, а также одеяние, сшитое из старых отрезков. Такую одежду носили не только дервиши, но и бедняки *фукаро*. По этой причине, иногда вместо «хирка» употреблялся термин «фирка». Сообщивший эту информацию составитель «Гияс ул-лугот» пишет далее, что такое одеяние содержало в передней части длинный разрез ворота.²⁴⁹ Учитывая лоскутное строение, включавшее лохмотья, эту одежду называли также *жанда* («рванный, изношенный»)²⁵⁰.

В правилах ношения *хирки* содержалось предписание избегать ненужной скорой замены одежды, один и тот же предмет одежды следовало носить до тех пор, пока он окончательно не обветшает. Рекомендовалось

²⁴⁵ Маджди Хофи. Хористан. – С. 26.

²⁴⁶ Саади Ширази. Избранные произведения. – С. 284: *Бӯи олудагӣ аз хирқои суфӣ омад, Сӯзи девонагӣ аз синаи доно бархост.*

²⁴⁷ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 1. - С. 116.

²⁴⁸ Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте'. - Т. 1. - С. 392.

²⁴⁹ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 1. - С. 302.

²⁵⁰ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 1. - С. 403.

заштопать истасканные места с тем, чтобы изделие прослужило максимально долго.²⁵¹ Существование этой нормы было на руку мастерам по починке одежды. Функционировала специальная каста рабочих - штопальщиков *порадуз*, которые зарабатывали на жизнь починкой *хирки* и *далка*. Один из разделов своей сказочно-романтической поэмы «Саломон и Абсол» Джами посвятил представителю именно такой профессии, который, правда, проживал на мелкий доход от своей работы. При всем том он выражал полное смирение предначертанной судьбе и на вырученные средства систематически покупал фрукты, покорно выразив признательность своей участи.²⁵²

В «Гияс ул-лугот» сообщается, что еще один вид одеяния дервишей, который также назывался «хирка», не был лоскутным. Для его изготовления белую материю складывали в два слоя и простегивали синей нитью крупными стежками. Полученное изделие называлось *мехи*.²⁵³

В «Трактате о доблести султана» Хусейн Ваиза Кашифи отмечает, что *хирка* могла быть разных цветов, причем каждый цвет указывал на определенное состояние. Так, носить рубище белого цвета, который является цветом дня, позволялось тому, у которого светлая душа и свободная от вражды грудь. Каждый, кто наденет такого цвета одежду, должен быть подобен чистой заре и подобно дню каждому дарить свет. Зеленый цвет - цвет воды и растений, поэтому каждый, кто наденет одежду такого цвета, должен быть радостным и радующим подобно траве, желанным и оживляющим подобно воде. Наряжение дервишей в черный цвет (цвет ночи и зеницы ока) обязывало их скрывать свое самочувствие (состояние) от всех других. В то же время, сами они подобно зенице ока должны были уметь видеть всех, но не быть себялюбцами (эгоистами). Синий цвет *хирки* признавался цветом неба и подходил тому, кто добился больших успехов на

²⁵¹ Кашифи Х.В. Трактат о доблести султана. – С. 61.

²⁵² Джами Абдурахман. Саламон и Абсал // Сочинения. - Т. 3. – С. 177.

²⁵³ Гияс ул-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 2. - С. 330.

избранном поприще. Небесные благородность и высокочтимность – качества, которые должны были быть присущи каждому, кто носил одежду такого цвета, должен быть подобно небу. Им предписывалось служить денно и ночью, чтобы облегчить окружающим тяготы. Люди с добрым нравом имели право носить *хирку* коричневого цвета - цвета земли.²⁵⁴

Шерстяное строение изделия (*хиркаи паимина*) неоднократно отмечено поэтами XVII века Талибом Амули и Сайидо Насафи.²⁵⁵ Помимо шерстяных материй для пошива *хирки* употреблялись ткани из хлопка, войлок и кожа. Использование шелковой ткани в этих целях запрещалось. Наиболее благоприятным материалом для *хирки* считали шерсть. Было распространено мнение, что ношение шерстяной одежды вызывает усладу души.²⁵⁶

Ношение *хирки*, равно как принадлежность к суфиям и дервишам, являлось признаком аскетизма, наличия чистых помыслов и деяний. Как отмечено в «Футувват-наме» Хусейн Ваиза Кашифи, носителям *хирки* предписывалось не использовать его в качестве западни для привлечения подаяний и уловки для лицемерного уважения.²⁵⁷ Однако зачастую наблюдались случаи, когда дервиши и суфии, надевали власяницу и *хирку*, чтобы использовать такую одежду для наживы и обмана окружающих. Весьма выразительно такие люди высмеяны в творчестве прозаика и поэта XIV века Убейда Закани. Так, в одном из его рассказов, написанном на арабском языке, говорится о суфиях, которые использовали подобную

²⁵⁴ Кашифи Х.В. Трактат о доблести султана. – С. 63-64.

²⁵⁵ Сайидо Насафи. Избранные произведения. – С. 40: *Пои савдои маро занҷир чини доман аст, хиркаи ман бошад аз муи сари девонаҳо*; с. 366: *Жанда нушидан нагардад чамъ бо танпарварӣ, хиркаи паимина кардам то ба бар, чун му шудам*; Талиб Амули. Газели. – С. 103: *Толиб, либос нест ба завқи либоси фақр, шоҳанишаҳист хиркаи паимина доштан*; с. 122: *На кирми тиллаӣ, то кай дар абрешим ниҳон бошӣ, муҷаррад, шав, ки завқ аз хиркаи паимина мечӯшад*; с. 211: *Ба атласи назаре хоҳише надӯхтаам, фалак зи хиркаи паиминаам чӣ мехоҳад? ... Чӣ дар либоси ман афтода осмон, Толиб, зи қўҳна хиркаи паиминаам чӣ мехоҳад?*

²⁵⁶ Кашифи Х.В. Трактат о доблести султана. – С. 64.

²⁵⁷ Кашифи Х.В. Трактат о доблести султана. – С. 60.

одежду для нечистого заработка. По словам классика, некоему суфию предложили продать *хирку*. Тот ответил: «Как тогда будет ловить дичь охотник, продавший свои силки?».²⁵⁸ Кроме того, указанный таджикский сатирик в своем трактате «Определения», содержащем ироничные характеристики разных, присущих той эпохе, понятий и названий, злословит, что под термином «суфий» следует понимать живущего за чужой счет тунеядца.²⁵⁹

В этом контексте заслуживает внимания и одна из газелей Убеида Закани, которая была сочинена им в подражание творчеству Омара Хайяма. В сюжете газели говорится, что лучше пить вино в кругу друзей и радоваться жизни, чем лишиться себя этих удовольствий, выполняя хадисы лживых проповедников:

Не внимай проповеди людей, одетых в *хирку*, бессердечных и нерадивых.

Которые носят четки на шее подобно бубенчику на осле.²⁶⁰

Сайидо Насафи, проживший среди простого народа и беспощадно осуждавший царившую в обществе несправедливость, также не мог не затронуть данную тему:

Поскольку в городе носители власяницы вероломствуют,

Опасаясь каждого одетого в шерстяную *хирку*.²⁶¹

²⁵⁸ Убейд Закани. Избранные произведения. – С. 10-11.

²⁵⁹ Убейд Закани. Избранные произведения. – С. 106.

²⁶⁰ Убейд Закани. Избранные произведения. – С. 172: *Мангар ба ҳадиси хирқапӯшон, он сахтдилони сусткӯшон. Овехта субҳашон ба гардан, ҳамчун ҷаранг аз дарозгӯшон.*

²⁶¹ Сайидо Насафи. Избранные произведения. – С. 337: *Ба шаҳр аз шолтӯшон баски шуд пайдо хиёнатҳо, ба дӯши ҳар ки бинам хирқаи пашмина, метарсам.*

В то же время, Убейд Закани признавал, что *пашмину* (власяницу) и *хирку* вправе носить только набожные мужи, которые в своих деяниях обнаруживают образцовую приверженность религии:

Добейся избавления от корысти,
И лишь после оденься в синюю *хирку*.²⁶²

Не воспламеняй мою кровь в печени,
Стремишься быть среди лучших, так надень подобающую им
власяницу.²⁶³

Известный богослов и проповедник средневековья Хусейн Ваиз Кашифи пишет, что главная цель надевания *хирки* состоит в том, что она является одеянием товарищества. Наряженный в такое одеяние не может свершить недружелюбные поступки, а если он произведёт такие деяния, будет чужим в кругу товарищества бедноты. Такой мысли поэта сопутствуют следующие его стихи:

О, проворно разодетый в отрепья,
Ступай по пути бедности строго.
Не доставляй страдания окружающим,
Недозволительно причинение обиды носителями *хирки*.
Кровожадный чужак в халате *кабо*,
Лучше притеснителей, носящих *хирку*.²⁶⁴

²⁶² Убейд Закани. Избранные произведения. – С. 241: *Бирав чаими ҳавасро мил даркаш! Пас он гаҳ ҳирқаро дар нил даркаш!*

²⁶³ Убейд Закани. Избранные произведения. – С. 241: *Мазан чун нор дар хуни чигар ҷӯш, беҳӣ хоҳи, чу биҳ пашмина меҷӯш!*

²⁶⁴ Кашифи Х.В. Трактат о доблести султана. – С. 60: «Ало, эй мураққаъ бипӯшида ҷуст, қадам дар раҳи фақр манеҳ дуруст. Дар озори ҳеҷ офарида макӯш, ки озор бад бошад аз хирқапӯш. Қабопӯши хунрезӣ бегонаҳӯй, беҳ аз хирқапӯшони озорчӯй».

В свою очередь, Саади Ширази писал:

Саади, закрой глаза или сброс с плеч *хирку*,
Неприемлем нигилизм для носителя смиренной одежды.²⁶⁵

Таким образом, халаты *гилем*, *дурроа*, *хирка* и *далк* следует рассматривать в качестве предметов верхней одежды религиозного значения. Вхождение Средней Азии в состав великого государства со светскими основами (СССР) и последовавшие затем прогрессивные изменения в жизни общества обусловили исчезновение здесь *хирки* и *далка*. В то же время, *гилем* и *дурроа*, традиционно служившие в качестве повседневной и служебной одежды священнослужителей, сохранились в их костюме, хотя в их крое, видах и расцветке используемых в пошиве материалах определенные изменения последовали. Кроме того, трансформацию *гилема* можно наблюдать в чекменях из суконых материй *рагза* и *барак*, а также в одноименных шерстяных платьях горцев Таджикистана, широко распространенных в конце XIX – первой половине XX века.

²⁶⁵ Саади Ширази. Сборник сочинений. – Т. 2. – С. 34: *Саъдӣ, назар бипӯшон ё хирқа дар миён неҳ, риндӣ раво набошад дар ҷомаи фақирӣ.*

ГЛАВА 3. ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДМЕТОВ СТЕГАННОЙ ВЕРХНЕЙ ОДЕЖДЫ ТАДЖИКОВ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ В НАРОДНОМ КОСТЮМЕ

3.1. Повседневная одежда

Другим видом в прошлом весьма распространенного предмета одежды в костюмном комплексе таджиков являлся стеганный халат или кафтан, который в большей степени относится к группе опоясываемых одежд. Обзор источников дает основание считать, что в средневековье такую одежду называли *джубба*. Наличие прокладочного слоя, по сути ваты, превращало ее в теплую верхнюю одежду, однако этот фактор не ограничивал сезонность ношения *джуббы*. Известно, что такой халат носили во все периоды года или, как говорят, «и в зной и в стужу». На мотивах ношения *джуббы* летом еще остановимся, однако принципиально, что основное ее предназначение - для надевания в холодную погоду. По сути, она служила в качестве пальто или шубы. В таком качестве *джубба* была особо распространена в равнинных районах. В горах и предгорьях, отличающихся более холодной зимой, жители вместо стеганого халата, как правило, пользовались шерстяными плащами – чекменями. Ткань отдельных сортов чекменей подвергалась валке, что делало их более теплой и придавало водонепроницаемость.

Другими словами, в средневековье, если в качестве летней верхней одежды служили халаты *кабо* и *фараджи*, зимой эта роль отводилась *джуббе* и чекмени. В таком значении *джуббу* также называли *ток*.²⁶⁶

Конструктивные особенности. *Джубба* представляла собой верхний распашной халат с подкладочным слоем и ватной прокладкой. Фактически речь идет о восточном одеянии, которую сегодня принято называть *джома*

²⁶⁶ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 2. - С. 20; Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте'. - Т. 2. - С. 252.

или *чапан*. Другими словами, со временем в Средней Азии термин «джубба» вышла из употребления. Взамен него жители Центрального и Южного Таджикистана стали пользоваться термином «джома», а в Северном Таджикистане для этой цели прижилось слово «чапан» («чапон»). К сведению, «джома», как и «джубба», также является старинным термином, однако прежде его употребляли в более широком, обобщающем, значении: в средневековье так обозначали всякую ткань и все виды одежды.

Под названием «чапан» стеганый халат получил широкую известность на Руси, хотя там кафтан восточного покроя чаще называли *азямом*.

В арабском мире слово «джубба» в качестве названия теплой верхней одежды сохранило свое значение до настоящего времени.

То, что *джубба* была стеганым халатом, подтверждает, к примеру, составитель словаря «Гияс ул-лугот». Он пишет, кроме того, что *джуббу*, сшитую из двух слоев белой ткани с простежкой отдельных мест синей нитью, называли *мехи*. Такую одежду носили дервиши.²⁶⁷ О ее стеганом строении есть информация и от ас-Саби (XI век). Как отмечено в сочинении этого историка «Установления и обычаи двора халифов», посетитель покоев халифа должен был «почистить зубы, говорить тихим голосом во время бесед и споров, носить под своими одеждами *джуббу*, стеганную ватой, и зимой и летом, чтобы не выступал (наружу) пот».²⁶⁸

Джуббу шили длинной, ее подол доходил до колен и ниже. Нередко длину халата доводили до щиколоток. Существовала также короткая *джубба*, до бедер, однако в этом случае ее называли по-другому – *хафтон* (кафтан). В холодный период года *хафтон* был распространенной одеждой мужчин и женщин. Вместе с тем, короткую одежду чаще носили воины и дворцовые слуги. Прислуга во дворцах носила *хафтоны* в качестве верхней

²⁶⁷ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 2. – С. 330. Однако эта заметка не позволяет отнести *мехи* к группе теплых одежд, так как нет информации о наличии в нем прокладочного слоя.

²⁶⁸ Хилал-ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов. – С. 35-36.

одежды, а также под *кабо* или *фараджи*. Так поступали и военные, но уже в мирное время. Перед сражениями ратные надевали *хафтон* под кольчугой.

В современных словарях нередко *джуббу* описывают подобно плащу *дурроа* – широкой долгополой одеждой. Это, в целом, правильная характеристика, хотя нужно учесть, что *джубба*, в отличие от *дурроа*, не являлась служебным одеянием религиозных деятелей и ученых-богословов. Она служила теплой одеждой для всех слоев населения независимо от рода деятельности. Именно с этой точки зрения следует воспринимать следующие строки в творчестве Амир Хосрова Дехлави:

Не усмотри в *джуббе* одеяние милосердия ученого,
Потому, что под *дурра* 'а он носит пестрый подклад.
Богословие и действия надобны ему для притворства и уловок,
Склонения и синтаксис нужны ему для поборов и кражи.²⁶⁹

Различить на миниатюрах *джуббу* от халатов другого вида (назначения), таких как *фараджи* или *кабо*, можно, обратив внимание на фактуру материала. Надетая *джубба* поддерживает форму, в глаза бросается ее жесткая посадка на тело, она не образует складки (илл. 3.1.1).

Вельможи носили нарядные *джуббы*, сшитые из дорогих тканей. Историк А. Байхаки назвал роскошными такого названия зимние верхние одежды, в которых ходили царский советник при дворе Газневидов Бу Бекр Хусейри и его сын: отец носил «*джуббу* желтую, как шафран», а сын – «бундарскую *джуббу*».²⁷⁰ Правда, смысл термина «бундари», который, возможно, имел географическое значение, остается невыясненным.

В «Истории Масуда» зафиксированы и другие случаи ношения *джуббы* высокими сановниками. Такой халат носил, в частности, Хасанак,

²⁶⁹ Амир Хосров Дехлеви. Избранные произведения. - Т. 4. – С. 816: *Чуббаи хайр-ус-сиёб-ул-байзи олимро мабин, з-ин ки ўро дар таҳи дурроъа рангин астар аст. Дидани фикҳу усулаш баҳри зарку ҳилат аст, хондани тасрифу наҳваш аз паи рафъу цар аст.*

²⁷⁰ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 239, 247.

служивший визирем у свергнутого Мухаммеда Газневида. В момент, когда Хасанак был арестован по приказу нового правителя (эмира Мас'уда) по обвинению в приверженности карматскому движению, он был «в *джуббе* чернильного цвета, почти черной, поношенной, в *дурроа* и очень красивой накидке, в нишапурской потрепанной чалме...». Описывая сцену казни Хасанака, Байхаки пишет, что того заставили снять *джуббу*, рубаху и чалму, оставив в одних шароварах²⁷¹. Как видим, одежду, носимую Хасанакom наряду с *джуббой*, историк вначале называет *дурроа*, затем – рубахой. Это может означать, что бывший визир носил *джуббу* поверх служебной одежды (*дурроа*), следовательно, речь идет о холодном периоде года. Вместе с тем, причисление *дурроа* к рубахам является спорным, если принять во внимание, что такая одежда, как правило, служила в качестве одеяния, носимого как раз поверх рубахи.

По свидетельству этого же историка - очевидца событий, происходивших в Центральной Азии в X-XI веках, наместник Саманидов в Хорасане Бу Али Симджури, после того, как по настоянию эмира Сабуктегина был арестован в Бухаре и переправлен в Газну, был одет следующим образом: «на нем была *джубба-и уттаби* зеленого цвета и шелковая чалма». ²⁷² Другими словами, упомянутая верхняя одежда была сшита из *уттаби* - шелковой переливающей (объяринной) ткани с линейной отделкой, применявшейся в X-XIX веках в мужских и женских верхних халатах состоятельных людей. Центры производства такой дорогой материи, которую также называли *хоро*, находились в Ираке (Багдаде, Масуле), Азербайджане, персидских городах Нишапур, Рей, Тебриз, а также Хорезме (в XIII веке).²⁷³

Рассматриваемый вид одежды был распространен и на просторах Африки. Согласно ибн Баттуте, султан Мали обычно носил «красную

²⁷¹ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 260, 264.

²⁷² Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 287.

²⁷³ Иброхимов М.Ф. Традиционное ткачество таджиков: История и технология. - С. 125-126.

джуббу из ромейской ткани, покрытой ворсом, которая называется *ал-мутанфас*».²⁷⁴ В дни праздников личные слуги правителя этой африканской страны также наряжались в *джуббу* красного и голубого цветов и носили на головах белую кисею (*шаши*).²⁷⁵

Применение ворсовой материи в качестве лицевого материала в *джуббе* проливает свет на происхождение термина «шуба» как названия верхней одежды на меху. Во всяком случае, подобный вывод отдельных исследователей выглядит логичным.²⁷⁶

В то же время, мнение про то, что слово «юбка» также произошло от термина «джубба», вызывает сомнение. Дискуссионным является также утверждение, что «еще в древнем мире существовал вид одежды, как туника без рукавов, на арабском языке называвшаяся «джубба»».²⁷⁷

Материалы для пошива. По материалам, приведенным выше, выясняется, что для представителей богатых слоев населения верх *джуббы* шили из шелковых тканей. Цвет верхней ткани мог быть разных расцветок: белым, желтым, голубым, фиолетовым, красным и др. Эти материи могли быть гладкого оформления или узорчатыми. В одной из историй, описанных Низам ал-Мульком в «Сиасет-наме» упоминается *джубба*, сшитая из наиболее дорогой шелковой ткани средневековья - *дибо*. Он рассказывает, что во времена правления Фахр ад-даулэ из династии Буидов в Рее, затем в Джибале, многие влиятельные лица остались без должностей и внимания владыки. Они размышляли над тем, каким образом перейти в услужение султану Махмуду Газнеvidу, врагу Фахр ад-даулэ. Решив разузнать, с какой целью те ежедневно собираются вместе и тайно беседуют, Фахр ад-даулэ приказал своим приближенных привести их во дворец, где лично устроил расспрос. Выяснив причину, повелел слугам сшить для них «двадцать *джубб*

²⁷⁴ Ибн Баттута. Подарок наблюдающим диковинки городов и чудеса путешествий. – С. 684.

²⁷⁵ Ибн Баттута. Подарок наблюдающим диковинки городов и чудеса путешествий. – С. 686.

²⁷⁶ <http://mirborisa.com/?p=37541>. - Дата обращения: 02.03.2014.

²⁷⁷ <http://www.eliashop.com.ua/dzhubba-762.html>. - Дата обращения: 02.03.2014.

из *дибо*, устроить двадцать тюрбанов из ткани *касаб*, приказал привести двадцать лошадей с седлами и сбруей», а также назначил на службу.²⁷⁸

В то же время, в качестве лицевого материала для такой одежды применялись также шерстяные и хлопчатобумажные ткани. Хлопчатобумажная *джубба* упоминается в сюжете старинной персидской сказки «Коробочка». В ней рассказывается, как воробей, нашедший коробочку хлопка, поочередно уговаривал разных умельцев выполнить прядение хлопка, тканье ситца, крашение материи в небесно-голубой цвет и, наконец, пошив *джуббы*. Про назначение изделия в сказке говорится, что потребность в нем появилась зимой, что выглядит естественным.²⁷⁹

Подобный предмет одежды и в наши дни считается традиционной для многих народов Востока. Уже говорилось о стеганом *чапане* – теплом хлопчатобумажном халате среднеазиатских мужчин и женщин. У таджиков и узбеков еще в недавнем прошлом в стеганый халат наряжались женихи во время свадебной церемонии (илл. 3.1.2, справа, 3.1.4). Такая одежда с некоторыми национальными атрибутами продолжает оставаться популярной и у других мусульманских народов Средней Азии, а также в Иране, Афганистане, Пакистане, Турции.

Современный *чапан* у таджиков представляет собой длинную и широкую распашную верхнюю одежду без ворота и пуговиц (илл. 3.1.3, 3.1.4). Длина рукавов немного превышает длину рук, что необходимо для поддержания рук в тепле в холодную погоду. Благодаря особому крою во время надевания *чапана* его одна пола оказывается над другой. Это необходимо для того, чтобы во время движения без пояса халат не распахивался. Боковые разрезы *чапана* позволяют человеку не испытывать неудобств во время движения или приседания. Такой, в общем, несложный крой применяется как для мужских, так и для женских, а также подростковых стеганых халатов.

²⁷⁸ Низам ал-Мульк. Книга о правлении. – С. 145.

²⁷⁹ http://tvoyaskazka.ru/?page_id=4844. – Дата обращения: 02.03.2014.

В наши дни стеганый халат носят, как правило, не опоясанным. Пояс подвязывают поверх *чапана* лишь во время траурных мероприятий близкие покойного (3.1.2, 3.1.4). Обычно для этого используется вышитый платок.

В качестве лицевого материала для мужских повседневных *чапанов* применяются шелковые и хлопчатобумажные гладкие и полосатые ткани. Как правило, это плюш, натуральный или искусственный шелк или сатин черного, синего или зеленого цветов, а также пестрый *бекасаб*. Во второй половине XIX – середине XX широко распространены были стеганые халаты из разных сортов пестрядинной ткани *алоча* – хлопчатобумажной, шелковой и полушелковой. Для верха мужского *чапана* применялись также абровые ткани, например, *адрас*.

Более разнообразной по отделке лицевого материала являются женские стеганые халаты. Здесь практически нет никаких ограничений. Причем, чем пестрее узор ткани *чапана*, тем охотнее его носят.

Для подкладки применяются набивные хлопчатобумажные ткани сатин или ситец с преимущественно темными узорами по белому фону. Такую одежду не декорируют, лишь по краям подола, полов, ворота и рукавов обшивают плетеной тесьмой *зех*, цвет которой контрастирует с цветом основной ткани. Функция тесьмы как декоративная, так и практическая: с ее помощью укрепляются внешние швы халата. Кроме того, на каждой поле в области груди пришивают для декорации отрезок такой же тесьмы длиной 12-15 см в виде ломаной линии так, чтобы при сведенных полах халата эти нашивки образуют форму парных рогов.

В наши дни *джуббу* носят также представители разных африканских народов, в особенности, жители северо-востока этого континента. Примечательно, что для обозначения подобной одежды здесь все еще употребляется термин «джубба». К примеру, сегодня в Судане так называют широкий шерстяной халат темных расцветок, который надевают мужчины

племени баккара поверх просторной рубашки и штанов белого цвета из хлопка.²⁸⁰

Название «джубба» остается в употреблении и у пуштунов в Афганистане. Как описала А.А. Арсланова, у них по сложившейся традиции «жених надевает широкий халат - *джубба*, подобный тем, которые носят арабские шейхи. Он сшит из черного бархата или саржи. На обшлагах и предплечьях рукавов имеется золотое шитье, спина тоже вышита. Часто их вышивают красным или голубым шелком».²⁸¹

В Средней Азии термин «джубба» как название предмета традиционной одежды сохранился в лексиконе узбекского населения юга Хорезмского оазиса. Согласно описанию, данному Ш.К. Нуруллаевой, этот одежный предмет представляет собой теплую рубашку, стеганую на вате. Рубаха длинная, нераспашная, с горизонтальным воротом, боковыми разрезами и ластовицей под мышками. Прежде ее применяли в качестве повседневной одежды и взрослые и дети. Используется она и в наши дни, однако, только в качестве детской одежды. Облегченный вариант такой рубахи для носки в летний период назывался *ялангкат*.²⁸² Цветные иллюстрации двух образцов детских стеганых рубашек *джубба*, сшитых в 80-е годы XX века в Хиве, приведены в альбоме Н. Садыковой по народной одежде хорезмийцев. Они сшиты из хлопчатобумажных штапельных тканей на ситцевой подкладке и простеганы на вате²⁸³.

Образец такой рубашки туникообразного кроя, предназначенный для детей, хранится в фондах Российского Музея антропологии и этнографии. Он доставлен в музей в составе коллекции № 6364-9, собранной К.Л. Задыхиной и Е.П. Николаичевой в 1958 году. В музейном каталоге эта стеганая одежда

²⁸⁰ <http://vafrike.ru/lamba> (Дата обращения: 09.07.2014).

²⁸¹ Арсланова А.А.. Семейно-брачные обряды пуштунов Афганистана. - <http://nevesta-kazan.narod.ru/text/pushtun/14-odevanie-jeniha.htm> (Дата обращения: 09.07.14).

²⁸² Нуруллаева Ш.К. Традиционная одежда узбеков Хорезмского оазиса (конец XIX – первая половина XX века). – С. 17.

²⁸³ Садыкова Н. Национальная одежда узбеков Хорезма XIX – XX вв. – С. 28.

обозначена как *гуппи*. Она имеет тот же покрой, который описан Ш.К. Нуруллоевой. В своей статье, посвященной анализу этого экземпляра, Т. Равдоникас со ссылкой на другие исследования происхождения слова «гуппи» связывает с различными названиями одежд, в том числе с «кабо». Однако на наш взгляд, основанный на сходстве в произношении слов и общности строения обозначаемых изделий (стеганая одежда), генезис слово «гуппи» связан с термином «джубба».

По словам К. Шаниязова, такая рубаха, опять же называемая *гуппи*, «в прошлом носилась всеми карлуками мужского пола и детьми (независимо от пола). В настоящее время *гуппи* носят только чабаны и дети». К. Шаниязов правильно подмечает, что прежде такую одежду носили многие народы Средней Азии²⁸⁴.

О.А. Сухарева в своей книге, посвященной самаркандскому костюму эпохи позднего средневековья, различает стеганный халат (*чапон*) и стеганую рубаху (*гуппи*). Она, кроме того, обращая внимание на наличие нескольких, надеваемых один поверх другого, халатов в мужском одежном комплексе, подмечает, что зимой в Самарканде стеганный халат (или стеганую рубаху) надевали под легкий халат *яктах*.²⁸⁵ Такой порядок ношения стеганой одежды указывает на то, что в ней ценилось, прежде всего, функциональное значение (согревающая одежда), а не эстетическое (нарядность).

А теперь зададимся вопросом: если *джубба* – предмет теплой одежды, зачем ее надевали в краях с жарким климатом? Или почему в других местах такую одежду носили и в холод, и в жару? Дело в том, что содержащее несколько слоев теплое одеяние может успешно защитить организм не только от мороза, но и от жары, так как хорошо удерживает прохладу. Этим его свойством издавна пользуются, к примеру, в южных районах Таджикистана, где летом температура воздуха превышает сорок градусов. В

²⁸⁴ Равдоникас Т. Одна из функций стеганой одежды. – С. 175-181.

²⁸⁵ Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX - начало XX в.). – С. 12, 22.

такую погоду земледельцы в полдень выходят на полевые работы, надев теплый *чапан* и плотно перевязав его поясом. Вследствие потовыделений *чапан* вскоре увлажняется, после чего начинает выполнять функцию защитного изоляционного слоя между телом и окружающей средой. Другими словами, создается мобильный индивидуальный «кондиционер».

Этой же логикой руководствуются арабы, которые охотно носят *джуббу*, хотя проживают круглый год в условиях жаркого климата. Достаточно красноречиво написано в этом контексте в публикации «Эпоха удобной одежды. Костюм ислама»: «Костюмом для передвижения по пустыне и засушливой степи является теплый-претеплый халат. Именно халат, не менее чем до колена, а лучше почти до земли, спасает от + 40 днем и + 5 ночью... Верхней одеждой арабов этого региона (Ближнего Востока, Африки) является не совсем халат (слово «халат» более в ходу в Средней Азии) - это *джубба*, широкий балахон, расширяющийся книзу и достигающий до земли. Только такая длина одежды дает всаднику прикрыть ноги. Рукава *джуббы* немного расширяются. Сшита *джубба* из самого массового здешнего материала - шерсти. Поверх одежды (*джуббы*, или рубахи, под нее одетой) обязательно наматывался кушак метра в два длины - для тепла и транспортировки материальных ценностей. Женская одежда, в общем, аналогична мужской, только нижняя рубаха длиннее». Примечательно, что далее автор указанной статьи для сравнения дает описание теплого халата (*чапана*) жителей Средней Азии: «Одежда Средней Азии характерна тем, что, во-первых, здесь лучше развито земледелие и ткачество; во-вторых, негде с таким размахом пасти верблюдов; в-третьих, чуть мягче климат. Верхней одеждой служит халат. Обычно он стеганный на вате, тем более хлопка везде много. В отличие от сухого и пыльного Магриба с Аравией, пыли здесь особо не боятся, и халат не перекрывает горло, а довольно низко его открывает. Красились халаты не только в один

цвет, но и в полоску. Под халат надето: минимум - набедренная повязка, максимум – штаны и рубаха».²⁸⁶

Образец одежды такого названия, имеющий отношение к 60-м годам XIX века, вместе с длинным поясом и дополняющими мужской костюм другими предметами одежд, экспонируется в музее ливанского города Бейт-ад-дин. Здесь *джубба* имеет вид просторного пальто с длинными рукавами.²⁸⁷ Известны и некоторые другие конструктивные особенности *джуббы* как атрибута арабского народного костюма: верхняя одежда из сукна, с широкими рукавами, без среднего шва, но с боковыми разрезами и невысоким воротником-стойкой, застегивающимся вверху на одну пуговицу.²⁸⁸

Трансформация в народном костюме. Уже отмечалось, что *джубба* со временем трансформировалась в стеганый *чапан* (*джома*). Возвращаясь к таджикскому народному костюму, следует отметить, что в наши дни, особенно в городах, *чапан* постепенно выходит из употребления, хотя в прошлом такая одежда у таджиков была широко распространенной. Важнейшим фактором популярности *чапана* служило главное присущее ему достоинство – удерживание тепла зимой и прохлады летом. Нет преувеличения в утверждении о том, что в указанном регионе *чапан* в своем гардеробе имел практически каждый горожанин и сельский житель. Обратив внимание на этот предмет костюма, можно было точно угадать общественный статус, уровень доходов, вид деятельности и местность проживания его владельца. Состоятельные лица носили роскошные *чапаны* из дорогостоящих тканей, малоимущие ходили простые стеганые халаты из сравнительно дешевых материй. Элита местной аристократии носила изумительные по красоте *чапаны* на бархате с золотой вышивкой. Такие

²⁸⁶ Костюм ислама («Эпоха удобной одежды»). - <http://www.kulichki.com/tolkien/ambar/eglador/rus/rpgtext/9706/0003.html> (Дата обращения: 09.07.14).

²⁸⁷ Эволюция арабского костюма. - http://www.costumehistory.ru/view_post.php?id=176 (Дата обращения: 09.07.14).

²⁸⁸ Арабский костюм. - http://steppe.konvent.ru/id_cit_3.htm (Дата обращения: 09.07.14).

халаты, воистину, являлись шедеврами прикладного искусства, самобытными произведениями народного творчества.

При всем том, примечательно, что *чапаны* на самый изощренный вкус, сшитые на основе сложившихся традиций кроя и с присущими элементами новаторства можно легко найти на рынках в любом городе Таджикистана. И на них находятся покупатели. Дело в том, что с давних времен у этого народа все важные обряды, такие как дни рождения, свадьбы или похороны, сопровождалось подношением *чапанов*. И, несмотря на то, что в наши дни в повседневном народном костюме *чапан* встречается крайне редко, нельзя не отметить, что молодые таджики в самый ответственный момент своей жизни – в течение нескольких дней, а то и недель после свадьбы, ходят дома и выходят из него, надевая нарядный *чапан*.

Таким образом, сложившиеся веками, богатые культурные традиции таджикского общества, выражаются, в том числе, и через такой элемент народного костюма, как национальный стеганный халат. Через теплый халат со своеобразным видом покроя, зачастую из нарядных тканей, который прежде называли *джубба*, а сегодня – *джома*, *чапан*. Приведенные в этом разделе работы материалы показывают, что в составе традиционной одежды стеганный халат выполнял как практическую (утилитарную) функцию (защиту тела от неблагоприятных погодных воздействий), так и культурную эстетическую (применение в качестве свадебной одежды, в костюме жениха).

3.2. Военская одежда

Материалы письменных источников упоминают в одежде воинов те предметы, которые присутствовали и в гардеробе представителей других видов занятий. Наглядный пример – костюмы правителей. В государстве владыка возглавлял, как и сегодня, и военную и административную власть,

значит, в зависимости от конкретных обстоятельств пользовался одеждой, как воинской, так и гражданской.

В источниках плечевая одежда для битв описана по преимуществу состоящей из кафтана (*хафтон*), надеваемого под кольчугу, поверх которых носили *кабо*. Воинский костюмный комплекс дополняли толстая поясная одежда (шаровары), шлем *худ* и аксессуары (пояс, оружие и др.).

Поясная одежда называлась *изор*, *лунги* (*лангута*), *пойджома*, *ронин*, *тунбон*, *фута*, *шалвор*²⁸⁹. Воины, как и борцы, зачастую носили кожаные шаровары.

Традиции ношения плаща *кабо*, в том числе в аспекте использования его военными, были освещены в разделе 2.1 настоящей работы. Здесь же проанализируем материалы источников, имеющих отношение к *хафтону*.

Хафтон или кафтан - так называли одежду военных, которую одевали под кольчугой *джавшан*. Кафтан характеризовался большой толщиной, что обуславливалось его предназначением (илл. 3.2.1,а). Для этой цели его шили в несколько слоев, отсюда другое название, таджикское, – *чилтах* («в сорок слоев»). Простые воины носили грубый *хафтон*, который иногда называли *салб*²⁹⁰ (корень слова «либос» - «одежда»). Поверх кафтана и кольчуги витязи надевали *кабо*. На это указывают следующие два стиха из «Гершасп-намы»:

Надел в тот же миг *хафтон* злобы,
Поверх него – *кабо* из китайской златоткани.²⁹¹

Замыслил вместе с дворцовыми слугами,
Которые под *кабо* имели кольчуги и мечи.²⁹²

²⁸⁹ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 1. - С. 50; Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте'. – Т. 1. – С. 84.

²⁹⁰ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 1. - С. 309, 432.

²⁹¹ Асади Туси. Гершасп-наме. – С. 371: «*Ҳамон гаҳ бипӯшид хафтони кин, зи боло қабо карда зарбафти Чин*».

²⁹² Асади Туси. Гершасп-наме. – С. 293: «*Сиголид бо ридакони сарой, ҳама теғу ҷавшан ба зери қабой*».

Хафтон как предмет костюма военных упоминается во многих литературных произведениях средневековья, однако наиболее часто и в наиболее подчеркнутой форме о случаях ношения такой одежды написано в «Истории Мас'уда». Исходя из данного обстоятельства, особенности конструкции и оформления *хафтонов* рассмотрим, опираясь преимущественно на сведения А. Байхаки.

Для пошива *хафтонов* использовали материи разных составов. Применялись хлопчатобумажные, шелковые, шерстяные и, вероятно, льняные ткани. Так, во время выезда эмира Мас'уда из Газны в Шабехар его сопровождала большая свита, в числе которых были триста гулямов (слуг), утопающих в золоте и серебре, все в *хафтонах* из сукна *сакирлот* и румского (византийского) шелка.²⁹³ Упомянем, что *сакирлот* – название шерстяной ткани красного цвета, окрашенной кошенилью.

Для правителей, военачальников, других высших чиновников *хафтон* шили из дорогих тканей, зачастую из шелковых, орнаментированных материй. Примером служит «драгоценная одежда», которую эмир Мас'уд вручил Хасану сыну Сулеймана при назначении его на должность шихне (коменданта города) Рея: «*хафтон* с эмирского плеча из румского (византийского) шелка, золотой пояс весом в пятьсот мискалей и другие предметы под стать этим».²⁹⁴

А. Байхаки упомянул также про «*хафтон* из багдадского *саклатуна*, белый пребелый, с весьма мелким узором», которым эмир Мас'уд одарил ходжу Ахмеда сына Хасана, назначая его на должность визиря.²⁹⁵

Приведенные материалы убедительно свидетельствуют, что *хафтон* являлся распространенным элементом одежды воинов, а также весьма часто

²⁹³ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 373.

²⁹⁴ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 93.

²⁹⁵ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 229.

встречался в составе костюмного комплекса дворцовой аристократии и прислуги.

Историк Байхаки свидетельствует, что в гардеробе эмира Мас'уда было много *хафтонов*. Кафтанами со своего плеча он неоднократно одаривал новых назначенцев на должности и особо отметившихся сипахсаларов или хаджибов (военачальников).²⁹⁶

Кафтаны были разного цвета. Книжные миниатюры изображают кафтаны самых разных расцветок и узоров, об этом можно найти упоминания и в письменных источниках. Так, в цветные *хафтоны* были одеты «гулямы (солдаты) в полном вооружении» на приеме эмира Мас'уда Газневид, специально устроенного в честь посла халифа.²⁹⁷

Личные гулямы (слуги) эмира Махмуда, которые обладали правом наливать ему вина, были красавцами и носили яркие наряды. Описывая их костюм, Бейхаки писал, что один из них (Тогрул), собираясь заняться обслуживанием своего господина, был одет в *хафтон* алого цвета, а на его товарище был бирюзовый *хафтон*.²⁹⁸

Или вот еще один пример, также зафиксированный в «Истории Мас'уда»: в шелковый *хафтон* яхонтового цвета был одет эмир Мухаммед Газневид, когда арестовали его по велению старшего брата Мас'уда.²⁹⁹

А. Байхаки упоминает также *хафтоны* других цветов. Когда эмир Мас'уд провожал вновь назначенного салара (военачальника) Хиндустана Ахмеда Йинал-тегина к месту назначения, военачальник был одет в *хафтон* яхонтового цвета³⁰⁰.

Продолжая рассуждать о расцветках *хафтонов*, обратим внимание на следующий интересный нюанс. Выясняется, что в XI веке существовала традиция в дни траура носить белую одежду, что полностью противоречит

²⁹⁶ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 215.

²⁹⁷ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 115.

²⁹⁸ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 340.

²⁹⁹ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 141.

³⁰⁰ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 361.

современным правилам проявления горя. Сегодня в Центральной Азии траурными считаются черный и темно-синий цвета. Однако при Газневидах наличие *хафтона* белого цвета в костюмных ансамблях скорбящих было вполне естественно. Так, на траурном приеме эмира Мас'уда по случаю смерти его отца (Сабуктегина) в 997 году, который длился целых три дня, он сам, а также все его вельможи, предводители и разного рода воинство были одеты в белые *хафтаны*.³⁰¹

В таком траурном костюме эмир Мас'уд устроил прием и на обряде оплакивания по случаю кончины халифа ал-Кадира Биллаха. По словам Бейхаки, в это время «чалма и *хафтон* на нем были белые и все родичи, свита и хаджибы (камердинеры) явились в белом».³⁰²

Своеобразным во дворе Газневидов было отношение и к кафтанам черного цвета. Их тут носила аристократическая прислуга, однако во время отдельных обрядов этого не позволялось. Так, автор «Истории Мас'уда» пишет, что старший хаджиб (камердинер), как правило, вместе с двурогой шапкой и золотым поясом носил черный *хафтон*.³⁰³ Возведя в Кабуле Бу Насра, на тот момент начальника слоноводов, в ранг хаджиба (камердинера), эмир Мас'уд пожаловал ему «халат хаджиба». В таком качестве Бу Наср предстал пред лицо эмира «в черном *хафтоне*, в двурогой шапке, (опоясанный) златосеребряным поясом».³⁰⁴

Но хаджибу (прислужнику) визиря, который должен был следовать перед своим господином, когда последний являлся на официальный прием государя, не позволялось быть одетым в черную одежду. Именно поэтому, когда в хаджибы был возведен один из гулямов вновь назначенного визиря ходжа Ахмеда, ему специально был выдан цветной *хафтон*.³⁰⁵

³⁰¹ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 84.

³⁰² Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 383.

³⁰³ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 235.

³⁰⁴ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 377.

³⁰⁵ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 229.

Деталью повседневного костюма самого ходжа Ахмеда до назначения его визирем при дворе Газневидов, был «*хафтон*, по обычаю прежних времен», а на голове у него была «нишапурская или каинская чалма». Впрочем, к такому, ставшему для него привычным, костюму он возвратился уже на следующий день после своего назначения на столь высокий государственный пост.³⁰⁶

Имеется информация о существовании в XI веке *хафтонов*, украшенных золотой вышивкой. Так, эмир Мас'уд пожаловал сипахсаларам Гази (правителю областей Балх и Семенган) и Арьяруку (салар Хиндустана) «два *хафтона* со своего плеча, оба раззолоченные». Описывая эту сцену, А. Байхаки представляет нам еще одну важную информацию. По его словам, эмир тут же приказал, чтобы его мартебадары (придворные чиновники) собственноручно застегнули на сипахсаларах (военачальниках) кафтаны.³⁰⁷ Следовательно, в данном случае речь идет о *хафтонах* с пуговицами и, значит, *хафтон* был распашной одеждой.

Нижеследующая заметка А. Байхаки позволяет представить военный костюм того времени во всей красе, а также узнать происхождение другого вида шелковой ткани, которая тоже шла на пошив *хафтонов*. На церемонии приема багдадского посла, который прибыл в Балх с извещением о кончине халифа ал-Кадира Биллаха, четыре тысячи дворцовых гулямов (слуг) были построены в несколько рядов по обе стороны эмирского серая. Две тысячи были в двурогих шапках, в дорогах поясах о десяти подвесках, каждый с серебряной булавой, а две тысячи в четырехперых шапках меховых, с поясом, повязанным на чреслах, с саблей, колчаном и налучником у пояса, и у каждого гуляма в руках лук и три стрелы, все в кафтанах из шуштарского шелка. Человек триста гулямов-телохранителей стояли по сторонам суфы (небольшое искусственное возвышение из глины или кирпича во дворе или в саду, на котором летом проводят время днем, а ночью спят – Д.Р.), близко от

³⁰⁶ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 230.

³⁰⁷ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 308.

эмира, в еще более дорогом одеянии, в двурогих шапках, золоченых поясах с золотыми булавами. А несколько человек из них были даже в поясах, украшенных самоцветными камнями... Все придворные вельможи, правители областей и хаджибы были в двурогих шапках и золотых поясах.³⁰⁸

В мирной жизни военные поверх *хафтона* вместо кольчуги носили плащи, а вместо шлема - чалму.³⁰⁹ Плащами, о которых пишет здесь Байхаки, очевидно, являлись *кабо* (по преимуществу) и *фараджи* (иногда). В данном случае предпочтение нужно отдать *кабо*, так как именно оно, опоясанное, составляло верхнюю одежду витязей и во время битв. В этом можно убедиться на материалах средневековой миниатюры, посвященной военной тематике.

Хафтон содержал прокладочный слой, который набивался шелком или хлопковой ватой.³¹⁰ Такая одежда, естественно, сплошь покрывалась длинными стежками и, как было указано выше со ссылкой на первоисточник, открытый перед. Другими словами, она, будучи стеганой и распашной, по сути, представляла собой *джуббу* укороченного варианта.

Мы уже писали о том, что в гардеробе эмира Мас'уда – брата и соперника по трону Махмуда Газневиды *хафтаны* числились, они служили также элементами костюмов его сипахсаларов (хаджибов). Так, желая отблагодарить сипахсалара (военачальника) Гази за преданность, эмир распорядился «принести кафтан со своего плеча, и его набросили на Гази. Гази встал, надел на себя кафтан и облобызал землю. Эмир приказал принести охотничий пояс, осыпанный драгоценными камнями, подозвал его к себе и перепоясал его своей рукой».³¹¹

Итак, приведенные материалы подтверждают, что *хафтон* являлся практически неизменным атрибутом военной одежды. Будучи многослойным и толстым, он защищал тело от поражения вражеского

³⁰⁸ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 381-382.

³⁰⁹ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 84.

³¹⁰ Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте'. - Т. 2. - С. 329.

³¹¹ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. – С. 215.

оружия. Данная функция короткой (до бедер) среднеазиатской стеганой одежды стала предметом специального исследования Т. Равдоникаса, по результатам которого была опубликована короткая статья. Исследование основывалось на изучении образца нераспашной детской рубашки туникообразного кроя из фондов Российского Музея антропологии и этнографии (илл. 3.2.1,в). Можно согласиться с мнением Т. Равдоникаса, что короткая нераспашная одежда, носимая в средневековье воинами в качестве кольчуги, называлась *гуппи*³¹². Термин «гуппи» в качестве названия предмета одежды имеет древнее происхождение и зафиксирован еще в «Словаре тюркских языков» Махмуда Кашгари. Вместе с тем, на наш взгляд, если же в таком качестве применялась распашная одежда, ее уже называли по-другому - *хафтон*.

В словаре Будагова отмечается джагатайское происхождение термина «гуппи», которое, как указано, означает «латы». Вместе с тем, на наш взгляд, принимая за основу общность строения (наличие стежки) и близость звучания, нельзя исключить связь между этим словом и термином «джубба». Впрочем, об этом уже говорилось в разделе 3.1 настоящей работы.

Однако в старину взрослые носили *гуппи* или *гуппича* (уменьшительная форма термина) значительно большей длины, которая могла достигать до середины икр. О.А. Сухарева лично исследовала сохранившийся (правда, затем утерянный) реликвийный образец такой стеганой рубахи XVII века, принадлежавший Мавлоно Шарифу – представителю высшей аристократии Бухарского эмирата (илл. 3.2.1,б). Материалом, из которого была сшита рубаха, является простая хлопчатобумажная материя. По ее описанию, эта *гуппича* «представляла собой длинную, по-видимому доходившую до середины икр, нераспашную одежду без воротника, с длинными, несколько сужающимися книзу рукавами и полукругло вынутыми боками, с широким округлым вырезом ворота, открывавшим почти всю грудь». О.А. Сухарева в посвященной этой теме своей статье приводит фотоснимок рубахи и

³¹² Равдоникас Т. Одна из функций стеганой одежды. – С. 175-181.

отмечает ее сходство по некоторым признакам с распашным женским халатом *мунисак*. Этими признаками являются отсутствие воротника, округлый вырез ворота, округлые бока одежды. В указанной статье также приводятся описания хранящихся в музеях Санкт-Петербурга других образцах рубах *гуптича*, каждая из которых наряду с некоторыми общими чертами, характеризуется также отдельными различиями. Это, в частности, *гуптича*, доставленная из долины Сурхандарьи (Байсуна), хивинский образец и описанная выше детская рубаха.³¹³

Говоря о воинской одежде, следует упомянуть также о кольчуге, набитой ватой. В средневековых словарях приведены различные названия таких кольчуг: *багтар*, *багалток*, *баргустувон*, *гирора*, *дагла*.

Толстое одеяние воинов из грубой шерстяной ткани *палос* называлась *девджома* (букв. «одежда демона»). Впрочем, этот термин служил, кроме того, названиями шерстяной материи с выступающими ворсинками для халатов и головных уборов бедноты, а также шубы на меху, тулупа³¹⁴.

В источниках встречаются, кроме того, упоминания о таких предметах верхней одежды, как *чакман*, *капанак*, *пустин*.

Чакман (чекмен) обозначался также как *кабонамад*, с учетом чего уже был рассмотрен нами в раздел 2.1.

Согласно «Гияс ул-лугот», *капанак* являлся войлоком, который зимой набрасывали на плечи обездоленные³¹⁵. В «Бурхони коте'» отмечается, что его получали валянием козьего пуха *карак*, собираемого расчесыванием. Из такого сырья, по его словам, производили также шали, шапки и другие одежды.³¹⁶ Говоря о шальях (*шол*), Мухаммадхусайн Бурхон имеет в виду распространенную в IX-XVII веках грубую ткань одежного назначения из козьей, овечьей или верблюжьей шерсти. По всей видимости, здесь под шапками он подразумевает речь колпаки, которые носили дервиши. Хусайн

³¹³ Сухарева О.А. Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в. - С. 101-112.

³¹⁴ Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте'. – Т. 2. – С. 55.

³¹⁵ Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот. – Т. 2. – С. 161.

³¹⁶ Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте'. – Т. 2. – С. 368, 390.

Ваиз Кашифи придает *капанак* религиозную основу, причислив его к четырнадцати видам одежд, которые носили люди благородные, в том числе шейхи, суфии и дервиши.³¹⁷

Заключая раздел, отметим, что в средневековой Центральной Азии военные в качестве верхней одежды носили предметы одежды, присущие и для других социальных групп и сословий. В их костюме специфическими элементами плечевой одежды были *хафтон* и плащ *кабо*, причем плащи военных характеризовались различными длиной, фасоном, стилем ношения. В случае освобождения от предметов костюма, носивших непосредственно защитную функцию (кольчуга, шлем, оружие и др.), наряды военных практически не отличались от костюмов мирян. Изучение эволюции *хафтона* показывает, что элементы его трансформации в традиционной одежде прослеживаются в распашном варианте стеганой рубахи *гуппи*, а также камзолах длиной до бедер, с разной длиной рукавов или без них.

³¹⁷ Кашифи Х.В. Трактат о доблести султана. – С. 64

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное в рамках настоящей работы исследование по изучению предметов исторической верхней одежды и их трансформации в народной одежде таджиков позволяет заключить следующее:

- сохранение в рамках трансформационных процессов предметов верхней одежды минувших времен в традиционном народном костюме таджиков указывает на генетическое развитие и преемственность по отношению с предшествующими эпохами;

- историко-культурному прошлому Средней Азии присуща развитая типология верхней одежды. Преемственность традиций в ношении одежды с античных времен до современности обусловила формирование в этом регионе большого разнообразия предметов одежды такого назначения;

- халат (плащ) *кабо*, будучи одним из наиболее распространенных видов средневековой одежды и сохранившись в течение многих столетий, вошел в состав традиционной одежды таджиков, трансформировавшись в популярные халаты *яктах* (*джелак*). Применяли его преимущественно в качестве верхней одежды, поверх рубахи или платья и дополняли поясом. Поверх опоясываемого распашного *кабо* могло быть надето лишь более нарядное *фараджи*. Трансформация *кабо* в традиционном костюме таджиков и некоторых других народов региона свидетельствуют об устойчивости традиций его применения, которые утвердившись в глубине веков, сохранились вплоть до второй половины XX века;

- в эпоху развитого средневековья в Центральной Азии среди многих видов нарядной верхней одежды самым распространенным и наиболее известным являлся халат *фараджи*, который служил исключительно верхней одеждой. *Фараджи*, как и *кабо*, претерпевая со временем ряд стилевых (фасонных) и конструктивных (вид покроя) изменений под влиянием требований моды, смены идеологии, смешения разных культур, сохранилось в костюме многих поколений жителей региона. Халат такого типа

трансформировался в такие самобытные предметы традиционной одежды таджиков и ряда других народов Востока, как *яктах* (*джелак*), *мунисак*, *румча*, *нимча*, *камзул* и др.

- такие виды верхней одежды рассматриваемой эпохи, как *гилем*, *дурроа*, *хирка* и *далк*, носили религиозное значение и входили в одежный комплекс священнослужителей, блюстителей норм шариата и духовных аскетов. Прогрессивные изменения в жизни общества, обусловленные длительным нахождением Средней Азии в едином многонациональном культурном пространстве Советского Союза со светскими устоями со временем обусловили исчезновение здесь *хирки* и *далка*. В свою очередь, *гилем* и *дурроа*, являясь традиционными предметами повседневной и служебной одежды священнослужителей, сохранили такое свое значение вплоть до наших дней;

- национальный стеганный халат *чапон* или *джома*, как важный элемент народного костюма, является выразителем сложившихся веками, богатых культурных традиций таджикского общества. Он представляет собой трансформацию исторической одежды *джубба*. В стеганом халате реализовалось сочетание утилитарной (защита тела от неблагоприятных погодных воздействий) и эстетической функций. Культурно-эстетическое значение национального стеганого халата в составе традиционной одежды выразилось посредством его своеобразный покроя, использования для пошива, как одноцветных, так и нарядных тканей. Последнее обстоятельство отразилось, в частности, в применении его образцов в качестве и траурной и свадебной верхней одежды;

- специфическими предметами плечевой верхней одежды военных в регионе в средневековье были *хафтон* и плащ *кабо*. В целом, военный костюм включал предметы одежды (за исключением элементов, носивших защитную функцию), свойственные и для представителей других социальных групп и сословий. Признаки трансформации *хафтона* как короткой стеганой одежды с запахом наблюдаются в

распашных образцах стеганых рубаш *гуппи*, а также камзолах длиной до бедер, с разной длиной рукавов или без них.

- эволюция верхних одежд на территории Средней Азии в рассматриваемое время происходило во взаимосвязи с развитием костюма соседних регионов. Налаживанию этих связей способствовало совместное нахождение этого и соседних с ним регионов в составе одних и тех же государств, а также пролежавшие здесь пути международной торговли.

- культуре одежды местного населения, разумеется, были присущи определенные своеобразия, обусловленные традиционным образом жизни, местной культурой, обычаями, природой. Своеобычия стиля и кроя в одежде проявлялись, кроме того, внутри разных областей и городов.

- самобытные предметы одежды в Средней Азии формировались и развивались благодаря общим усилиям проживавших на этой территории народов. Взаимовлияния народов с античных времен, тесные социально-экономические условия их существования обусловили ту общность, которая наложила отпечаток и на одежные комплексы в крае;

- таджикский народ, распространив свою цивилизацию на территории, в некоторые периоды значительно превосходящей пределы современного Таджикистана, породили феномен таджикской народной одежды, который в прошлом оказал решающее влияние на формирование и поэтапную эволюцию предметов одежды в этих географических границах;

- богатейшее и содержательное наследие средневековой литературы на таджикско-персидском языке служит важным источником для изучения исторической одежды таджиков и других народов Центральной Азии. Эти произведения позволяют выявить названия одежд, их предназначения, окраски, виды использованных для их пошива тканей. Анализ обстоятельств, обусловивших упоминания названий конкретных предметов одежды, позволяет определить различные признаки, нужные для их полноценного воссоздания. Наряду с этим, привлечение материалов письменных источников, написанных на других восточных языках (арабском, тюркском,

китайском и др.) способствует дополнению и уточнению отдельных сведений, имеющих отношение к исторической одежде таджиков.

- наши, основанные на письменных материалах, знания об особенностях различных видов одежд могут быть уточнены и дополнены посредством привлечения других источников информации – археологических, художественных и т.д.

- с учетом устойчивости форм, стилей ношения и названий предметов восточного одежного комплекса эпохи средневековья, перечень литературных источников исследования, охватывающего конкретный хронологический интервал, может быть расширен в ту и другую сторону без нарушения научной методологии изучения.

Динамичные социальные, экономические и идеологические изменения, происходившие в жизни народов Средней Азии на всем протяжении XX века, наложили отпечаток и на бытовом укладе местного населения. Стремление к «европеизации» образа жизни сопровождалось ограничением сферы влияния традиционализма, в том числе в ношении одежды, ее содержании. Самобытная восточная одежда уступала место безликому костюму, завезенному извне и отражающему чужую материальную культуру, своеобразие иной цивилизации. Порой жители, придерживающиеся в одежде консерватизма, поставившие целью сохранение черт, присущих традиционному костюму, стали рассматриваться как «деревенщина», «представителями средневековья». Национальная одежда, особенно мужская, стала одеянием, преимущественно, домашним.

Однако с обретением Таджикистаном государственного суверенитета выяснилось, что потребность в пользовании предметами национальной одежды вовсе не иссякла. Сегодня это легко прослеживается в склонности к сохранению самых разных элементов традиционной одежды, украшений и т.д. Тем самым таджикский народ подчеркивает древность и богатство своих этнокультурных традиций и показывает, что успешно развивающимся народным традициям в обществе оказывается всесторонняя и широкая

поддержка. В современных условиях развития независимого Таджикистана сохранение и возрождение национального костюма является задачей актуальной, обусловленной тем, что в нем отражаются традиционные грани материальной культуры народа.

Примечательно, что сегодня в Таджикистане функционируют три высших учебных заведения, где осуществляется подготовка молодых дизайнеров одежды, обученных азам истории национального искусства и костюмного комплекса. Это Технологический университет Таджикистана, где функционирует специализированная кафедра дизайна, художественного проектирования и истории прикладных искусств, и образованный в 2013 году Государственный институт изобразительного искусства и дизайна Таджикистана, а также Таджикский политехнический институт (в Худжанде) при Техническом университете Таджикистана им. М. Осими. Учебный процесс в этих вузах предполагает проектирование и подготовку к запуску в индивидуальный пошив и массовое производство новых моделей на стыке авангарда и элементов народной исторической одежды, а также организацию каждые полгода шоу-показов разработанных моделей. Подчеркнем, что указанные учебные заведения основаны в условиях государственного суверенитета республики, что еще раз подтверждает стремление властей сохранить и развивать народную самобытность во всех его гранях, и в данном конкретном случае – в области национального костюма.

В процессе возрождения народной одежды существенную роль призваны играть разного рода государственные и неправительственные программы, целью которых является популяризация традиционного костюма. Основными задачами этих акций являются возрождение и сохранение народных традиций, дальнейшее развитие народного творчества и промыслов, воспитание молодежи в духе уважения к древним национальным традициям, а также выявление одаренных дизайнеров, способных успешно осуществить синтез современной и исторической одежды. Это, прежде всего, ежегодный областной конкурс-шоу «Таджикский атлас»,

проводящийся в историческом центре регионального шелкоткачества - Худжанде. Примечательно, что в 2015 году программа этого мероприятия была расширена и теперь оно называется «Фестиваль атласа и адраса». Такие фестивали проводятся и в других областях республики.

Еще одно новшество в культурных мероприятиях Таджикистана - Республиканский фестиваль национальной одежды «Хандаи хусн и джилваи чакан» («Улыбка прелести и кокетство вышивки»), посвященный Году семьи, который состоялся 7 ноября 2015 года в городе Душанбе по инициативе Комитета по делам женщин и семьи и Министерства культуры РТ. В рамках данного фестиваля, который преследовал цель возрождения культуры ношения таджикской одежды, зрителям были представлены многочисленные модели исторической, традиционной и современной одежды из традиционных тканей, являющихся результатам творчества дизайнеров по костюму со всех концов Таджикистана.

Выставка народной одежды регионов Таджикистана занимает важное место в программе ставших традиционными фестивалей национальных ремесел. Глаз веселит радужное сияние красок на самобытных платьях и халатах, которые сотнями выставляются на фоне природы. Их затейливые узоры значительно обогащают естественный летний пейзаж благоустроенного столичного парка «Боги Ирам», в чем можно было убедиться 30 августа 2015 года.

Другое, ставшее в Таджикистане традиционным, культурное мероприятие - фестиваль народного творчества и моды «Диёри хусн» («Страна красоты»), которое проводится с 2007 года. Инициаторами и главными организаторами ее проведения являются Международный фонд ремесленников Республики Таджикистан «Хафт Пайкар» («Семь красавиц») и Центр «МИНО» – Клуб ЮНЕСКО. В 2014 году в работе фестиваля приняли участие и зарубежные художники, специализирующиеся в области изобразительной миниатюры. В рамках фестиваля также состоялась научная конференция на тему «Развитие и проблемы современной таджикской

миниатюры», приуроченная памяти профессора Мукаддимы Ашрафи - известного таджикского искусствоведа, внесшего весомый вклад, как в изучение таджикско-персидской книжной миниатюры, так и в исследование исторического таджикского костюма.

В этом аспекте нужно также отметить большое значение проводимых в республике всевозможных конкурсов современных дизайнеров по костюму, в числе которых творческое состязание с броским названием «Коктейли и подиум». Это мероприятие проводится под патронажем международных неправительственных организаций. В рамках таких мероприятий проводятся шоу-показы модных коллекций таджикских модельеров, основное содержание творчества которых зиждется на применении традиционных тканей *атлас, адрас, бахмал, гулбаст* (батик) и др.

Замечательная инициатива последнего времени (март 2014 года) – официальное предложение Правительства Таджикистана включить вышивку *чакан* в реестр нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. В обосновании этого предложения отмечается, что техника национальной вышивки имеет глубокую историю, берущей начало с авестийской эпохи. Символы зороастризма и арийские знаки, встречающиеся в композициях узора *чакана*, служат неоспоримым свидетельством древности таджикской цивилизации. Другим подтверждением глубокой истории национальной вышивки служит ее неразрывная связь с праздником Навруз - Новым Годом по доисламскому восточному (авестийскому) календарю и примечательно, что традиция эта, в наши дни получает дальнейшее развитие. *Чакан* – это полные ярких красок широкие вышитые национальные женские платья *куртаи чакан*, декоративные панно *сузани* и *даври*, женские платки *румоли гулдузи* и мужские тюбетейки *токи*. В последние годы спрос на такие изделия только повышается.

Возрастающий год от года размах всеобщих торжеств в честь народных праздников, проведение которых нельзя представить без самобытных национальных нарядов – другой стимул для бережного отношения к

традиционному таджикскому костюму, его дальнейшему развитию. Среди таких празднеств особо выделяется праздник весны и труда Навруз, которому решением ЮНЕСКО, начиная с 2013 года, придан статус международного. Ежегодно с 20 по 24 марта все улицы и площади столицы и других городов и районов республики заполняют тысячи детей, молодых и пожилых людей в своеобразных нарядных костюмах, в которых находят отражение вся роскошь и богатство материальной культуры народа.

По мере становления суверенного Таджикистана и возрастания интереса в обществе к национальным традициям и культуре многие таджики вновь стали наряжаться в одежды традиционного стиля и из традиционных тканей. Эта тенденция получила особенное развитие в женской выходной и нарядной (праздничной, свадебной) одежде. В последнее время на улицах столицы Таджикистана все чаще можно видеть женщин, преимущественно из числа государственных служащих, которые поверх офисной одежды носят легкие распашные халаты из абровых тканей, в большей мере из адраса.

Женщина – двигатель моды, а таджикская женщина – еще и хранитель национальных традиций и народной одежды. Своеобразная традиционная таджикская одежда сохранилась главным образом именно в женской одежде. Наблюдаемая ныне тенденция возрастания склонности таджичек наряжаться в национальный костюм, его использование в качестве служебного наряда, является показателем бережного отношения к наследию предков и залогом дальнейшего развития народной одежды. А до тех пор, пока народ знает свою историю, проявляет уважение к своему прошлому, выражает любовь к своей Родине, своим традициям, - жива его история, живо его национальное искусство, жив его исторический костюм.

Подводя итог, можно констатировать, что все поставленные задачи настоящего исследования автором успешно решены. Проанализированы вопросы развития, взаимодействия и преемственности традиций, связанных с ношением верхней одежды, как нарядной, так и специальной. Автор отчетливо понимает, что не все выводы по разработанному вопросу носят

безусловный характер. Расширить наши познания в этой области материальной культуры таджикского народа позволят последующие исследования по данной теме.

ЛИТЕРАТУРА

Источники

Абу Абдулла Рудаки. Ветер Мулияна («Насими мулиён»): Сборник стихов (на тадж. яз.). – Душанбе: Адиб, 1999. – 192 с.

Абуали Мухаммад ибн Мухаммади Балами. История Табари (на тадж. яз.): В 2-х т. – Тегеран, 2001. – Т. 1. – 824 с.; Т. 2. – 817 с.

Абу-Наср ал-Утби. Китаб ал-Йамини («Книга десницы держав») // Материалы по истории туркмен и Туркмении. – Т. 1. – М.: Ин-т востоковедения, 1939.

Абурайхон Беруни. Памятник минувших поколений («Осор ул-бокия»). – Душанбе: Ирфон, 1990 (на тадж. яз.). – 423 с.

Аджаиб ад-дунйа («Диковинки мира») // Серия «Памятники письменности Востока». – М.: Наука, 1993. – 540 с.

Амир Хосров Дехлеви. Избранные произведения (на тадж. яз.): В 4-х т. – Душанбе: Ирфон, 1973. – Т. 3. – 390 с.; Т. 4. – 896 с.

Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане (1874-1889). – С-Пб., 1889. – 666 с.

Асади Туси. Гершасп-наме (на тадж. яз.). – Душанбе: Адиб, 2011. – 480 с.

Бадриддин Хилали. Газели и рубаи (на тадж. яз.). – Душанбе: Образование и культура, 2011. – 200 с.

Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда (1030–1041гг.) / Пер. с перс. А.К. Арендса. – М.: Наука, 1969. – 1008 с.

Бейсембиев Т.К. Известия «Джавами' ал-хикайат ал-Ауфи о Газневидах // Иран-наме. Научный востоковедческий журнал. - № 1. – Алма-Ата, 2008; 2009. – № 1. – С. 57-92.

Бобринский А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам. – М., 1908. – 150 с.

Борнс А. Путешествие В Бухару. - Ч. 1-2. - М.: География, 1948-1949.

Бурхан-уд-Дин-хан-и Кушкеки. Каттаган и Бадахшан (пер. А.А. Семенова) // Ташкент: Общ-во для изуч. Таджикистана и иранских народностей за его пределами, 1926 (<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XX/1900-1920/Kattagan/ frametext.htm>). - Дата обращения: 18.07.2012.

Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году Арминием Вамбери, членом Венгерской Академии. – М., 1865. – 221 с.

Гардизи Абу Саид. «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий»). – Ташкент: Фан, 1991. – 146 с.

Гияс уд-дин Мухаммад. Гияс ул-лугот (на тадж. яз.): В 3-х т. – Душанбе: Адиб. – Т. 1. – 1987. – 480 с.; Т. 2. – 1988. – 416 с.; Т. 3. - 1989. – 304 с.

Гребенкин А.Д. Заметки о Когистане // Материалы для статистики Туркестанского края. - 1873. – Т. 2. – С. 60-88.

Гребенкин А.Д. Таджики // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки. – Вып. 2. Статьи по этнографии, технике, сельскому хозяйству и естественной истории. – М., 1872. – С. 1-50.

Джами Абдурахман. Сочинения: В 8 т. (на тадж. яз.). – Душанбе: Адиб, 1988. – Т. 3. – 288 с.; Т. 6. – 560 с.; т. 8. – 496 с.

Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию в 1558-60 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. - М.: Объединение государственных книжно-журнальных издательств, 1937. - с. 175-197.

Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира («Таърихи джахонгушаи»). – М.: Магистр-пресс, 2004. – 689 с.

Ефремов Ф. Десятилетнее странствие. - М.: География, 1950.

Записка П.И. Демезона // Записки о Бухарском ханстве: Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича. – М.: Наука, 1983. – С. 17-83.

Ибн ал-Асир. Ал-комил фи-т-таърих («Полный свод истории»). Избранные отрывки. – Ташкент – Цюрих, 2005. – 595 с.

Ибн Баттута. Подарок наблюдающим диковинки городов и чудеса путешествий («Тухфат ан-нуззар фи гара'иб ал-амсар ва 'аджа'иб ал-асфар») // Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. - Т. 4. Арабские источники XIII-XIV вв. – М.: Восточная литература, 2002.

История Систана («Та'рих-и Систон») / Перев. с перс., введ. и комментарий Л.П. Смирновой. – М.: Наука, 1974. – 575 с.

Йакут ал-Хамави. Му'джем ал-булдан («Алфавитный перечень стран») // Саманиды в зеркале истории (на тадж. яз.). – Худжанд: Гос. изд-во им. Р. Джалиля, 1998. – Т. 2. – С. 279-302.

Кашифи Х.В. Трактат о доблести султана («Футувватнама-и султани»). – Душанбе: Адиб, 1991 (на тадж. яз.). – С. 26-123.

Книга Марко Поло. - М.: География, 1955.

Котов Ф. Хождение купца Федора Котова в Персию. - М., 1958.

Маджди Хофи. Хористан («Колючий сад»). – Душанбе: Адиб, 2004 (на тадж. яз.). – 242 с.

Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-Турк («Словарь тюркских языков»). – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.

Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару / Под ред. и со вступ. ст. Н.А. Халфина. – М.: Наука, 1975. – 180 с.

Муртазо Мударриси Гелони. Мораль Газзали или ключ к познанию (на тадж. яз.). – Душанбе: Сарват, 1992. – 78 с.

Мухаммад Наршахи. История Бухары. – Ташкент: Типо-Литография т. д. «О и Г. Братья Каменские», 1897. – 126 с.

Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте' (на тадж. яз.): В 2-х т. – Душанбе: Адиб. – Т. 1. – 1993. - 416 с. – Т. 2. – 2004. – 424 с.

- Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. – Ташкент, 1913. – 114 с.
- Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. – Казань: Тип-я Императ. Унив-та, 1886. – 245 с.
- Небольсин П.И. Очерки торговли России со странами Средней Азии: Хивой, Бухарой и Кокандом (со стороны Оренбургской линии). – С-Пб, 1856. – 375 с.
- Низам ал-Мульк. Книга о правлении («Сиасат-наме»). - М.: АН СССР, 1949. – 379 с.
- Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или четыре беседы. – М.: Изд. вост. литературы, 1963. – 174 с.
- Низами Гянджеви. Полн. собр. соч.: В 5 т (на тадж. яз.). - Душанбе: Ирфон, 1982-1984. - Т. 1. Хосров и Ширин. – 464 с.; Т. 2. Лейли и Меджнун. – 368 с.; Т. 3. Семь красавиц. – 416 с.; Т. 4. Книга славы. – 496 с.
- Нур ад-Дин Мухаммад ал-Ауфи. Собрание рассказов и блестящие истории («Джавами' ал-хикайат ва лавами' ар-ривайат» // Иран-наме. Научный востоковедческий журнал. – 2009. – № 1 (9).
- Отчет секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова о командировке в Припамирские бекства Бухарского ханства в 1904 г. // Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. - М., 1975.
- Путешествие в Восточные страны ПIANO Карпини и Вильома Рубрука. - М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. – 272 с.
- Рашид ад-Дин. «Сборник летописей» («Джами ат-таварих»). – Т. 1-3. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1946-1960. – 1117 с.
- Руми Джалялетдин. Сборник газелей. – Душанбе: Адиб, 1993. - Т. 2. – 464 с.
- Руми Джалялетдин. Маснави-и ма'нави («Смысловое маснави»). – Тегеран, 2001 (на тадж. яз.). – 728 с.
- Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403-1406 гг. - М., 1990.

Саади Ширази. Гулистан («Розовый сад»). – Душанбе, 2008 (на тадж. яз.). - 216 с.

Саади Ширази. Избранные произведения (на тадж. яз.). – Сталинабад, 1956. - 434 с.

Саади Ширази. Сборник сочинений (на тадж. яз.). – В 4-х т. – Т. 2. – Душанбе: Адиб, 1989. – 416 с.

Сайидо Насафи. Избранные произведения (на тадж. яз.). – Душанбе: Ирфон, 1977. – 700 с.

Семенов А.А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. - М., 1903. – 131 с.

Сироджуддин Алихон Орзу. Светило наставления («Чароги хидоят»). – Душанбе: Ирфон, 1992 (на тадж. яз.). – 288 с.

Словарь таджикского языка (с X до начала XX в.): В 2 т. (на тадж. яз.) – М.: Сов. энциклопедия, 1969. - Т. 1. - 952 с.; Т. 2. – 952 с.

Туркестанский альбом. Часть этнографическая. 1871-1872 гг. – Ташкент: Изд. Туркестанского генерал-губернатора, 1872.

Убейд Закани. Избранные произведения (на тадж. яз.). - Душанбе: Образование и культура, 2009. – 272 с.

Фахр ад-Дин Горгани. Вис и Рамин (на тадж. яз.). – Душанбе: Ирфон, 1966. – 456 с.

Хаким Санаи. Избранные произведения: В 2-х т. (на тадж. яз.). – Душанбе: Адиб, 1993. - Т. 1. – 400 с.

Хилал-ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов («Русум дар ал-Хилафа»). – М.: Наука, 1983. – 147 с.

Худуд ул-Олам («Пределы мира»). – Душанбе: Адиб, 2008 (на тадж. яз.). – 129 с.

Шариф Мухаммад Мансур Мубаракшах. Правила ведения войны и мужество («Адаб ал-харб ва-ш-шуджаат»). – Душанбе, 1997 (на тадж. яз.).

Шихаб ад-Дин ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны («Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны»). – М.: Восточная литература, 1996.

Шишов А. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. I (Этнография) // Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области.– Ташкент, 1904. – Т. XI. – С. 1-492.

Шишов А. Таджики. Этнографическое исследование. – Алматы, 2006. – 392 с.

Исследования

Абдуллаев П.А., Хасанова С.А. Одежда узбеков. - Ташкент, 1978. – с.

Альбаум Л.И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Правобережного Тохаристана. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960 – 228 с.

Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. – Ташкент: Фан, 1975.

Альбаум Л.И. Новые росписи Афрасиаба // Страны и народы Востока. – М.: Наука, 1971. – Вып. 10. – С. 53-89.

Ашрафи М.М. Миниатюры XVI в. в списках Джами из собраний СССР. - М.: Сов. художник, 1966. - 91 с.

Ашрафи М.М. Бухарская школа миниатюрной живописи 40-70 гг. XVI в. - Душанбе, 1974. - 30 с.

Ашрафи М.М. Персидско-таджикская поэзия в миниатюрах XIV-XVII вв. из собраний СССР. - Душанбе: Ирфон, 1974. - 125 с.

Ашрафи М.М. Из истории развития миниатюры Ирана XVI в. - Душанбе: Дониш, 1978. - 184 с.

Ашрафи М.М. Таджикская миниатюра. Бухарская школа XIV-XVII веков. – Душанбе, 2011. – 144 с.

Бабаева Н., Бахтоваршоева Л. Саван // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. - С. 127-132.

Бартольд В.В. Туркестанский край в XIII веке (по рассказу китайского путешественника) // Соч.: В 9 т. - Т. 3. Работы по исторической географии. - М.: Наука, 1965. – 711 с.

Бахтоваршоева Л. Набедренная одежда таджиков Горного Бадахшана // Этнография в Таджикистане. – Душанбе, 1989. – С. 165-185.

Бахтоваршоева Л. Платья традиционного покроя таджичек Памира // Памироведение: Сб. статей. – Душанбе: Дониш, 1984. – Вып. 1. – С. 145-152.

Бахтоваршоева Л. Ткани кустарного производства в Припамирье в XIX – начале XX в. (Материалы к «Историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана») // Сов. этнография. - М., 1973. – № 3. - С. 110-118.

Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись, скульптура. – М.: Искусство, 1973. – 68 с.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б. Из истории среднеазиатского шелкоткачества (К идентификации ткани занданечи) // Советская археология. – М., 1961 - № 2. – С. 66-68.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. – Л.: Наука, 1973. – 389 с.

Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М., 1976. – С. 75-89, 179-186.

Беленицкий А.М., Распопова В.И. Согдийские «золотые пояса» // Страны и народы Востока. - С. 213-218.

Бентович И.Б. Одежда раннесредневековой Средней Азии (по данным стенных росписей VI-VIII вв.) // Страны и народы Востока. - Вып. 22. - Кн. 2. М., 1960. - С. 196-212.

Бикжанова М.А. Мурсак – старинная верхняя одежда узбечек Ташкента // Труды АН ТаджССР. - Душанбе, 1960. – Т. 120. – С. 47-53.

Бикжанова М.А. Одежда узбечек Ташкента XIX - начала XX в. // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1979. – С. 133-150.

Винокурова М.П. Ткани из замка на горе Муг // Известия Отделения общественных наук ТаджССР. - Вып. 14. – Душанбе, 1957. – С. 22-33.

Горелик М.В. Ближневосточная миниатюра XII-XIII вв. как этнографический источник (опыт изучения мужского костюма) // Советская этнография. – М., 1972. - № 2. - С. 37-51.

Горелик М.В. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV-XIX вв. // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. - С. 49-69.

Дьяконова Н.В., Сорокин С.С. Хотанские древности. – Л.: Изд. Государственного Эрмитажа, 1960. – 128 с.

Дьяконова Н.В. «Сасанидские ткани» // Труды Государственного Эрмитажа. – Л., 1969. – Т. 10. – С. 81-98.

Дьяконова Н.В. К истории одежды в Восточном Туркестане II-VII вв. // Страны и народы Востока. - М.: Наука, 1980. – Вып. 22. – Кн. 2. - С. 174-195

Емельяненко Т.Г.. Традиционные ткани у таджиков // Таджики: история, культура, общество. – СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2014. - С. 342-365.

Ершов Н.Н., Широкова З.А. Альбом одежды таджиков. - Душанбе, 1969. – 81 с.

Задыхина К.Л., Сазонова М.В. Мужская одежда узбеков Хорезма конца XIX – начала XX в. / Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. - с. 151-168.

Иброхимов М.Ф. К проблеме идентификации средневековой ткани паринд // Актуальные проблемы современного общества: вопросы социологии, политологии, философии и истории: матер. Межд. научно-практ. конф. (17 декабря 2012 г.). - Новосибирск: Изд. «СибАК», 2012. – С. 143-147.

Иброхимов М.Ф. О доступной всем ткани «для состоятельных» // Вестник Томского государственного университета. История. – Томск, 2013. - № 371. – С. 96-98.

Иброхимов М.Ф. О «райской» ткани для венценосцев // Культура. Духовность. Общество: матер. III Межд. научно-практ. конф. (1 марта 2013 г.). – Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2013. – С. 160-163.

Иброхимов М.Ф. Таджикский ремесленный текстиль: Словарь-справочник. – Душанбе: Ирфон, 2003. – 60 с.

Иброхимов М.Ф. Текстильные промыслы таджикского народа в конце XIX – начале XX в. – Душанбе: Ирфон, 2013. - 182 с.

Иброхимов М.Ф. Типология хлопкоткачества в государстве Саманидов // Вестник университета (Российско-таджикский (славянский) университет). – Душанбе, 2013. - № 1 (40). – С. 157-160.

Иброхимов М.Ф. Традиционное ткачество таджиков: История и технология. - Душанбе: Ирфон, 2006. – 210 с.

Иброхимов М.Ф., Ишматов А.Б., Раджабова Д.К. Шелководство и текстильная обработка шелка в Центральной Азии в IX-X вв. // Технология текстильной промышленности. Серия «Известия высших учебных заведений». – Иваново, 2013. - № 1. – С. 113-114.

Иброхимов М.Ф., Раджабова Д.К. Импортные шелковые ткани в государстве Саманидов: происхождение и характеристика (по материалам письменных источников) // Социально-гуманитарные науки: проблемы и пути решения в условиях современного общества. Монография (коллективная). – Ставрополь: Логос, 2012. – С. 113-132.

Иброхимов М.Ф., Раджабова Д.К. Некоторые сведения об отражении текстильных промыслов и их продукции в исторических названиях местностей Центральной Азии // Вестник Технологического университета Таджикистана. - Душанбе, 2010. – С. 188-190.

Иброхимов М.Ф., Раджабова Д.К. Одежда и костюм // Искусство эпохи Мир Сайид Али Хамадани. – Душанбе, 2015. - С. 197-212.

Иброхимов М.Ф., Раджабова Д.К. О культуре костюма Джами (на основе письменных и художественных источников) // Матер. Международной научно-практической конференции «Джами и шаг в развитии персидско-таджикской науки и литературы в XV веке» (20 сентября 2014 г.). – Душанбе, Технологический университет Таджикистана, 2014 г. – 6 с.

Иброхимов М.Ф., Раджабова Д.К. Средневековые ковры и ковровые изделия в Центральной Азии // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2011. - № 2(66). – С. 128-132.

Иброхимов М.Ф., Раджабова Д.К. Текстильное производство в горных районах Таджикистана в конце XIX – начале XX в. // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2012. - № 3/3(87). – С. 23-25.

Иброхимов М.Ф., Раджабова Д.К. Текстильные промыслы Мавераннахра в IX-X вв. // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. – Душанбе, 2012. – № 4. - С. 4-6.

Иброхимов М.Ф., Раджабова Д.К. Типология и периодизация центральноазиатских старинных изделий ткачества // Подготовка научных кадров и специалистов новой формации в свете инновационного развития государств: матер. Межд. научно-практ. конф. (30,31 октября и 1 ноября 2010 г.). – Душанбе: Ирфон, 2010. – С. 253-256.

Иброхимов М.Ф., Раджабова Д.К. Традиционные технологии приготовления красок и крашения в текстильном производстве таджиков // Вестник Таджикского технического университета. – Душанбе, 2012. - № 2(18). – С. 114-117.

Ишматов А.Б., Иброхимов М.Ф., Раджабова Д.К. Типология шелкоткацкого производства в государстве Саманидов // Технология текстильной промышленности.

Серия «Известия высших учебных заведений». – Иваново, 2012. - № 6 (342). – С. 186-189.

Кругликова И.Т. Дильберджин (раскопки 1970-1972 гг.). – Ч. 1-2. – М.: Наука, 1974, 1977.

Кругликова И.Т. Дильберджин. Храм Диоскуров // Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. - М., 1986. – 120 с.

Кругликова И.Т. Настенные росписи Дильберджина // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. - М., 1979.

Лобачёва Н.П. К истории среднеазиатского костюма (женские головные накидки-халаты) / Советская этнография. – М., 1965. - № 6. – С. 34-49.

Лобачева Н.П. О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1989. – С. 5–38.

Лобачева Н.П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стеновых росписей архитектурных памятников VI-VIII вв.) // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. - М.: Наука, 1979. – С. 18-48.

Люшкевич Ф.Д. Одежда жителей Центрального и Юго-Западного Ирана первой четверти XX в. // Сб. МАЭ. – 1970. – Т. XXVI. – С. 283–312.

Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Сборник Музея антропологии и этнографии РАН. – Т. 34. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. - Л., 1978. – С. 123-144.

Люшкевич Ф.Д. Одежда этнических групп населения Бухарского оазиса и прилегающих к нему районов. Первая половина XX в. (опыт сравнительной характеристики) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1989. – С. 107-138.

Майтдинова Г.М. Женские костюмы Тохаристана и Согда в период раннего средневековья (по произведениям изобразительного искусства) // Бактрия – Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. – М., 1983. – С. 52-53;

Майтдинова Г.М. История таджикского костюма. – Душанбе, 2004. - Т. 1. Генезис костюма таджиков: древность и раннее средневековье. – 280 с.; Т. 2. Средневековый и традиционный костюм. – 254 с.

Майтдинова Г.М. Костюм раннесредневекового Кумеда // Меросиниёгон. – Душанбе, 1992. – Вып. 1. – С. 55-58.

Майтдинова Г.М. Костюм раннесредневекового Тохаристана: история и связи. – Душанбе: Дониш, 1992. – 266 с.

Майтдинова Г.М. Отражение в женских костюмах Тохаристана и Согда культурных взаимосвязей раннего средневековья // История материальной культуры Узбекистана. – Вып. 21. – Ташкент, 1987. – С. 114-132.

Майтдинова Г.М. Раннесредневековый костюм музыкантов и танцоров Средней Азии / Известия отделения общественных наук Академии наук РТ. – Душанбе, 1989. - № 1.

Майтдинова Г.М., Елкина А.К. Реставрация, реконструкция и исследование древних тканей // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1994. – Вып. 25. – С. 75-78.

Махова Е.И., Русяйкина С.П. Программа сбора материала для атласа по народной одежде // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. – М.-Л., 1961.

Мешкерис В.А. Женские чалмообразные головные уборы на кушанских статуэтках из Согда // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. - С. 13-18.

Мукминова Р.Г. Костюм народов Средней Азии по письменным источникам XVI в. // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. - С. 70-77.

Мукминова Р.Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI веке. – Ташкент: Фан, 1976. – 234 с., 7 л. ил.

Муллер Н. Каба, лечаки, черкеска, чоха // Наука и жизнь. – М., 1989. - № 3. - С. 92-93.

Немцева Н.Б. К истории тканей и одежды населения Средней Азии XV в. // Из истории искусства великого города (к 2500-летию Самарканда). – Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1972. – С. 243-251.

Нуруллаева Ш.К. Традиционная одежда узбеков Хорезмского оазиса (конец XIX – первая половина XX века). - Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 2011. – 30 с.

Писарчик А.К. Материалы к истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские одежды и головные уборы // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. - С. 113-122.

Писарчик А.К. Одежды таджиков Нурата. – Душанбе: Сафир, 2003.

Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX – начала XX века в собраниях Кунсткамеры. – СПб.: Наука, 2011. – 452 с.

Прищепова В.А. Традиционная культура народов Центральной Азии по фотоколлекциям Музея народоведения в собраниях МАЭ (1920-1930 гг.) // Центральная Азия: традиции в условиях перемен. – Вып. 2. - С. 323-374.

Пугаченкова Г.А. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV - первой половины XVI вв. // Труды Среднеазиатского государственного университета. - Вып. 81. Исторические науки. – Кн. 12. Археология Средней Азии. – Ташкент, 1956. – 121 с.

Пугаченкова Г.А. К истории паранджи / Советская этнография. – М., 1952. - № 3. – С. 191-195.

Пугаченкова Г.А., Галеркина О.И. Миниатюры Средней Азии. В избранных образцах. Из советских и зарубежных собраний. – М.: Изобразительное искусство, 1979. – 208 с.

Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье. – М.: Искусство, 1982. – 288 с.

Равдоникас Т. Одна из функций стеганой одежды // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1978. – Вып. 34. – С. 175-181.

Раджабова Д.К. Народная одежда таджиков: факторы сохранения и развития в условиях XXI века // Матер. Межд. научно-практической конфер. «Инновационное развитие Республики Таджикистан: проблемы науки и образования» (18-19 декабря 2015 г.). – Душанбе, Технологический университет Таджикистана, 2015 г. – 4 с.

Раджабова Д.К. Кабо – одежда аристократов // Матер. Республ. научно-практической конфер. по теме «Наука и инновационная среда в условиях вступления Республики Таджикистан в ВТО» (25-26 апреля 2014 г.). – Душанбе, Технологический университет Таджикистана, 2014. – С. 212-215.

Рассудова Р.Я. Женские головные платки населения Ферганской долины и Ташкентского оазиса (конец XIX - XX в.) // Полевые исследования Ин-та этнографии, 1980-1981. – М., 1984. – С. 196-206.

Рассудова Р.Я. К истории женской одежды Ферганы и Ташкента (XIX – начало XX в.) // Полевые исследования Ин-та этнографии, 1979. – М., 1983. – С. 164-178.

Рассудова Р.Я. К истории одежды среднеазиатского духовенства // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Сборник Музея антропологии и этнографии. - Л., 1989. – Вып. 43. Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии. – С. 170-179.

Рассудова Р.Я. К истории развития одежды оседлого населения Ферганы, Зеравшана и Ташкентского региона // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1978. - Т. 34. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. - С. 154-174.

Рассудова Р.Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана (по коллекциям и записям А.Л. Троицкой и Г.Г. Гульбина, 1926-1927 гг.) // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1970. – Т. 26. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. – С. 16-51.

Рассудова Р.Я. Сравнительная характеристика мужской одежды населения Ферганско-Ташкентского региона (XIX-XX в.) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1989. – С. 139-156.

Рахимова З.И. Бухарский костюм XVI–XVII вв. на миниатюрах Мовароуннахра // Санъат. – Ташкент, 2003. - № 4. - С. 15-20.

Рахимова З.И. Костюм Бухары и Самарканда XVI-XVII веков (по данным средневековой миниатюрной живописи). – Ташкент, 2005. - 140 с., илл.

Рахимова З.И. Мавераннахрская (среднеазиатская) миниатюрная живопись XVI-XVII вв. как источник по истории костюма: Автореф. дис. ... канд. иск. – Ташкент, 1984. – 21 с.

Рахимова З.И. Среднеазиатский женский костюм на миниатюрах Мовароуннахра XVI–XVII вв. // Культура Среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство. - Ташкент, 1990. - С. 135-164.

Рахимова Зухра. Суфийская концепция одежды в костюме шейков и дервишей (по данным позднегератской миниатюры). - <http://www.sanat.orexca.com/rus/archive/2-08/sufkonc.shtml> (дата обращения - 26.05.2014).

Рахимова З.И. Народная одежда на миниатюрах Мовароуннахра XVI–XVII вв. // Эстетические закономерности и конкретные особенности историко-художественного процесса. - Ташкент, 1984. - С. 100-110.

Резван М., Резван Е. Чтобы проклятья остались снаружи или «платье-оберег» // Грезы о Востоке: Русский авангард и шелка Бухары. - Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Рузиева М. Посмертная и траурная одежда узбеков г. Ташкента // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1979. – С. 169-174.

Русайкина С.П. Народная одежда таджиков Гармской области Таджикской ССР // Среднеазиатский этнографический сборник. – М., 1959. – С. 132-214.

Садыкова Н. Национальная одежда узбеков Бухары и Самарканда XIX – XX вв. (рус. и англ. тексты). – Ташкент: Шарк, 2006. – 32 с.

Садыкова Н. Национальная одежда узбеков Ташкента и Ферганы XIX – XX вв. (рус. и англ. тексты). – Ташкент: Шарк, 2006. – 32 с.

Садыкова Н. Национальная одежда узбеков Хорезма XIX – XX вв. (рус. и англ. тексты). – Ташкент: Шарк, 2007. – 32 с.

Сазонова М.В. Женский костюм узбеков Хорезма // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1989. – С. 90-106.

Старостина О.В. Традиционный женский костюм равнинных таджиков (конец XIX – начало XX в.) // Таджики: история, культура, общество. – СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2014. – С. 366-402.

Сухарева О.А. Вопросы изучения костюма народов Средней Азии // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. – С. 3-13.

Сухарева О.А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. – М., 1954. – Вып. 1. Новая серия. – Т. XXI. – С. 111-157.

Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX - начало XX в.). – М.: Наука, 1982. – 140 с.

Сухарева О.А. Опыт анализа побоев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. – С. 77-102.

Сухарева О.А. Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в. // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии.- Л.: Наука, 1970. - С. 101-112.

Сычев Л.В. Из истории плечевой одежды народов Центральной и Восточной Азии (К проблеме классификации) // Советская этнография. – М., 1977. - № 3. - С. 31-46.

Толстов С.П. Древний Хорезм. – М.: Изд-во МГУ, 1948. – 352 с.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962. – 333 с.

Холики А. К истории культуры и этнографии таджиков X-XIII веков (по данным письменных источников). – Худжанд, 2000. - 184 с.

Холики А. Материальная культура Мавераннахра и Хорасана X–XIII вв. по данным средневековых письменных источников: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 1994. – 21 с.

Шефер Э. Золотые персики Самарканда. – М.: Наука, 1981. – 608 с.

Широкова З.А. Архаические детали в женской одежде горных районов Кулябской области. – Изв. Отд-ния общественных наук АН ТаджССР. – Сталинабад, 1953. - № 3. – С. 99-107.

Широкова З.А. Детская одежда таджиков и связанные с ней обряды // Этнографическое обозрение. – № 4. - М., 2002. – С. 83-88.

Широкова З.А. Мужская и женская поясная одежда таджиков // Этнография в Таджикистане. – Душанбе, 1989.

Широкова З.А. Одежда // Таджики Каратегина и Дарваза.– Душанбе, 1976. – Вып. 3. - С. 116-202.

Широкова З.А. Одежда таджиков Дарваза / Изв. АН Тадж. ССР. - Сталинабад, 1956. - № 10-11. - С. 111-124.

Широкова З.А. Таджикский костюм конца XIX – XX вв. – Душанбе: Дониш, 1993. – 199 с.

Широкова З.А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1976. – 206 с.

Широкова З.А. Традиционные женские головные уборы таджиков (юг и север Таджикистана) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. - М., 1989. - С. 182-203.

Широкова З.А., Шовалиева М.М. Костюмный комплекс таджиков-переселенцев из ГБАО в Вахшскую долину // Очерки истории и теории культуры таджикского народа. – Т. 4. – Душанбе: Дониш, 2010. – С. 144-163.

Широкова З.А., Шовалиева М.М. Трансформация костюмного комплекса таджиков-переселенцев из ГБАО // Труды Маргианской археологической экспедиции. – Т. 4. – М., 2012. – С. 256-266.

Шишкин В.А. Афрасиаб – сокровищница древней культуры. – Ташкент: АН УЗССР, 1966. – 36 с.

Шишкин В.А. Варахша. Опыт исторического исследования. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 250 с.

Шишкин В.А. О художественном ремесле в Средней Азии V-VIII вв. по памятникам древней живописи (текстиль) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. - № 80. – С. 22-25.

Царева Е. Благородная Бухара // Грезы о Востоке: Русский авангард и шелка Бухары. - Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Царева Е. У подножья Крыши Мира // Грезы о Востоке: Русский авангард и шелка Бухары. - Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Яценко С.А. Древние тюрки: костюм на разноцветных изображениях. – Харьков, 2007. – 60 с.

Яценко С.А. Древние тюрки: мужской костюм в китайском искусстве 2-ой пол. VI - 1-ой пол. VIII вв. (образы «Иных») // Transoxiana (Internet-journal). № 14 (Agosto 2009), Buenos-Aires, 2009.

Яценко С.А. Костюм // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. - М.: Вост. литература, 2000. – Т. IV. - С. 296-384 + 17 табл.

Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006 (49 а.л., 661 с. + 222 табл.).

Яценко С.А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции. – Дисс. ... д-ра. ист. наук. – М., 2002. – 582 с.

Яценко С.А. На родине и на чужбине: облик костюма раннесредневековых согдийцев по изображениям // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Ч. 1. - Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Респ. Татарстан, 2010. - С. 459-462.

Яценко С.А. Согдийцы на родине и за границей: различия в костюме VI–VIII вв. по изображениям в Согде и Китае // Археология Казахстана. – Астана, 2012. - № 1.

Яценко С.А. Характерные черты кушанского мужского костюма II-III вв. н.э. // Древний Амударья: проблемы истории и культуры Средней Амударьи: Тез. докл. Межд. научного симпозиума. – Чарджоу, 1993. – С. 42-44.

Яценко С.А. Цветовые предпочтения в костюме древних ираноязычных народов // Матер. XIII междун. Научной конфер. «Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии» (28 июня – 1 июля 2010 г.). – СПб., 2010.

Яценко С.А. Центральноазиатские элементы в костюме Тиллятепе // Тез. докл. конф. «Культура и искусство Центральной Азии». – Л., 1988.